

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

Вып. 1
2019

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)

Выпуск 1

Элиста
2019

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Издается с 2002 г.

Журнал зарегистрирован 22.09.2017 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-71139 от 22.09.2017

ISSN 2500-1523 (Print)

DOI 10.22162/2500-1523

Учредитель: КалМНЦ РАН

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р филол. наук, академик АН Монголии *Л. Болд* (Монголия);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Санкт-Петербург, Россия);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (Москва, Россия);
д-р ист. наук *На. Сүхэбаатар* (Монголия); д-р филол. наук *Таяа* (КНР);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия)

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук *В. В. Куканова* (гл. редактор);
д-р ист. наук, чл.-корр. *С. А. Арутюнов*; д-р филол. наук, д-р ист. наук *А. А. Бурыкин*;
д-р филол. наук *Л. С. Дамтилова*; д-р филол. наук *Б. С. Дугаров*;
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*; д-р филол. наук *В. Л. Кляус*;
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*; д-р ист. наук *К. В. Орлова*;
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*; д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*;
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*; д-р ист. наук *А. Н. Команджаев*;
канд. соц. наук *С. Э. Лиджи-Горяева*; канд. филол. наук *Б. Б. Манджиева*;
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*; д-р филол. наук *В. Н. Мушаев*;
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*; д-р филол. наук *С. М. Трофимова*;
канд. филол. наук *Р. М. Ханинова*; д-р филол. наук *А. Д. Цендина*;
д-р филол. наук *Чао Гету*

Редактор — *Р. Г. Саряева*

Перевод — *С. В. Джагрунов*

Ответственный секретарь — *С. В. Мирзаева*

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:
д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 г. Элиста,
Российская Федерация, Республика Калмыкия
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: mongoloved@kigiran.com

© Калмыцкий научный центр
Российской академии наук, 2019

© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

История

Ряжев А. С. Казачья история юга и юго-востока России XVIII – начала XIX в. в контексте этноконфессиональных отношений: историографические заметки	5
Очилов У. Б. Вклад П. Э. Алексеевой в изучение истории Калмыкии в период Гражданской и Великой Отечественной войн	23
Гунаев Е. А. Калмыцкая автономная область в составе Ставропольского края в 1957 – первой половине 1958 гг.: особенности политико-правового статуса	48

Источниковедение

Боликова Р. Б. Популяризация архивных документов и архивных фондов Республики Калмыкия	66
Баянова А. Т. Об истории рукописной книги, изданной калмыками в эмиграции в 1947 г.	76
Топалова Д. Ю. Обзор личного фонда П. Э. Алексеевой	90
Долеева А. О. О библиографических трудах П. Э. Алексеевой	109

Этнология

Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение)	115
Батырева С. Г. Войлок в обрядовой культуре калмыков	133

Языкознание

Сарангэрэл Р. Характеристика звуков речи с точки зрения традиционной грамматики монгольского языка	145
---	-----

C O N T E N T

HISTORY

Ryazhev A. 1 ^{8th} – Early 19 th Century Cossack History of South and Southeast Russia in the Context of Ethno-Confessional Relations: Historiographic Notes.	5
Ochirov U. Investigating Kalmykia’s History during the Russian Civil and Great Patriotic Wars: the Impact of P. E. Alekseeva	23
Gunaev E. Kalmyk Autonomous Oblast as a Territory within Stavropol Krai in 1957 and early-to-mid 1958: Peculiarities of the Political and Legal Status.	48

SOURCES STUDIES

Bolikova R. Popularization of Archival Documents and Archival Fonds of the Republic of Kalmykia	66
Bayanova A. Revisiting the History of One Manuscript Book Issued by Emigrant Kalmyks in 1947	76
Topalova D. A Review of P. E. Alekseeva’s Personal Fond	90
Doleeva A. P. E. Alekseeva’s Bibliographic Works Revisited	109

ETHNOLOGY

Zhukovskaya N. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions). Diary of the Ethnography Research Team (Continuance)	115
Batyreva S. Felt in the Ritual Culture of the Kalmyks.	133

LINGUISTICS

Sarangerel Ravjir. Characterizing Speech Sounds: a Perspective from Traditional Mongolian Grammar	145
--	-----

ИСТОРИЯ

УДК 930.1 (470.4; 470.6)
DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-5-22

Казачья история юга и юго-востока России XVIII – начала XIX в. в контексте этноконфессиональных отношений: историографические заметки

18th – Early 19th Century Cossack History of South and Southeast
Russia in the Context of Ethno-Confessional Relations:
Historiographic Notes

*A. С. Ряжнев (A. Ryazhev)*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-2626-6953. E-mail: riazhev@yandex.ru

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Hist.), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0002-2626-6953. E-mail: riazhev@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вероисповедной политики российского государства в раннее Новое время. В ней дан обзор новейшей отечественной историографии иррегулярных войск на российской службе, в том числе казачества, выявлены наиболее крупные темы и сюжеты соответствующих исследований, охарактеризована роль, отводимая названным войскам в деле защиты и освоения окраин современными историками. Предлагаемая работа вскрывает этноконфессиональную проблематику развития казачества, служившую предметом забот властей. В итоге автор констатирует наличие историографических оснований для вывода о том, что на протяжении XVIII в. власти серьёзно опасались протеста казаков-старообрядцев и старались снизить эту угрозу, расширяя ряды казачества на юге России за счёт буддистов и мусульман, а также этнических

групп, невосприимчивых к старообрядчеству по своему культурному укладу и менталитету.

Ключевые слова: казачество, старообрядцы, Российская империя, юг России, раннее Новое время, отечественная историография российской истории

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ государственной регистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Ряжев А. С. Казачья история юга и юго-востока России XVIII – начала XIX в. в контексте этноконфессиональных отношений: историографические заметки. Монголоведение. 2019;(1):5-22. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-5-22.

Abstract. The article studies the religious policy of the Russian government in the Early Modern era. It reviews some latest domestic historiographic sources dealing with irregular troops in the service of Russia, including Cossack ones, identifies most significant topics and segments of respective studies, characterizes the role assigned by contemporary historians to the mentioned military units within campaigns for the defense and development of peripheral lands. The work provides an insight into ethno-confessional issues of emerging Cossack communities that was quite a concern for authorities. It resumes that there is enough historiographic evidence to conclude that throughout the 18th century the authorities seriously feared Cossack Old Believers might revolt and sought to reduce the threat establishing new Cossack-ranked units consisting of Buddhists, Muslims, and representatives of other ethnic groups culturally and mentally resistant to ideas of Old Believers.

Keywords: Cossacks, Old Believers, Russian Empire, South Russia, Early Modern era, Russian domestic historiography

Acknowledgements. Research was performed within a government subsidy — project ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. АААА-А19-119011490038-5).

For citation: Ryazhev A. S. 18th – Early 19th Century Cossack History of South and Southeast Russia in the Context of Ethno-Confessional Relations: Historiographic Notes. Mongolian Studies. 2019;(1):5-22. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-5-22.

Вероисповедная политика российской монархии в раннее Новое время — актуальный вопрос историографии. Одним из важных аспектов подобной политики было регулирование этноконфессиональных отношений, обусловленных присутствием в составе иррегулярных войск, прежде всего казачьих, представителей различных исповеданий. На протяжении XVIII–XIX вв. оно постоянно возрастало, и этот факт в своё время получил признание в клас-

сике казаководения — в трудах В. Б. Броневского, И. Д. Попко, В. А. Потто, А. И. Ригельмана, Е. Д. Фелицына, Ф. А. Щербины.

Не проходит мимо него и современная научно-историческая литература, посвящённая как прошлому казачества, так и в целом военно-политической истории российских окраин в Новое время.

Причины, по которым в казаки настойчиво зачисляли тех, кто не принадлежал к господствовавшей греко-российской церкви, получают ныне в трудах специалистов по истории окраин Российской империи принципиально единое обобщение. Оно таково: военно-гражданская администрация исходила из необходимости защиты протяжённых, лишённых естественных укреплений границ, находясь под давлением внешних обстоятельств и руководствуясь прагматическими соображениями. Между тем состояние отечественной историографии XXI в. позволяет определить, наметить для исследования иные факторы, определявшие логику поведения властей в деле пополнения состава казачества, что и входит в задачу настоящей статьи.

В целом публикации 2000–2010-х гг. охватывают три крупных тематических направления изучаемого времени, характеризующие процесс инкорпорации территорий юга и юго-востока России, их населения и социальной верхушки в имперскую систему охраны внешних рубежей и административного управления. Прежде всего, это проблематика освоения окраин, включая методологические поиски в соответствующей сфере. Далее — история казачества. И, наконец, история миссионерства церкви, включённого в политико-идеологический имперский контекст.

Наличие специальных исследований, обобщающих и историографических [Горяев 2018; Мизис, Кашченко 2011; Савенко и др. 2013; Джунджужов 2014а; Джунджужов 2014б; Очерки истории 2014; Сабанчиев и др. 2017; Мининков 2018], позволяет детально представить существующую ситуацию в научной литературе и, как следствие, выбрать пути её анализа.

В плане изучения ситуации на российских окраинах в раннее Новое время весьма важна констатация взаимосвязи между ростом внутренних противоречий в среде служилого населения и попытками властей преодолеть негативные последствия этих

противоречий для пограничной безопасности. В частности, в литературе отмечен политический раскол украинского казачества в первой трети XVIII в., выразившийся в борьбе казаков и гетманов Лёво- и Правобережья и так называемой ханской Украины. Введены в научный оборот и сведения о внешнеполитических последствиях этого раскола, именно планах создания православного патриархата на Правобережной Украине в период Северной войны. По замыслу османских и шведских дипломатов, полагававших в 1710-е гг. возможным подобный проект, патриархат во главе с греческими иерархами — ставленниками Порты должен был служить залогом объединения казачьих групп (запорожцев, последователей И. С. Мазепы, сторонников Ф. С. Орлика) на Правобережной Украине и сделать её барьером Османской империи против России и Речи Посполитой. Историками отмечены также ответные меры российской стороны первой трети XVIII в. — создание на Украине новых иррегулярных формирований (чугуевские казаки и другие), амнистия запорожцам и восстановление Запорожской Сечи, дипломатическое давление, направленное на срыв попыток использовать православные институты против интересов России [Соклаков 2015: 394, 395; Базарова 2016: 488–492].

Своё место в литературе заняли и труды, зафиксировавшие значение религиозного фактора русско-калмыцких отношений [Джунджузов 2014г: 362; Тепкеев 2017а: 26–28; Горяев, Авлиев, Кольцов 2018: 44, 45]. В них дан анализ общественно-политических процессов, порождённых приходом калмыков на Волгу, образованием Калмыцкого ханства, соседством русского и калмыцкого обществ. Показано, что контакты калмыцкой верхушки с российскими властями и двором оборачивались переходом калмыков в греко-российское православие и формированием на северо-западной периферии калмыцких кочевий оседлых новокрещенских поселений. Последние, впрочем, имели недолгую историю — калмыцкая аристократия, не желавшая терять подвластный люд, сделала всё для скорейшего их уничтожения.

Рост численности крещёных калмыков приводил к влиянию данного обстоятельства на политическую борьбу, развернувшуюся в Калмыцком ханстве во второй половине 1720 – первой по-

ловине 1730-х гг. В надежде получить российскую поддержку и стать ханом о переходе в православие со своими людьми заявил Баксадай Доржи, один из внуков хана Аюки, получивший после крещения княжеский титул и новое имя — Пётр Петрович Тайшин. Этот и связанные с ним эпизоды (церковная миссия в кочевой ставке П. П. Тайшина, формирование воинских контингентов из крещёных калмыков и проекты перевода их под единое командование) имеют давнюю историографическую традицию [Бакунин 1995: 39–69].

Но в нынешней литературе прозвучало и новое слово. Были обозначены последствия кризиса: с одной стороны, пополнение улусов донских калмыков, с другой — создание волжского Ставропольского калмыцкого войска из крещёных калмыков и включение калмыков — христиан и буддистов — в Яицкое и Оренбургское казачьи войска [Джунджузов, Любичанковский 2017б: 1197–1199, 1201, 1202].

Важная роль в судьбах калмыков и южного казачества отводится В. Н. Татищеву. Конец 1730-х гг. — годы его деятельности во главе Оренбургской комиссии, когда на Волге были основаны крепость Ставрополь и калмыцкое поселение вокруг неё, были для администратора нелёгкими: ему грозила опала и казнь. Ситуацию изменили события 1740–1741 гг. Падение Э. И. Бирона, воцарение Елизаветы Петровны означали новую ступень в карьере В. Н. Татищева: на посту астраханского губернатора он продолжил меры по интеграции калмыков в государственную систему и провёл преследования староверов в Терском войске [Салаев, Сусеева, Есенова 2018: 986].

Историография казачества пополнилась в наши дни работами, расширяющими научные знания о религиозной борьбе в казачьей среде на почве церковного раскола. Труды дореволюционных историков, впервые затронувших эту тему, говорили, прежде всего, о длительности этой борьбы. В частности, авторы указывали, что её открытая фаза, включая вооружённое противостояние, имела место на Дону в 1680–1690-е гг. [Дружинин 1889: 172–212]. В Яицком и Волжском казачьем войсках она носила латентный характер и растянулась вплоть до середины 1750-х гг. [Витевский 1897: 345–356].

При этом религиозная вражда имела ожесточённый характер, разделяя семьи и близких родственников. Историография казачества ныне, после перерыва, вызванного перипетиями XX в., также признаёт борьбу на Дону, размежевавшую староверов и приверженцев греко-российской церкви, своего рода первой гражданской войной [Мининков 2013: 70, 73].

В этой связи литература отмечает тенденцию властей компенсировать снижение численности и боеспособности казачьих войск на российской службе, обусловленное религиозным и политическим противостоянием. Попытки подобного рода были связаны с открывшимися в последней четверти XVII в. возможностями пополнения казачьих рядов за счёт калмыков — выходцев из Калмыцкого ханства.

Историки констатируют, что начало было положено уходом ряда калмыцких владельцев-аристократов со своими улусами на Дон, что укрепило боеготовность Донского войска в целом и расширило использование иррегулярной конницы в войнах России первой трети XVIII в. и особенно в Северной войне.

Укрепление русско-калмыцких взаимосвязей имело определённые последствия для вероисповедного состояния казачьих войск, о чём также находим данные в исследованиях наших дней. Донские староверы в борьбе с московскими властями рассчитывали на помощь пришедших на Дон джунгар и даже полагали возможным привлечь к союзу «иные орды» — калмыков, ногайцев, крымцев. Но восстание старообрядцев на Дону последней четверти XVII в. было подавлено правительством при содействии тех же джунгар.

Позже значительный вклад в разгром восстания К. А. Булавина в 1708–1709 гг. внесли лояльные ханские калмыки. В итоге общины казаков-староверов, возникавшие на южной окраине России, а также часть булавинцев во главе с И. Некрасовым перешли под власть крымского хана [Мининков 2013: 71, 73; Сень 2015: 81, 82; Тепкеев 2016: 15–17; Тепкеев 2017б: 7, 10–17].

В историографии давно содержится констатация перманентной враждебности некрасовского воинства по отношению к российским властям. Некрасовцы пытались получить поддержку Карла XII, осесть под Азовом при помощи турецких властей, дабы сохранить влияние на казаков-донцов [Артамонов 1990: 98, 176], в

дальнейшем же вплоть до ликвидации Крымского ханства принимали участие во всех войнах, в которых последнее являлось противником России.

К этому ныне добавляется тот вывод, что некрасовцы с XVIII в., в новых исторических условиях продолжили практику неконфронтационного соседства и развития многообразных связей казачества с мусульманскими кочевыми и полукочевыми обществами, типологически свойственную позднему средневековью [Сень 2018: 40–43].

В условиях наметившегося продвижения России на юг и восток и в купе с религиозно-политической нестабильностью в Яицком, Волжском, Терском войсках, обусловленной сохранявшим силу протестом старообрядцев, напряжённостью в среде малороссийского казачества, вызванном контактами с некрасовцами [Сень, Швайба 2015: 167–169], это создавало крайне сложную ситуацию для государства. Следует подчеркнуть, что подобная сложность сохранялась в течение длительного времени — вплоть до упразднения Калмыцкого ханства и присоединения Крыма к России.

Именно в этих условиях, как следует из литературы, правительство и решилось в XVIII в. на систематическое пополнение казачьих войск нерусскими или неправославными служилыми группами.

В исследованиях о прошлом украинских казаков отмечено, что на создание нового иррегулярного формирования на Украине — чугуевской казачьей команды — власти пошли, столкнувшись с противоречиями между гетманами и группами казаков на Украине и задействовав для этого именно крещёных калмыков [Соклаков 2015: 395].

В трудах по истории донского казачества длительное время фиксируется постоянная подпитка Донского войска за счёт выходцев из Малороссии, тюрков, калмыков [Черницын 1990: 77–79].

Новое войско — Оренбургское — было создано в 1748 г. на юго-восточной окраине, и оно также пополнялось калмыками, крещёными и некрещёными. В состав обоих войск на юго-востоке — Яицкого и Оренбургского — до середины XVIII в. зачислялись малороссийские выходцы (казаки и крестьяне), группы (до нескольких

сот человек) калмыков, татар-мишарей. Имели место и единичные зачисления башкир.

Кроме того, с середины XVIII в. растёт использование калмыков и башкир в военных кампаниях и на пограничной службе [Кортунов, Фокин 2012: 39–44, 47–49, 60, 64, 65, 77–79; Кортунов, Годовова 2018: 8–10].

Религиозная нестабильность Яицкого войска была отчасти компенсирована наличием новой войсковой единицы, подчинённой оренбургскому губернатору — Ставропольского калмыцкого войска, которое вскоре, на полях Семилетней войны и при подавлении башкирского восстания 1755–1756 гг., проявило себя вполне деятельно.

Вероисповедная либерализация середины – второй половины XVIII в., на которую пошла российская монархия, вступившая в ходе своего развития в стадию «просвещённого абсолютизма», изменила её отношение к старообрядчеству. Отсюда в литературе отмечен рост интереса властей к старообрядцам, которыми предполагалось пополнить иррегулярные войска на юге в связи с русско-турецким соперничеством после Белградского мира 1739 г. и ростом противоречий в треугольнике Россия — Речь Посполитая — Крым на протяжении 1740–1750-х гг.

Так, отмечается, что старообрядцы — агенты правительства, способствовавшие переселению своих беглых собратьев по вере из-за границы в пределы Российской империи, получали должности младших и средних командиров в Новослободском полку — военно-административной единице с центром в крепости Св. Елизаветы, на основе которой предполагалось развернуть крупное иррегулярное формирование.

В земельных столкновениях с запорожскими казаками власти поддерживали староверов так же, как ранее они поддерживали других переселенцев — выходцев с Балкан [Сень, Мильчев 2018: 389].

В итоге старообрядцы сыграли значительную роль в заселении этих территорий — таков вывод литературы применительно к 1780-м гг. [Макидонов 2008: 64–66].

Вероисповедная либерализация была продолжена и при Екатерине II, хотя поводы отложить её при столкновении с религи-

озным недовольством у властей были. В 1764–1765 гг. в казачьих войсках на окраинах Европейской России — Волжском, Яицком, Донском — развернулось движение старообрядцев за отказ от обязательной службы.

Часть Яицкого казачества, склонная к «старой вере», поддержала восстание под предводительством Е. И. Пугачёва, и следствие 1774–1775 гг. одно время считало его именно восстанием старообрядцев. Тем не менее, курс на либерализацию продолжился, более того, в 1780-е гг. в связи с военными реформами Г. А. Потёмкина он получил новый импульс: предполагалось создание из старообрядцев новых казачьих полков на юге.

Одновременно реформы предусматривали пополнение казачьих войск калмыками и организацию их службы на манер регулярных войск [Соловьев, Чернухин 2013: 116–117; Канукова, Гачалова, Хубулова 2010: 26–27].

Вместе с тем, как показывают историки, власти делали всё для подавления впредь открытого старообрядческого протеста и налаживания отношений с беглыми староверами за рубежом. Было упразднено Волжское войско, отличившееся наибольшим участием в восстании под предводительством Е. И. Пугачёва по сравнению с другими казачьими войсками. Военнослужащих с Волги переселили на Кубань и включили в Кубанское линейное войско. Его основу после ликвидации Запорожской Сечи составили запорожские казаки, индифферентные к «старой вере».

Между запорожцами, осевшими на Дунае после гибели Запорожской Сечи, и некрасовцами вспыхнула локальная война, которой власти стремились воспользоваться, дабы вернуть некрасовцев в Россию, но безуспешно [Ряжев 2010: 61, 62].

Но в долгосрочной перспективе старообрядчество оказывалось на юге, вопреки расчётам властей, весьма живучим: пополнение кубанцев пришлым людом на рубеже XVIII–XIX вв. привело к росту присутствия староверов и среди них [Бурыкина 2006: 23].

Отмечается, что казаки-староверы, потерпев открытое поражение в борьбе с властями, пытались добиться вероисповедной автономии мирным путём. В этой связи на Дону в ряде станиц в конце XVIII в. оживились настроения в пользу легального старо-

обрядческого культа. Власти увидели здесь возможность снизить подспудное недовольство староверов, пытаясь, впрочем, подвести подобные культ и общины под власть тамошних греко-российских архиереев. Религиозное недовольство на Дону проявлялось также в виде роста сектантских и утопических учений, причём как в среде рядовых казаков, так и в среде донской служилой верхушки (примеры воззрений Е. О. Грузинова или Е. Н. Кательникова здесь весьма показательны). Сектантство на юге захватывало просто-народье города и деревни, но распространялось и между иррегулярными военнослужащими — в первой четверти XIX в. развитие сект, в ряде случаев связанных опять-таки со служилой верхушкой на Дону и в Северном Причерноморье, также зафиксировано в исследованиях [Мининков 2011: 303, 304, 311; Красникова 2011: 388, 391; Иникова 2014: 147, 148, 150, 152].

Что касается изучения церковной миссии на юге и востоке России, то здесь результаты по сравнению с развитием других направлений историографии наиболее скромные, если говорить об изучении миссионерства, освобождённом от клерикальных и иных политико-идеологических заблуждений. Сильной стороной подобных исследований является проводимая в них связь между миссионерскими задачами церкви и политическими мотивами, заставлявшими власти усиливать присутствие на окраинах [Джундзюв, Любичанковский 2017а; 176–180].

Следует отметить, что вероисповедные вопросы не являются основными в упомянутых работах, как следствие — принципиально новый материал, имеющий отношение к сфере этноконфессиональных отношений, представлен в них слабо. Вместе с тем основания для специального изучения казачьей истории юга и юго-востока страны сквозь призму религиозного фактора и религиозных отношений налицо.

Даже беглый историографический анализ убеждает: признание того, что власти на протяжении XVIII в. серьёзно опасались протеста казаков-старообрядцев и старались снизить эту угрозу, расширяя ряды казачества за счёт сословий и групп, далёких от «старой веры», вполне назрело, и состояние литературы этому не противоречит. Дальнейшее развитие подобного тезиса неотдели-

мо как от расширения базы источников, так и от совершенствования исследовательской методологии. Подобная работа отчасти начата — поставлен вопрос о применимости концепции фронта к истории казачества [Рахимов 2013; Мизис, Кашенко 2011].

Что же касается содержательного изучения проблематики, то здесь требуется всестороннее изучение материалов антистарообрядческих расследований в Терском, Волжском, Яицком войсках 1740–1750-х гг., а также истории казачьего движения начала 1760-х гг. в войсках на юго-востоке Европейской России.

Литература

- Артамонов 1990 — *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М.: Наука, 1990. 205 с.
- Базарова 2016 — *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафировой и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 864 с.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153,[5] с.
- Бурыкина 2006 — *Бурыкина Л. В.* Расширение военно-казачьей колонизации на Кавказской линии в 90-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 2. С. 20–24.
- Витевский 1897 — *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 2. Казань: Типо-Литография В. М. Ключникова, 1897. IV, 616, XII с.
- Горяев 2018 — *Горяев М. С.* История христианизации инородцев в российской историографии (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 37 (1). С. 6–13.
- Горяев, Авлиев, Кольцов 2018 — *Горяев М. С., Авлиев В. Н., Кольцов П. М.* Распространение христианства среди населения Калмыцкой степи Астраханской губернии в последней трети XVII–XVIII вв. // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. 2018. № 4. С. 43–48.
- Джунджужов 2014а — *Джунджужов С. В.* История крещёных калмыков Средневолжско-Уральского региона в дореволюционной российской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5–2 (43). С. 65–69.

- Джунджузов 2014б — *Джунджузов С. В.* Поселение крещёных калмыков в Среднем Поволжье и на Южном Урале (30-е гг. XVIII в. – 20-е гг. XX в.): архивное сопровождение темы и публикация источников // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 32–41.
- Джунджузов, Любичанковский 2017а — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 172–191.
- Джунджузов, Любичанковский 2017б — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX века: проблемы ассимиляции, аккультурации и сохранения этнической идентичности // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1194–1206.
- Джунджузов, Любичанковский 2018 — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Влияние имперской политики аккультурации на формирование и эволюцию властной элиты у ставропольских крещёных калмыков (1737–1842 гг.) // Былые годы. 2018. Т. 49. № 3. С. 970–979.
- Дружинин 1889 — *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. IX, 335, [3] с.
- Иникова 2014 — *Иникова С. А.* Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому: история создания // Вопросы истории. 2014. № 7. С. 136–158.
- Канукова, Гацалова, Хубулова 2010 — *Канукова З. В., Гацалова Л. Б., Хубулова Э. Б.* Этническая группа моздокских «крещёных калмыков» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 26–30.
- Кортунов, Годовова 2018 — *Кортунов А. И., Годовова Е. В.* Взаимодействие государства и казачества в ходе освоения приграничных территорий юго-востока России (XVII – XVIII века) // Новый исторический вестник. 2018. № 3 (57). С. 6–17.
- Кортунов, Фокин 2012 — *Кортунов А. И., Фокин А. А.* Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2012. 113 с.
- Красникова 2011 — *Красникова Ю. Л.* Религиозная политика Департамента Уделов по отношению к молоканскому движению в среде удельных крестьян в первой трети XIX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 3–4. С. 388–396.
- Макидонов 2008 — *Макидонов А. В.* К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье: Просвіта, 2008. 40 с.

- Мизис, Кашенко 2011 — *Мизис Ю. А., Кашенко С. Г.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVII – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2011. Вып. 1. С. 9–16.
- Мининков 2011 — *Мининков Н. А.* Культ императора Александра I в секте донских духоносцев конца первой четверти XIX в. // Cogito: Альманах истории идей. Ростов н/Д: Логос, 2011. С. 303–314.
- Мининков 2013 — *Мининков Н. А.* Укрепление московской власти на Дону в последней четверти XVII в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № (177). С. 67–74.
- Мининков 2018 — *Мининков Н. А.* Андреас Каппелер — историк российского и украинского казачества (к 75-летию со дня рождения) // Новое Прошлое/ The New Past. 2018. № 4. С. 118–128.
- Очерки истории 2014 — Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / ред. Г. Г. Матишов, И. О. Тюменцев. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 624 с.
- Рахимов 2013 — *Рахимов Р. Н.* Оренбургская и Сибирская пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как фронт России // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 10 (126). С. 103–109.
- Ряжев 2010 — *Ряжев А. С.* Вероисповедная дипломатия Екатерины II: борьба за возвращение на родину казаков-некрасовцев // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 56–63.
- Сабанчиев и др. 2017 — *Сабанчиев Х.-М. А., Текуева М. А., Соблирова З. А., Журтова А. А.* Концептуальное осмысление российско-кавказских взаимоотношений в XVI–XIX вв. в официальной имперской историографии // Былые годы. 2017. № 43 (1). С. 4–17.
- Савенко и др. 2013 — *Савенко Е. А., Савенко С. Н.* Вопросы историографии восстановления православного христианства на Северном Кавказе в середине XVIII – начале XX в. Ставрополь: Графа, 2013. 52 с.
- Салаев, Сусеева, Есенова 2018 — *Салаев Б. К., Сусеева Д. А., Есенова Т. С.* Деятельность В. Н. Татищева по обустройству калмыков в бытность его астраханским губернатором и главой Калмыцкой комиссии (1741–1745 гг.) // Былые годы. 2018. Т. 49. № 3. С. 980–991.
- Сень 2015 — *Сень Д. В.* «По приказу Превысокова Хана дан сей указ»: Крымское ханство и казачество // История: факты и символы. 2015. № 2 (3). С. 72–89.
- Сень 2018 — *Сень Д. В.* «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. – начало XVIII в.) // Oriental Studies. 2018. № 1. С. 46–54.

- Сень, Мильчев 2018 — *Сень Д. В., Мильчев В. И.* Процесс упразднения Войска Низового Запорожского: амбиции казачества vs интересы империи (1740–1770-е гг.) // *Quaestio Rossica*. 2018. № 2. С. 385–402.
- Сень, Швайба 2015 — *Сень Д. В., Швайба Н. И.* «Чтоб де к нам тот Бакты-Гирей с Некрасовым поближе пришли, то бы де нам добре было»: случай из истории казачьей старшины Гетманской Украины 1720-х гг. // *Меншиковские чтения – 2015: научный альманах*. СПб.: XVIII век, 2015. Вып. 6 (15). С. 160–170.
- Соклаков 2015 — *Соклаков А. Ю.* Казачество в контексте преобразований, политической и вооруженной борьбы на Украине: XVI–XIX вв. // *Пространство и Время*. 2015. № 1–2 (19–20). С. 389–397.
- Соловьев, Чернухин 2013 — *Соловьев Д. Н., Чернухин В. А.* Участие казаков в регулярных войсках России в дореформенный период // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2013. Т. 4. Вып. 1. С. 116–122.
- Тепкеев 2016 — *Тепкеев В. Т.* Джунгары на юге России в конце XVII в. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016. № 1. С. 12–18.
- Тепкеев 2017а — *Тепкеев В. Т.* Религиозный вопрос в русско-калмыцких отношениях (XVII век) // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2017. Т. 27. Вып. 1. С. 24–29.
- Тепкеев 2017б — *Тепкеев В. Т.* Участие калмыков в подавлении Булавинского восстания // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3 (53). С. 6–19.
- Черницын 1990 — *Черницын С. В.* Некоторые вопросы этнических процессов в Войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // *Дон и Северный Кавказ в древности и средние века*. Ростов н/Д, 1990. С. 73–82.

References

- Artamonov V. A. *Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoy pobedy (1709–1714 gg.)* [Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth: after the victorious Poltava (1709–1714)]. Moscow: Nauka, 1990. 205 p. (In Rus.)
- Bazarova T. A. *Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynnye spiski P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg.* [Russian diplomats in the Ottoman court: reports by P. Shafirov and M. Sheremetev (1711, 1712)]. A case study and texts. St. Petersburg: Istoricheskaya Illyustratsiya, 2016. 864 p. (In Rus.)

- Bakunin V. M. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochinenie 1761g.* [Description of Kalmyk peoples, in particular, Torgout people, and deeds of their khans and landlords. An essay of 1761]. Elista: Kalm. Book Publ., 1995. 153,[5] p. (In Rus.)
- Burykina L. V. Escalation of the Cossack military colonization along the Caucasus Line: 1790s – 1860s. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006. No. 2. Pp. 20–24. (In Rus.)
- Vitevsky V. N. *I. I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g.* [N. Neplyuev and Orenburg Governorate within its pre-1758 borders]. Vol. 2. Kazan: V. M. Klyuchnikov, 1897. IV, 616, XII p. (In Rus.)
- Goryaev M. S. The history of the conversion to Christianity of non-Christian peoples in Russia (on the example of Kalmyks). *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2018. No. 37 (1). Pp. 6–13. (In Rus.)
- Goryaev M. S., Avliev V. N., Koltsov P. M. The spread of Christianity among the population of the Kalmyk Steppe of Astrakhan province in the last third of 17th-18th centuries. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2018. No. 4. Pp. 43–48. (In Rus.)
- Dzhundzhuzov S. V. History of the Christened Kalmyks of the Mid-Volga and Ural Region in the pre-revolutionary Russian historiography. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. No. 5–2 (43). Pp. 65–69. (In Rus.)
- Dzhundzhuzov S. V. Settlements of Christianized Kalmyks in the Middle Volga Region and Southern Urals: 1730s – 1920s. *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2014. Vol. 4. No. 1. Pp. 32–41. (In Rus.)
- Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovsky S. V. The missionary activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725–1734). *Novyi istoricheskiy vestnik*. 2017. No. 3 (53). Pp. 172–191. (In Rus.)
- Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovsky S. V. Kalmyks of Southern Ural in the 18th-early 20th century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity. *Bylye gody*. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1194–1206. (In Rus.)
- Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovsky S. V. The influence of the imperial policy of acculturation and the formation and evolution of the power elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842). *Bylye gody*. 2018. Vol. 49. No. 3. Pp. 970–979. (In Rus.)
- Druzhinin V. G. *Raskol na Donu v kontse XVII veka* [The Schism in the Don in the late 17th century]. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov, 1889. IX, 335, [3] p. (In Rus.)

- Inikova S. A. The Note submitted by Dukhobors of Yekaterinoslav Governorate in 1791 to Governor Kakhovsky: history of creation. *Voprosy istorii*. 2014. No. 7. Pp. 136–158. (In Rus.)
- Kanukova Z. V., Gatsalova L. B., Khubulova E. B. The ethnic group of Mozdok ‘Christianized Kalmyks’. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2010. No. 2. Pp. 26–30. (In Rus.)
- Kortunov A. I., Godovova E. V. The interaction between the state and the Cossacks during the development of border areas of Southeastern Russia (17th – 18th centuries). *Novyi istoricheskiy vestnik*. 2018. No. 3 (57). Pp. 6–17. (In Rus.)
- Kortunov A. I., Fokin A. A. *Kazaki-musul'mane na sluzhbe v kazach'ikh voyskakh Urala (XVI–XIX vv.)* [Muslim Cossacks within Ural-based troops: 16th – 19th cc.]. Ufa: Bashkir State Univ., 2012. 113 p. (In Rus.)
- Krasnikova Yu. L. Religious policies of the Imperial Lands Department towards the Molokan movement among the Emperor owned peasants: 1800s to 1830s. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2011. Vol. 29. No. 3–4. Pp. 388–396. (In Rus.)
- Makidonov A. V. *K svetskoy i tserkovnoy istorii Novorossii (XVIII–XIX vv.)* [Novorossiya: secular and church history revisited]. Zaporozhia: Prosvita, 2008. 140 p. (In Rus.)
- Mizis Yu. A., Kashchenko S. G. Formation of the Russian frontier in South Russia from the 17th to early 18th centuries: a perspective from domestic historiography. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2. 2011. Is. 1. Pp. 9–16. (In Rus.)
- Mininkov N. A. The cult of Alexander I in the sect of Don Dokhonostsy: 1800s to 1820s. *Cogito: Al'manakh istorii idey*. Rostov-on-Don: Logos, 2011. Pp. 303–314. (In Rus.)
- Mininkov N. A. Strengthening the positions of Moscow Government in the Don Region throughout the last quarter of the 17th century. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region*. Ser. ‘Social Sciences’. 2013. No. 5 (177). Pp. 67–74. (In Rus.)
- Mininkov N. A. Andreas Kappeler — the historian of Russian and Ukrainian Cossacks (to 75th anniversary of birth). *Novoe Proshloe / The New Past*. 2018. No. 4. Pp. 118–128. (In Rus.)
- Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the history and culture of South Russian Cossacks]. A multi-authored monograph. G. G. Matishov, I. O. Tyumentsev (eds.). Volgograd: Volgograd Branch of RANEPА, 2014. 624 p. (In Rus.)
- Rakhimov R. N. Orenburg and Siberian boundary lines in the 18th – first half 19th centuries as Southeastern and Eastern frontiers of Russia. *Vestnik*

- Tambovskogo universiteta*. Ser. 'Humanities'. 2013. No. 10 (126). Pp. 103–109. (In Rus.)
- Ryazhev A. S. Religious diplomacy of Catherine the Great: struggling for the repatriation of Nekrasov Cossacks. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2010. No. 10. Pp. 56–63. (In Rus.)
- Sabanchiev Kh.-M. A., Tekueva M. A., Soblirova Z. A., Zhurtova A. A. Conceptual understanding of the Russian-Caucasian relations in the 16th-19th centuries in the official imperial historiography. *Bylye gody*. 2017. No. 1. Pp. 4–17. (In Rus.)
- Savenko E. A., Savenko S. N. *Voprosy istoriografii vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Severnom Kavkaze v seredine XVIII – nachale XX v.* [Restoring the positions of Orthodox Christianity in the North Caucasus between the mid-18th and early 20th centuries: historiographic issues]. Stavropol: Grafa, 2013. 52 p. (In Rus.)
- Salaev B. K., Suseeva D. A., Esenova T. S. Activity of V. N. Tatishchev on the arrangement of the Kalmyks when he was a Governor of Astrakhan and the Head of the Kalmyk Commission (1741–1745). *Bylye gody*. 2018. Vol. 49. No. 3. Pp. 980–991. (In Rus.)
- Sen D. V. 'The Decree is on the orders of the High Khan': the Crimean Khanate and Cossacks. *Istoriya: fakty i simvol'y*. 2015. No. 2 (3). Pp. 72–89. (In Rus.)
- Sen D. V. 'Bowed and petitioned to the Akhreian Ataman ...': captivity, slavery and ransom on the southern frontier (late 17th – early 18th centuries). *Oriental Studies*. 2018. No. 1. Pp. 46–54. (In Rus.)
- Sen D. V., Milchev V. I. The plans for the abolition of the Zaporozhian Host and their implementation (1740s – 1770s): Cossack ambitions vs imperial interests. *Quaestio Rossica*. 2018. No. 2. Pp. 385–402. (In Rus.)
- Sen D. V., Shvayba N. I. 'May that Bahti Geray together with Nekrasob come closer, so would that be good to us': investigating one case in the history of the Cossack leadership of the Hetmanate (1720s). *Menshikovskie chteniya – 2015: nauchnyy al'manakh*. St. Petersburg: XVIII vek, 2015. Is. 6 (15). Pp. 160–170. (In Rus.)
- Soklakov A. Yu. Cossacks in the context of transformations, political and military struggles in the Ukraine: 16th – 19th cc. *Prostranstvo i Vremya*. 2015. No. 1–2 (19-20). Pp. 389–397. (In Rus.)
- Soloviev D. N., Chernukhin V. A. Cossacks in Russia's regular military campaigns during the pre-Reform period. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2013. Vol. 4. Is. 1. Pp. 116–122. (In Rus.)

- Tepkeev V. T. Zunghars in Southern Russia in the late 17th century. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 1. Pp. 12–18. (In Rus.)
- Tepkeev V. T. The religious issue in the Russian-Kalmyk relations in the 17th century. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Ser. ‘History and Philology’. 2017. Vol. 27. Is. 1. Pp. 24–29. (In Rus.)
- Tepkeev V. T. Kalmyk participation in the suppression of the Bulavin Rebellion. *Novyi istoricheskiy vestnik*. 2017. No. 3 (53). Pp. 6–19. (In Rus.)
- Chernitsyn S.V. Some aspects of ethnic processes in the 17th-century Don Host: a case study of Turkic-speaking back settlers. *Don i Severnyy Kavkaz v drevnosti i srednie veka*. Rostov-on-Don, 1990. Pp. 73–82. (In Rus.)

УДК 94(47)

DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-23-47

Вклад П. Э. Алексеевой в изучение истории Калмыкии в период Гражданской и Великой Отечественной войн*

Investigating Kalmykia's History during the Russian Civil and Great Patriotic Wars: the Impact of P. E. Alekseeva

У. Б. Очиров (U. Ochirov)¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии

ORCID: 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr.Sc. (Hist.), Associate Professor, Chief Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology

ORCID: 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена 95-летию главного библиографа Калмыцкого научного центра РАН Прасковьи Эрдниежны Алексеевой — старейшего работника системы науки и культуры Республики Калмыкия. В работе анализируется ее вклад в изучение истории Калмыкии в период Гражданской и Великой Отечественной войн, который признан значимым и даже ключевым. По мнению автора, особо ценной по данной тематике является работа П. Э. Алексеевой по составлению аннотированных списков различных категорий участников Великой Отечественной войны — уроженцев Калмыцкого района Ростовской области и воинов 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Это был крайне сложный проект, требующий многолетнего кропотливого труда, но П. Э. Алексеева сумела решить поставленные задачи.

Ключевые слова: историография, история Калмыкии, Калмыцкий научный центр РАН, Гражданская война 1917–1920 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

---

* Материалы, изложенные в статье, апробированы в виде доклада на заседании Круглого стола «Собиратель сокровищ истории и культуры калмыцкого народа», посвященного 95-летию со дня рождения Почетного гражданина Республики Калмыкия, Заслуженного работника культуры Калмыцкой АССР, главного библиографа Научной библиотеки и архива КалмНЦ РАН П. Э. Алексеевой.

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очиров У. Б. Вклад П. Э. Алексеевой в изучение истории Калмыкии в период Гражданской и Великой Отечественной войн. Монголоведение. 2019;(1):23-47. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-23-47.

Abstract. The article celebrates the 95th anniversary of Praskovia E. Alekseeva, a major bibliographer of the Kalmyk Scientific Center of the RAS and the oldest worker of Kalmykia's science and culture institutions. The paper analyzes her impact – widely accepted as essentially significant and even crucial — on studies of Kalmykia's history during the Russian Civil and Grate Patriotic Wars. It is the author's opinion that the most precious work here is that dealing with annotated lists of participants of the Great Patriotic War (referred to different categories) conscripted from the former Kalmyk District of Rostov Oblast, and lists of soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division. The project was extremely difficult and required long years of meticulous work, but P. E. Alekseeva did manage to solve the assigned tasks.

Keywords: historiography, history of Kalmykia, Kalmyk Scientific Center of the RAS, Russian Civil War of 1917–1920, Great Patriotic War of 1941–1945

Acknowledgements. Research was performed within a government subsidy — project 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (State Reg. No. АААА-А19-119011490038-5).

For citation: Ochirov U. Investigating Kalmykia's History during the Russian Civil and Great Patriotic Wars: the Impact of P. E. Alekseeva. Mongolian Studies.2019;(1):23-47. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-23-47.

Для многих людей юбилей является неким маркером, чертой, чтобы подвести итоги своей работы за определенный период. Наверно, 95-летний юбилей Прасковьи Эрдниевны Алексеевой, который главный библиограф Научной библиотеки (еще при ее жизни получившей имя П. Э. Алексеевой) Калмыцкого научного центра РАН встретила на работе, — это достойный повод для подведения итогов ее деятельности на данный момент, в том числе и в области истории Калмыкии. Именно ее юбилею посвящен круглый стол «Собиратель сокровищ истории и культуры калмыцкого народа», для доклада на котором и была подготовлена данная статья.

Сразу подчеркну, что для полномасштабной оценки и анализа всего вклада П. Э. Алексеевой в развитие истории Калмыкии од-

ной статьи явно недостаточно, поэтому в данной работе я сосредоточусь лишь на ее вкладе в изучение тем, которые близки мне как военному историку: истории Гражданской и Великой Отечественной войн.

Прасковья Эрдниевна является донской калмычкой-казачкой, уроженкой станицы Граббевской (Цевднякинской) Области Войска Донского. Ее дедом был калмык-казак Апиль Алексеев, у которого родились три сына. Старший сын Абуша (1883–1948) и младший сын Эрдни (1892–1944) смогли окончить не только станичную школу, но и 4-классное городское училище [Алексеева 2010б: 14], что для калмыцких семей по тем временам было большой редкостью, даже в казачьих станицах, имевших больше финансовых средств и возможностей для их использования на общественные нужды. Оба брата стали учителями, как и их старший двоюродный брат Бембе Сидорович Алексеев.

В «Памятных книжках Области Войска Донского» указано, что Б. С. Алексеев работал учителем Граббевского женского училища 3-го разряда в 1904–1914 гг., А. А. Алексеев — учителем Бурульской, затем Худжуртинской одноклассных приходских хуторских школ в 1905–1914 гг., после чего старшего брата, призванного на военную службу, сменил Э. А. Алексеев (см. напр.: [Памятная книжка 1906: Отд. II, 224–225; Памятная книжка 1911: Отд. II, 242–243; Памятная книжка 1914: Отд. II, 308–309; Памятная книжка 1915: Отд. II, 292]).

Таким образом, Прасковья Эрдниевна является выходцем из учительского рода, для которого обычно характерно воспитание у детей книжной культуры, любознательности, интеллигентности, тяги к образованию.

После начала Первой мировой войны А. А. Алексеева призвали в 39-й Донской казачий полк, в котором его наградили медалью «За усердие», и в 1915 г. направили в Новочеркасское казачье училище. После его окончания молодой хорунжий служил в 4-м запасном полку. Когда началась революция 1917 года, одностаничники избрали его делегатом на 1-й Войсковой круг, а затем (зачно) — станичным атаманом. Позже Абуша Апилевич стал помощником окружного атамана.

В феврале 1918 г. донские белоказачьи отряды выступили в «Степной поход», и более двухсот цевднякинцев во главе с атаманом А. А. Алексеевым влились в их состав [Очиров 2006: 144]. Позже они составили 1-ю сотню Зюнгарского (будущего 80-го Донского казачьего) полка. В дальнейшем Абуша Апилевич вновь избирался депутатом Войскового круга, был одним из организаторов 3-го Калмыцкого полка, работал в войсковых структурах [Алексеева 2010б: 12].

В начале 1920 г. войска Деникина, потерпевшие тяжелое поражение, отходили к морю. Вместе с ними шли толпы беженцев, среди которых было немало калмыков-казаков. Однако в Новороссийске части Добровольческой армии, загрузив на пароходы все свое имущество, отказались допускать на борт бóльшую часть казаков, считая их виновными в своем поражении, хотя на самом деле именно благодаря донцам и кубанцам деникинцы смогли завоевать весь Юг России и организовать поход на Москву.

Казачьи полки двинулись дальше на юг. В то же время до них стали доходить призывы от красных агитаторов, которые обещали амнистию и предлагали им вернуться. Цевднякинцы два дня спорили на берегу: уйти или остаться? В конце концов решили: казаки, служившие в белой армии, будут пытаться эвакуироваться, а те, кто не служил, женщины и дети — вернуться. Абуша Апилевич оставил на попечение младшего брата Эрдни жену и младшего сына Учура, а сам с двумя старшими сыновьями и средним братом эвакуировался в Крым, а оттуда в Константинополь. Больше он своих родных не увидел. В эмиграции А. А. Алексеев, произведенный в полковники, был назначен руководителем комиссии по устройству донских казаков [Алексеева 2010б: 12].

Э. А. Алексеев, получив мандат от советской власти, организовал сбор «по всей Кубани» и возвращение на родину уцелевших калмыцких беженцев, занимался восстановлением разрушенных школ в родной станице и близлежащих хуторах. Многие земляки с благодарностью вспоминали о его деятельности в тот период. Однако затем для брата «белогвардейского полковника» наступили тяжелые времена: его лишили работы, прилепили ярлык «кулак», отказывались принимать в колхоз. В 1929 г. (когда юной Праско-

вье было 5 лет) Э. А. Алексеева раскулачили, а в 1931 г. сослали на Урал на 3 года. В 1932 г. семью «кулака» выселили из родной станицы, лишив дома и имущества. В ту голодную и холодную зиму, которую П. Э. Алексеева до сих пор вспоминает с содроганием, умерли бабушка и младшая сестренка, тяжело заболела мать, умершая в 1934 г.

Эрдни Апилевич, вернувшийся из ссылки, остался с двумя дочками-школьницами. Он пытался найти постоянную работу, но в 1937 г. его арестовали вновь. Через два года Э. А. Алексеев вернулся и смог при помощи родственников найти постоянную работу, а затем переехал в Калмыкию, где стал заведующим школой. Старшая дочь Василиса поступила на учебу в фельдшерско-акушерскую школу в Москве, юная Прасковья — в Башантинский сельхозтехникум. Племянник Учур, несмотря на клеймо «сына белоэмигранта» и многочисленные мытарства, сумел окончить столичный мединститут и поступить в аспирантуру [Алексеева 2010б: 15–18].

Но в 1941 г. началась война. Учур Алексеев ушел на фронт в составе дивизии московского ополчения, служил полковым врачом, командиром медсанбата, начальником госпиталя, дослужился до майора и был отмечен боевыми наградами. На фронте оказалась и старшая сестра Василиса, которая была ранена и попала в плен, бежала, а затем 10 месяцев добиралась до дома.

28 декабря 1943 г. Калмыцкая АССР была ликвидирована, а всех калмыков по огульным обвинениям выслали в Сибирь. Э. А. Алексеев был арестован в 4-й раз, приговорен к 10 годам лагерей по 58-й статье и умер в дороге. Арестовали и старшую сестру, которую приговорили к 5 годам ссылки в Казахстан [Алексеева 2010б: 20, 46–50].

19-летнюю Прасковью вместе с тетей (матерью У. А. Алексеева) выслали в Омскую область. В августе 1944 г. их разыскал и перевез к себе Учур Алексеев, снятый с фронта по национальному признаку и направленный начальником госпиталя в Башкирию. По настоянию брата П. Э. Алексеева поступила в учительский институт. После войны сын «белогвардейского полковника» У. А. Алексеев сам стал полковником (уже Советской армии), продолжил на-

учную деятельность, начал преподавать в мединституте, защитил две диссертации и в 1967 г. стал первым калмыком – доктором медицинских наук [Алексеева 2010б: 22–23]. Безусловно, научно-педагогическая деятельность Учур Абушиновича Алексеева, его советы и поддержка оказали большое влияние на формирование мировоззрения и менталитета сестры.

После возвращения в Калмыкию Прасковья Эрдниевна, уже имевшая трехлетний опыт работы в Башкирской научно-медицинской библиотеке, была назначена первым директором Калмыцкой областной библиотеки [Ученые 2001: 411]. Она занималась не только ее восстановлением, комплектованием фондов, но и принимала участие в развитии всей библиотечной сети республики. В 1960 г. П. Э. Алексеева перешла на работу в Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (с 1999 г. — Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, а с 2016 г. — Калмыцкий научный центр РАН) заведующей библиотекой, в которой бесперерывно работает уже шестидесятый год!

Институт, как и многие другие учреждения, только восстанавливался после депортации. Особо сложные задачи стояли перед библиотекой, которой было необходимо сформировать свой фонд буквально «с нуля». Прасковья Эрдниевна постоянно вела долгий и кропотливый поиск в каталогах, переписывалась с библиотекарями и востоковедными учреждениями страны, выезжала к ним в командировки, где собирала литературу, которой они готовы были поделиться. Особый интерес у нее вызывала дореволюционная литература. Тот факт, что ныне треть книжного фонда Научной библиотеки им. П. Э. Алексеевой КалмНЦ РАН составляют издания XVIII–XIX вв., это всецело ее заслуга. Прасковья Эрдниевна сумела собрать уникальные коллекции дореволюционных калмыцких грамматик, редких изданий словарей, книг и периодических изданий, содержащих важные исторические сведения о калмыках. Ею собраны почти все издания калмыцкого героического эпоса «Джангар» на многих языках народов России и мира [Алексеева 2009б: 6].

Те издания, которые не удавалось получить, П. Э. Алексеева копировала всевозможными способами: заказывала фотокопии,

переписывала от руки с последующей перепечаткой на машинке, с появлением копировальных машин стала делать копии и сшивать их в отдельные оттиски.

Прасковья Эрдниевна установила тесное сотрудничество с библиотеками разных городов России и зарубежья, организовала книгообмен с известными учеными-востоковедами, библиотеками научных институтов страны и научными обществами Монголии, КНР, США и ряда европейских стран. В 1980-е гг. П. Э. Алексеева смело вступила в активную переписку с калмыками-эмигрантами, которые стали пересылать зарубежные издания, в том числе большие подшивки «Ковыльных волн», «Родимого края» и других эмигрантских изданий. Благодаря ее неустанному подвижническому труду в библиотеке, ставшей крупнейшим на Юге России хранилищем востоковедной литературы, оказались уникальные труды по калмыковедению, которые больше нигде нельзя найти.

Помимо просмотра различных изданий и выписок из них, П. Э. Алексеева за прошедшие десятилетия опросила тысячи своих земляков, которые владели какой-либо уникальной информацией по различным событиям из истории нашей «малой Родины». Результаты своих изысканий она отражала на специальных карточках, которые по прошествии времени превратились в гигантскую тематическую картотеку, по объему сопоставимую с каталогом всей библиотеки института.

Разумеется, такой кладезь знаний, особенно в те времена, когда объем информации по истории Калмыкии для широких масс населения был ограничен, не мог остаться втуне. Прасковья Эрдниевна активно публикует статьи в местной прессе по различным проблемам истории Калмыкии: только в 1989–2008 гг. вышло почти 200 статей [Алексеева 2009б].

Позже некоторые статьи из местной печати были переизданы в специальном сборнике «О людях и о времени» [Алексеева 2010а].

Помимо этого, она является автором научных статей о востоковедах, оставивших значимый след в истории Калмыкии [Алексеева 1973; 1983; 1989; 1997а; 2000; 2001а; 2003; 2005; 2008а; 2008б; 2008в; 2009а; 2012а; 2012б; Алексеева, Музраева, Намжавин 2006; и др.], составителем библиографических обзоров — как общих

или периодических [Алексеева 1969; 1972; 1988а; 1999; 2004; Алексеева, Шарاپова 1981; Алексеева, Омакаева 2002; и др.], так и тематических [Алексеева 1974; 1978; 1980; 1984; 1988б; 1990; 2000; 2001б; 2001г; 2001д; и др.].

Анализ ее библиографии показывает, что первые научные публикации, как правило, были связаны непосредственно с должностными обязанностями Прасковьи Эрдниежны и являлись библиографическими обзорами, посвященными определенному периоду, теме или исторической личности. Этой теме будет посвящен отдельный доклад круглого стола, поэтому интересующихся данным вопросом отсылаем к нему.

В 1990-х гг. П. Э. Алексеева начинает осуществлять серьезные и крупные исследования на различные темы по истории Калмыкии и по их итогам издавать книги, которые быстро становились «бестселлерами» и исчезали с полок магазинов.

Конечно, очень важной темой для нее (как и для большинства из нас) была история ее предков и близких сородичей — донских калмыков-казаков. У Прасковьи Эрдниежны вышел ряд публикаций по истории донских калмыков [Алексеева 1997б; 2001в; 2002; 2010б; 2013; и др.].

И, разумеется, совсем не случаен тот факт, что ее первая книга, не являющаяся библиографическим обзором, оказалась посвящена истории родной станицы — Граббевской (Цевднякинской) [Алексеева 1997б]. Эта работа, построенная больше по очерковому принципу, а не как научная монография, оказалась насыщена значительным объемом малоизвестной информации и вызвала большой интерес не только у ученых, но и у любознательной общественности. Конечно, автор не могла обойти вниманием личности наиболее выдающихся своих одностаничников, в том числе граббевских атаманов — полковников Азмана Батырева и своего дядю Абушу Алексеева, которые для калмыцкого народа в течение многих десятилетий советской власти были под запретом как «белогвардейцы» и «контра».

Таким образом, первый в калмыцкой историографии опыт по написанию истории калмыцкой станицы оказался удачным. Книга по истории Граббевской станицы быстро исчезла с полок книж-

ных магазинов. Земляки стали осаждать Прасковью Эрдниевну просьбами написать аналогичные книги по истории других станиц. В 2002 г. П. Э. Алексеева издала книгу по истории Богшрахинской (Денисовской) станицы [Алексеева 2002]. В этой работе, помимо всего прочего, она опубликовала очерки об исторических личностях — богшрахинцах, в том числе участниках Гражданской войны, оказавшихся в забвении в советский период: полковнике Г. Э. Тепкине, ламах М. Борманжинове и Л.-Ш. Тепкине, писателе С. Б. Балыкове и др.

Эти биографии представителей Граббевской и Денисовской станиц, имевших серьезное влияние на своих земляков в Сальском округе и сыгравших немалую роль в переходе большинства из них на сторону белых, имеют большое значение для изучения истории калмыцкого народа в период Гражданской войны. Кроме того, для изучения этой темы учеными из Калмыкии очень важным является наличие богатейшей коллекции эмигрантской литературы и периодики (особенно довоенной), собранной Прасковьей Эрдниевной благодаря переписке с эмигрантами. В постсоветский период, когда поисковая работа в иногородних архивах и библиотеке командированных из Калмыкии ученых заметно затруднена по финансовым и бытовым условиям, наличие такой коллекции в Элисте заметно облегчает им работу.

Ученые из Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее — КИГИ РАН), которые в разное время занимались проблемами истории Гражданской войны в Калмыкии и первой волны калмыцкой эмиграции, свои исследования начинали именно с изучения этой огромной подборки книг и журналов, а затем вели дальнейшие поиски, имея уже значительный багаж знаний по теме [Борисенко, Горяев 1998; Очиров 2007; Топалова 2017; и др.].

Следует заметить, что П. Э. Алексеева не только собрала богатейшую коллекцию эмигрантской литературы, но и старалась по мере возможности популяризировать их путем публикаций. Самой известной из таких работ стала книга об Эренджене Хара-Даване [Эренжен 2012], в которой Прасковья Эрдниевна собрала все имеющиеся у нее статьи эмигрантского периода, принадлежащие перу выдающегося калмыцкого общественного и политиче-

ского деятеля. Ведь большинство населения Калмыкии (да и всего бывшего СССР) из всей библиографии Хара-Давана знало лишь его книгу о Чингис-хане. Кроме того, в сборник были включены статьи различных ученых и исследователей о Хара-Даване, некоторые из которых писались специально для этой книги, и архивные материалы о нем. Все это в целом позволило ярче раскрыть образ человека, который был первым руководителем Советской Калмыкии, а затем стал лидером белокалмыцкой эмиграции и евразийского движения.

Связи с эмигрантами способствовали не только изучению истории Гражданской войны в Калмыкии. В 1999 г. П. Э. Алексеева в соавторстве с американским профессором Арашем Борманджиновым выпустила брошюру, в которой был описан этнический состав донских калмыков [Алексеева, Борманджинов 1999]. Несмотря на небольшой объем, эта книга имеет большое значение для этнической истории калмыцкого народа. До этого времени в калмыцкой историографии была лишь одна работа, в которой рассматривался этнический состав донских калмыков — статья Церен-Дорджи Номинханова, написанная еще до войны и переизданная в 1969 г. [Номинханов 1969]. Для своего времени это была прорывная работа — первый в этнографии советской Калмыкии список родов одного из субэтносов. Вплоть до конца XX в. калмыковеды, когда было необходимо решить какие-то вопросы по этническому происхождению калмыцких станиц (например, К. П. Шовунов), опирались исключительно на эту статью. Однако эта работа была явно неполная и требовала значительной доработки и расширения. Такие попытки делались (например, Г. О. Авляевым), но реализовать этот проект удалось именно П. Э. Алексеевой и А. Борманджинову.

Еще более значимым стал вклад Прасковьи Эрдниевны в изучение истории Калмыкии в период Великой Отечественной войны, особенно в решение проблем мемориализации ее участников.

В 1995 г. в Калмыкии в рамках Всероссийского (а до этого Всесоюзного) проекта Книги Памяти были изданы первые два тома Книги «Память. Санл», в которых публиковались списки воинов, призванных из Республики Калмыкия и погибших на фронтах Великой Отечественной войны [Память 1995, т. 1; т. 2].

Первые тома Книги памяти структурировалась по современному административно-территориальному делению, поэтому донские калмыки в ней практически не были отражены. Между тем, по подсчетам П. Э. Алексеевой в 1941–1945 гг. воевало более 2 тыс. донских калмыков [Солдаты 2005: 4].

Забегая вперед, скажем, что и в 3-м томе книги «Память. Санл», изданном через 10 лет после первых двух томов, донские калмыки также оказались отражены крайне слабо [Память 2005].

Гипотетически их имена должны были быть включены в Книгу памяти Ростовской области («Книги Памяти павшим»), однако первая серия этих томов оказалась очень неудачной [Книга 1995а; 1995б; 2000; и др.]. В ней приводились максимально усеченные данные: фамилия, имя, отчество, год рождения, воинское звание, дата гибели или пропажи без вести. Не указывалось ни место рождения, ни местожительство. Догадаться о том, что тот или иной ростовчанин являлся калмыком, можно лишь по имени или фамилии, зачастую приведенных со значительными неточностями и искажениями. Книги памяти других регионов (например, Астраханской области или Республики Калмыкия) оказались в этом отношении более информативными [Очиров 2016].

Калмыцкий район Ростовской области, ликвидированный в 1943 г., после депортации восстановлен не был, поэтому его жителей разделили между ныне существующими районами. Однако их в первой серии томов Книги памяти Ростовской области оказалось крайне мало. Например, в 4-м томе, в который вошли жители Дубовского, Егорлыкского, Заветнинского, Зерноградского, Зимовниковского районов, П. Э. Алексеева нашла всего 63 калмыка: 10 в Дубовском районе, 5 — в Егорлыкском, 9 — в Заветнинском, 8 — в Зерноградском, 31 — в Зимовниковском [Солдаты 2005: 4].

Вторая серия томов Книги памяти Ростовской области охватила гораздо больше калмыков, например, по Зимовниковскому району оказалось учтено 72 калмыка [Книга 2000: 366–460]. Однако информация о персоналиях по-прежнему оказалась максимально усеченной и с искажениями, к тому же имели место повторы сведений из томов первой серии. Например, в 4-м томе указан Абдушанов Бадьма Санджевич, 1914 г. р., лейтенант, пропавший без

вести 01.09.1944 [Книга 1995: 405], а в 15-м — Абушанов Бодьма Сайдиевич, 1914 г. р., лейтенант, пропавший без вести 01.09.1944 [Книга 2000: 366].

Таким образом, донские калмыки — участники Великой Отечественной войны оказались слабо охваченными в Книгах памяти как Ростовской области, так и Республики Калмыкия. Конечно, донские калмыки были недовольны таким положением дел и стали говорить о необходимости исправления этой несправедливости. Энтузиасты начали собирать информацию, опрашивать знакомых, собирать сведения в архивах. Однако наибольший объем работы в этом направлении был осуществлен П. Э. Алексеевой. Она начала эту работу во время подготовки строительства Мемориала павшим воинам в станице Кутейниковской [Солдаты 2005: 8]. Прасковья Эрдниевна использовала архивные источники, в том числе из Информационного центра МВД Республики Калмыкия и Научного архива КИГИ РАН, опубликованные материалы (Книга «Память. Санл», «Широклаг. Широкстрой» и многие другие), осуществляла опрос ветеранов, их родственников. В течение нескольких лет ей удалось собрать сведения о почти 1,8 тыс. донских калмыков — участников Великой Отечественной (включая переселившихся в другие регионы и призванных оттуда): 991 вернувшегося с фронта и 787 погибших и пропавших без вести. Эти данные в виде аннотированных списков были изданы в 1-м томе Книги «Солдаты Победы», включенной во Всероссийскую Книгу Памяти и опубликованной к 60-летию Победы [Солдаты 2005].

Лишь в 4-м томе Книги памяти «Санл» сведения о донских калмыках, павших на фронтах Великой Отечественной войны, были учтены и выделены в отдельную главу [Память 2010: 444–449]. Книги памяти о наших земляках, вернувшихся с фронта, к сожалению, не составлялись вовсе. Единственным исключением до сих пор является работа Прасковьи Эрдниевны [Солдаты 2005: 9–137].

Удачный опыт составления баз данных наших земляков — участников Великой Отечественной войны был развит и в следующем проекте. Начался он с того, что Министерство по делам молодежи и спорта Республики Калмыкия обратилось в КИГИ РАН с запросом списка имен воинов 110-й Калмыцкой кавалерийской

дивизии — крупнейшего национального соединения, сформированного в Калмыкии из ее жителей. Это список планировалось использовать для увековечения памяти воинов на Мемориале павших в станице Раздорской Ростовской области. Однако в архиве института имелись лишь разрозненные данные: архивные материалы Министерства обороны СССР, списки военно-политического состава 110-й кавдивизии на 18 апреля 1942 г., командно-начальствующего состава на 1 января 1943 г., списки, составленные по воспоминаниям ветеранов, но обобщенных данных нигде не было. Прасковья Эрдниева посчитала для себя святым долгом составление такой базы данных, тем более, что по поводу 110-й кавдивизии в обществе сложился ряд мифов, порочащих ее честь. Установление судеб хотя бы большей части личного состава калмыцкого соединения могло решить эту проблему.

Вместе с ней эту работу вела тогдашняя заведующая Научной библиотекой Л. Ю. Ланцанова. Поиск по выявлению имен бойцов дивизии оказался длительным и многоаспектным. К сожалению, в Центральном архиве Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО) полные списки воинов 110-й кавдивизии не сохранились. После 1944 г., когда воины-калмыки отзывались по национальному признаку с фронтов, личные дела многих из них были направлены в спецкомендатуры НКВД по месту их дальнейшего пребывания и оказались затем утрачены.

Первым делом были сделаны выписки из книг по истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны и материалов Научного архива КИГИ РАН, которые включали в себя документы, выявленные в свое время ветераном 110-й кавдивизии А. И. Заднепруком и профессором М. Л. Кичиковым. Министерство по делам молодежи и спорта опубликовало в газете «Хальмг үнн» анкеты, которые потом приносили читатели — родственники ветеранов 110-й кавдивизии. Хорошим подспорьем в работе оказались списки, представленные ветеранами Великой Отечественной войны Ш. М. Налаевым и Т. Б. Шураевым, членом общества «Мемориал» А. Б. Цобдаевым, преподавателем Калмыцкого госуниверситета М. А. Лиджиевым.

Благодаря титаническим усилиям к 2007 г. П. Э. Алексеевой и Л. Ю. Ланцановой удалось установить имена более 2 тыс. воинов

110-й Калмыцкой кавдивизии. Итогом этой работы и стало издание 2-го тома книги «Солдаты победы» [Солдаты 2007].

Однако на этом работа не была закончена. Ведь по подсчетам Прасковьи Эрдниевны в 110-й кавдивизии числилось 7 480 чел. После выхода в свет первого издания 2-го тома «Солдат Победы» к составителям стали приходить родственники воинов 110-й кавдивизии и сообщать новые имена, уточнять сведения о тех, чьи данные уже были опубликованы. Поиск велся и по другим направлениям. Значительное количество персоналий было выявлено путем сплошной проверки аннотированных списков наших земляков — участников войны 1941–1945 гг.: Книг «Память. Санл», «Широклаг. Широкстрой» и др. Дополнительно к этому были проверены личные карточки воинов Широkläга, хранящиеся в Информационном центре МВД. В этих документах указывались сведения о воинских частях, в которых они ранее служили, что позволило обнаружить среди них многие имена бойцов 110-й кавдивизии. К работе над проектом подключилась новая зав. Научной библиотекой КИГИ РАН А. Т. Баянова.

Новый толчок работе дал С. А. Заярный — внук первого комиссара 110-й Калмыцкой кавдивизии С. Ф. Заярного. Он в течение нескольких лет кропотливо изо дня в день работал в ЦАМО, разыскивая дела калмыцкого соединения, рассеянные по «чужим» фондам. Благодаря этому ему удалось установить имена свыше тысячи воинов 110-й кавдивизии, уточнить судьбы многих других, найти десятки фотографий. Более 200 имен бойцов национального соединения предоставил и автор этих строк. Большим подспорьем в работе стали обобщенные банки данных «Мемориал» (содержащий в себе информацию о погибших, раненых, пропавших без вести, пленных в годы Великой Отечественной войны) и «Подвиг народа» (содержащий в себе информацию о награжденных в годы Великой Отечественной войны).

Все это позволило выявить дополнительно более 1,5 тыс. воинов 110-й Калмыцкой кавдивизии, а также существенно уточнить биографические справки, опубликованные в 1-м издании. Результаты этой работы были отражены в дополненном и расширенном 2-м издании 2-го тома книги «Солдаты Победы» [Солдаты 2015].

Если сравнивать этот труд с аналогичными Книгами памяти Калмыкии, Астраханской и Ростовской областей, то очевидно, что качество исполнения работы П. Э. Алексеевой заметно выше. Поэтому 2-е издание 2-го тома «Солдат Победы» можно считать в определенной степени «маяком», на который следует ориентироваться исследователям при работе над такими базами данных.

Опыт применения электронных баз данных «Мемориал» и «Подвиг народа» Прасковьи Эрдниевны решила реализовать и в работе над дополнениями 1-го тома «Солдат Победы», которую П. Э. Алексеева начала сразу после выхода первого издания.

К проекту подключилась заведующая Научной библиотекой КИГИ РАН А. Т. Баянова. В течение нескольких лет составители провели большой объем работы по поиску информации и ее сверке с имеющимися данными. Результатом их деятельности стала новая рукопись 1-го тома «Солдат Победы», в которой представлен аннотированный список на 2 355 донских калмыков — участников Великой Отечественной войны. Эта книга сейчас находится на редактировании.

Разумеется, вклад Прасковьи Эрдниевны в изучение истории Калмыкии в период войны 1941–1945 гг. не исчерпывается только аннотированными списками участников войны. П. Э. Алексеева в ходе многолетней работы собрала огромное количество материалов о наших земляках — участниках войны. Часть собранных сведений она ввела в научный оборот, опубликовав ряд статей о 110-й кавдивизии, калмыках — партизанах Югославии и т. д. [Алексеева 2001г; 2010б; 2010в]. Часть материалов ее огромной картотеки еще ждет своего часа.

Имя Прасковьи Эрдниевны хорошо известно и пользуется глубоким уважением не только в нашей республике, но и за ее пределами. Вклад П. Э. Алексеевой в развитие калмыковедения, особенно в изучение истории Калмыкии в период Гражданской и Великой Отечественной войн, носит значимый, даже ключевой характер. Ведь ряд труднейших проектов, которые она реализовала в своих исследованиях, требуют многолетнего кропотливого труда и вряд ли оказались бы под силу кому-либо еще, кроме нее.

Источники

- Книга 1995а — Книга памяти: Павшим в Великой Отечественной войне. Т. IV. Ростов н/Д: Литера, 1995. 544 с.
- Книга 1995б — Книга памяти: Павшим в Великой Отечественной войне. Т. IX. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1995. 576 с.
- Книга 2000 — Книга Памяти павшим в Великой Отечественной войне. Т. XV. Ростовская область. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2000. 560 с.
- Памятная книжка 1906 — Памятная книжка Области Войска Донского на 1906 год. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1906. XXIV+371+67+170 с.
- Памятная книжка 1911 — Памятная книжка Области Войска Донского на 1911 год. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1911. XXII+10+396+64+174 с.
- Памятная книжка 1914 — Памятная книжка Области Войска Донского на 1911 год. Новочеркасск: Эл. типография Ф. Туникова, 1911. XXIV+10+455+75+238+8 с.
- Памятная книжка 1915 — Памятная книжка Области Войска Донского на 1915 год. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1915. XXII+9+423+88+232+9 с.
- Память 1995, т. 1 — Память. Санл. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память 1995, т. 2 — Память. Санл. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
- Память 2005 — Память. Санл. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.
- Память 2010 — Память. Санл. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Алексеева 2009б — Алексеева Прасковья Эрдниевна. Библиографический указатель: [к 85-летию со дня рождения]. Элиста: КИГИ РАН, 2009. 35 с.
- Солдаты 2005 — Солдаты Победы: Поименный список участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцев Калмыцкого района Ростовской области. Т. I / сост. Алексеева П. Э. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 203 с.
- Солдаты 2007 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. Алексеева П. Э., Ланцанова Л. Ю. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 272 с.
- Солдаты 2015 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.
- Ученые 2001 — Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН / Сост. Алексеева П. Э., Бадмаева Е. Н. и др. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 435 с.

Эренжен 2012 — Эренжен Хара-Даван и его наследие / сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Герел, 2012. 350 с.

Литература

- Алексеева 1969 — *Алексеева П. Э.* Научная библиотека Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Ученые записки [Калмыцкого НИИЯЛИ]. Вып. 7. Сер. филол. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 260–265.
- Алексеева 1972 — *Алексеева П. Э.* Труды Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, изданные с 1960 по 1971 гг.: приложение к статье «КалмНИИЯЛИ в восьмой пятилетке: некоторые итоги работы // Вестник института [Калмыцкого НИИЯЛИ]. Вып. 6. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. С. 30–34.
- Алексеева 1973 — *Алексеева П. Э.* Список опубликованных работ Церен-Дорджи Номинханова по тюркским и монгольским языкам // Филологические вести. Вып. 4. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 55–57.
- Алексеева 1974 — *Алексеева П. Э.* Библиографический обзор литературы об участии трудящихся Калмыкии в гражданской и Великой Отечественной войнах // Ученые записки [Калмыцкого НИИЯЛИ]. Вып. 10. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 245–253.
- Алексеева 1978 — *Алексеева П. Э.* Список литературы по джангароведению // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 120–127.
- Алексеева 1980 — *Алексеева П. Э.* Библиография по джангароведению // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. Материалы Всесоюзн. науч. конф. (Элиста, 17–19 мая 1978 г.). М.: Наука, 1980. С. 443–470.
- Алексеева 1983 — *Алексеева П. Э.* Антон Григорьевич Владыкин и его вклад в изучение маньчжурского языка // Монголоведные исследования. Элиста: Калмиздат, 1983. С. 94–99.
- Алексеева 1984 — *Алексеева П. Э.* Библиография по калмыцкому языкознанию / под ред. проф. Д. А. Павлова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 119 с.
- Алексеева 1988а — *Алексеева П. Э.* Библиография изданий КалмНИИИФЭ (1980–1985) // Калмыковедение: вопросы историографии библиографии. Элиста: КНИИИФЭ, 1988. С. 154–187.
- Алексеева 1988б — *Алексеева П. Э.* «Джангар» и джангароведение: библиография. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 52 с.

- Алексеева 1989 — *Алексеева П. Э.* Список научных трудов Н. Н. Пальмова. Литература о жизнедеятельности проф. Н. Н. Пальмова // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дореволюционный период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 146–150.
- Алексеева 1990 — *Алексеева П. Э.* Библиография по «Джангару» // «Джангар»: калмыцкий героический эпос. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1990. С. 464–471.
- Алексеева 1997а — *Алексеева П. Э.* Иоганн Иериг и калмыковедение // Старая Сарепта и народы Поволжья в истории России. Сборник тезисов: материалы II Сарептских встреч (Волгоград, 21–22 сентября 1996 г.). Волгоград: Старая Сарепта, 1997. С. 46–48.
- Алексеева 1997б — *Алексеева П. Э.* Станица Граббевская (XVII – декабрь 1943 г.): исторический очерк. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 169 с.
- Алексеева 1999 — *Алексеева П. Э.* О новых поступлениях библиотеки КИГИ РАН на «тодо бичиг» // История и культура монголоязычных народов: источники и традиции: мат-лы межд. симпозиума (Элиста, 14–18 сент. 1999 г.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. С. 7–8.
- Алексеева 2000 — *Алексеева П. Э.* Питомцы Казанской учительской семинарии из Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 4. Материалы II Всерос. съезда востоковедов (Казань, 18–22 окт. 1999 г.). М.: ИВ РАН, 2000. С. 43–55.
- Алексеева 2001а — *Алексеева П. Э.* Востоковед Антон Владыкин // Российское монголоведение: бюллетень V. М.: ИВ РАН, 2001. С. 403–407.
- Алексеева 2001б — *Алексеева П. Э.* «Джангар» и джангароведение. Библиография. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 104 с.
- Алексеева 2001в — *Алексеева П. Э.* О расселении калмыков на Дону // Вестник КИГИ РАН. Вып. 16. Элиста: КИГИ РАН, 2001. С. 291–313.
- Алексеева 2001г — *Алексеева П. Э.* Обзор литературы по истории 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии // Великая Отечественная война: события, люди, история. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 225–233.
- Алексеева 2001д — *Алексеева П. Э.* Обзор материалов о коневодстве и коннозаводстве у калмыков в конце XIX – начале XX вв. // Вестник КИСЭПИ. 2001. Вып. 2. С. 153–164.
- Алексеева 2002 — *Алексеева П. Э.* Богшрахинский аймак и богшрахинцы: краткие исторические очерки. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 256 с.

- Алексеева 2003 — *Алексеева П. Э.* Академик Исаак Якоб Шмидт и его коллекция калмыцких писем // Монголоведение. 2003. № 2. С. 285–289.
- Алексеева 2004 — *Алексеева П. Э.* Библиографический указатель работ по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 г. / предисл. В. П. Санчирова. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 442 с.
- Алексеева 2005 — *Алексеева П. Э.* Профессор Трофим Алексеевич Бертагаев и его библиотека // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения. Материалы I Бертагаевских чтений. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 369–372.
- Алексеева 2008а — *Алексеева П. Э.* О литературоведе Раисе Джамбиновой // Преданная науке: к 70-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности Р. А. Джамбиновой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 141–143.
- Алексеева 2008б — *Алексеева П. Э.* Он стоял у истоков джангароведения // Учитель, ученый, просветитель / сост. Б. А. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 14–19.
- Алексеева 2008в — *Алексеева П. Э.* Труды В. Н. Татищева по истории калмыков // Седьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения (Екатеринбург, 17–18 апреля 2008 г.). Екатеринбург: УРО РАН, 2008. С. 54–60.
- Алексеева 2009а — *Алексеева П. Э.* Номто Очиров и его научное наследие // Номто Очиров: жизнь и судьба. Элиста, 2009. С. 81–86.
- Алексеева 2010а — *Алексеева П. Э.* О людях и времени. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Алексеева 2010б — *Алексеева П. Э.* Семейная хроника: на службе Отечеству. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 116 с.
- Алексеева 2010в — *Алексеева П. Э.* Уроженцы Калмыкии — партизаны Югославии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 101–104.
- Алексеева 2012а — *Алексеева П. Э.* Музыкант Дорджи Манджиев (из истории калмыцкого музыкального наследия) // Давид Кугультинов — поэт, философ, гражданин. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося российского поэта (Элиста, 10–14 апреля 2012 г.). Элиста: КалмГУ, 2012. С. 74–76.
- Алексеева 2012б — *Алексеева П. Э.* М. В. Бадмаев как представитель калмыцкой интеллигенции конца XIX – начала XX в. // Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН – V. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 8–10.

- Алексеева 2013 — *Алексеева П. Э.* О депортации калмыцкого населения из Ростовской области // Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста: КалмГУ, 2013. С. 194–197.
- Алексеева, Борманджинов 1999 — *Алексеева П. Э., Борманджинов А. Э.* Об этническом составе донских калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 40 с.
- Алексеева, Музраева, Намжавин 2006 — *Алексеева П. Э., Музраева Д. Н., Намжавин С. Я. И. Шмидт* и калмыки. Взаимодействие двух культур (по материалам переписки 1800–1810 гг.) // Сарепта. Историко-этнографический вестник. Вып. I. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 104–122.
- Алексеева, Омакаева 2002 — *Алексеева П. Э., Омакаева Э. У.* Обзор новых поступлений в рукописный фонд научной библиотеки КИГИ РАН: ойратские сочинения из коллекции проф. Дж. Крюгера (США) // Монголоведение. 2002. № 1. С. 180–182.
- Алексеева, Шарапова 1981 — *Алексеева П. Э., Шарапова Н. Н.* Библиография изданий института (1959–1980) // Развитие науки в Калмыцкой АССР. Элиста: Калмиздат, 1981. С. 113–157.
- Борисенко, Горяев 1998 — *Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 236 с.
- Номинханов 1969 — *Номинханов Ц.-Д.* Об этническом составе донских калмыков // Ученые записки. Сер. филол. Вып. 7. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 199–202.
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Участие калмыков в Степном походе 1918 г. // Вестник института [Калмыцкого социально-экономических и правовых исследований]. 2006. № 2. С. 138–146.
- Очиров 2007 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): дисс. ... д-ра ист.наук. М., 2007.
- Очиров 2016 — *Очиров У. Б.* Аннотированные списки участников Великой Отечественной войны, призванных из Калмыкии: историографический обзор // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 29–40.
- Топалова 2017 — *Топалова Д. Ю.* Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (1920–1930). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 244 с.

Sources

Kniga pamyati: Pavshim v Velikoy Otechestvennoy voyne [The Memorial Book: commemorating the deceased of the Great Patriotic War]. Vol. IV. Rostov-on-Don: Litera, 1995. 544 p. (In Rus.)

- Kniga pamyati: Pavshim v Velikoy Otechestvennoy voyne* [The Memorial Book: commemorating the deceased of the Great Patriotic War]. Vol. IX. Rostov-on-Don: Rostov State Univ., 1995. 576 p. (In Rus.)
- Kniga Pamyati pavshim v Velikoy Otechestvennoy voyne* [The Memorial Book: commemorating the deceased of the Great Patriotic War]. Vol. XV. Rostov Oblast. Rostov-on-Don: Kniga, 2000. 560 p. (In Rus.)
- Pamyatnaya knizhka Oblasti Voyska Donskogo na 1906 god* [The memorial booklet of Don Host Oblast: 1906]. Novocherkassk: Don Host Oblast Press, 1906. XXIV+371+67+170 p. (In Rus.)
- Pamyatnaya knizhka Oblasti Voyska Donskogo na 1911 god* [The memorial booklet of Don Host Oblast: 1911]. Novocherkassk: Don Host Oblast Press, 1911. XXII+10+396+64+174 p. (In Rus.)
- Pamyatnaya knizhka Oblasti Voyska Donskogo na 1911 god* [The memorial booklet of Don Host Oblast: 1911]. Novocherkassk: F. Tunikov, 1911. XXIV+10+455+75+238+8 p. (In Rus.)
- Pamyatnaya knizhka Oblasti Voyska Donskogo na 1915 god* [The memorial booklet of Don Host Oblast: 1915]. Novocherkassk: Don Host Oblast Press, 1915. XXII+9+423+88+232+9 p. (In Rus.)
- Pamyat'. Sanl* [The Memory]. Vol. I. Elista: Kalm. Book Publ., 1995. 416 p. (In Rus. and Kalm.)
- Pamyat'. Sanl* [The Memory]. Vol. II. Elista: Kalm. Book Publ., 1995. 442 p. (In Rus. and Kalm.)
- Pamyat'. Sanl* [The Memory]. Vol. III. Elista: Kalm. Book Publ., 2005. 156 p. (In Rus. and Kalm.)
- Pamyat'. Sanl* [The Memory]. Vol. IV. Elista: Gerel, 2010. 492 p. (In Rus. and Kalm.)
- Alekseeva Praskov'ya Erdnievna. Bibliograficheskiy ukazatel': [k 85-letiyu so dnya rozhdeniya]* [Prskovia E. Alekseeva: a bibliographic index (celebrating the 85th anniversary)]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2009. 35 p. (In Rus.)
- Soldaty Pobedy: Poimennyy spisok uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg., urozhentsev Kalmytskogo rayona Rostovskoy oblasti* [Soldiers of the Victory: list of names of Great Patriotic War participants conscripted from Kalmyk District of Rostov Oblast]. Vol. I. Alekseeva P. E. (comp.). Elista: Kalm. Book Publ., 2005. 203 p. (In Rus.)
- Soldaty Pobedy. T. II. Poimennyy spisok voinov 110-y Otdel'noy Kalmytskoy kavaleriyskoy divizii* [Soldiers of the Victory: list of names of soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division]. Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. (comps.). Elista: Kalm. Book Publ., 2007. 272 p. (In Rus.)

- Soldaty Pobedy. T. II. Poimennyy spisok voynov 110-y Otdel'noy Kalmytskoy kavaleriyskoy divizii* [Soldiers of the Victory: list of names of soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division]. P. E. Alekseeva, A. T. Bayanova, S. A. Zayarny, L. Yu. Lantsanova (comps.). 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2015. 373 p. (In Rus.)
- Uchenye Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS: a list of academic associates]. Alekseeva P. E., Badmaeva E. N. et al. (comps.). Elista: Dzhangar, 2001. 435 p. (In Rus.)
- Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie* [Erenzhen Khara-Davan and his heritage]. P. E. Alekseeva (comp.). Elista: Gerel, 2012. 350 p. (In Rus.)

References

- Alekseeva P. E. Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: a survey of the scientific library. *Uchenye zapiski*. Is. 7. Ser. 'Philology'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1969. Pp. 260–265. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Publications of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: 1960 to 1971 (a supplement to the article 'KalmNIIYaLI in the 8th five-year plan: some results revisited'. *Vestnik instituta*. Is. 6. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1972. Pp. 30–34. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Tseren-Dorji Nominkhanov's works on Turkic and Mongolic languages: a list of publications. *Filologicheskie vesti*. Is. 4. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1973. Pp. 55–57. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. The toiling masses of Kalmykia in the Civil and Great Patriotic Wars. *Uchenye zapiski*. Is. 10. Ser. 'History'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1974. Pp. 245–253. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. A bibliographical guide to Jangar studies. *Tipologicheskie i khudozhestvennye osobennosti «Dzhangara»*. Elista: Kalm. Book Publ., 1978. Pp. 120–127. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Jangar studies: a bibliographic index. *«Dzhangar» i problemy epicheskogo tvorchestva tyurko-mongol'skikh narodov*. Conf. proc. (Elista, 17–19 May 1978). Moscow: Nauka, 1980. Pp. 443–470. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Anton G. Vladykin and his impact on Manchu language studies. *Mongolovednye issledovaniya*. Elista: Kalmizdat, 1983. Pp. 94–99. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. *Bibliografiya po kalmytskomu yazykoznaniiyu* [A bibliographical guide to Kalmyk linguistics]. Prof. D. A. Pavlov (ed.). Elista: Kalm. Book Publ., 1984. 119 p. (In Rus.)

- Alekseeva P. E. Publications of Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics: a bibliography (1980–1985). *Kalmykovedenie: voprosy istoriografii bibliografii*. Elista: Kalm. Res. Inst. of Hist., Philol. and Econ., 1988. Pp. 154–187. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. «Dzhangar» i dzhangarovedenie: bibliografiya [The Jangar epic and Jangar studies: a bibliography]. Elista: Kalm. Book Publ., 1988. 52 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. A list of N. N. Palmov's works. Books about Prof. N. N. Palmov's activities. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krest'yanstva Kalmykii v dorevol'yucionnyy period*. Elista: Kalm. Res. Inst. of Hist., Philol. and Econ., 1989. Pp. 146–150. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. The Jangar epic: a bibliography. «Dzhangar»: kalmytskiy geroicheskiy epos. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1990. Pp. 464–471. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Johann Jährgig and Kalmyk studies. *Staraya Sarepta i narody Povolzh'ya v istorii Rossii*. Coll. report abs. of II Sarepta meetings (Volgograd, 21–22 September 1996). Volgograd: Staraya Sarepta, 1997. Pp. 46–48. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. *Stanitsa Grabbevsckaya (XVII – dekabr' 1943 g.): istoricheskiy ocherk* [The stanitsa of Grabbevsckaya (17th c. – December 1943): a historical essay]. Elista: Kalm. Book Publ., 1997. 169 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Library of Kalmyk Humanities Research Institute: revisiting the newly delivered Clear Script books. *Istoriya i kul'tura mongoloyazychnykh narodov: istochniki i traditsii*. Symposium proc. (Elista, 14–18 September 1999). Elista: Kalm. Book Publ., 1999. Pp. 7–8. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Kazan Teachers College: students from Kalmykia. *Byulleten' Obshchestva vostokovedov*. Is. 4. All-Rus. Congress of Orientalists. Proc. (Kazan, 18–22 Oct. 1999). Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, 2000. Pp. 43–55. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Orientalist Anton Vladykin. *Rossiyskoe mongolovedenie*. Bulletin V. Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, 2001. Pp. 403–407. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. «Dzhangar» i dzhangarovedenie. Bibliografiya [The Jangar epic and Jangar studies: a bibliography]. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalm. Book Publ., 2001. 104 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Kalmyk settlements on the Don. *Vestnik KIGI RAN*. Is. 16. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2001. Pp. 291–313. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. History of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division: a bibliographic guide. *Velikaya Otechestvennaya vojna: sobytiya, lyudi, istoriya*. Elista: Dzhangar, 2001. Pp. 225–233. (In Rus.)

- Alekseeva P. E. Horse breeding and studs of the Kalmyks in the late 19th – early 20th cc.: an overview of materials. *Vestnik KISEPI*. 2001. Is. 2. Pp. 153–164. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. *Bogshrakhinskiy aymak i bogshrakhintsy: kratkie istoricheskie ocherki* [Bogshrakhinsky Aimag and its residents: brief historical essays]. Elista: Dzhangar, 2002. 256 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Acad. Isaac Jacob Schmidt and his collection of Kalmyk letters. *Mongolovedenie*. 2003. No. 2. Pp. 285–289. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. A bibliographic guide to the history of the Oirats and Kalmyks: from the earliest times to 1917. V. P. Sanchirov (foreword). Elista: Dzhangar, 2004. 442 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Prof. *Trofim A. Bertagaev and his library. Trofim Alekseevich Bertagaev: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya*. Proc. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2005. Pp. 369–372. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. About literary scholar Raisa Dzhambinova. *Predannaya nauke: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 40-letiyu nauchnoy deyatel'nosti R. A. Dzhambinovoy*. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2008. Pp. 141–143. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. He who was at the beginnings of Jangar studies. *Uchitel', uchenyy, prosvetitel'*. B. A. Kichikova (comp.). Elista: Kalm. State Univ., 2008. Pp. 14–19. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. V. N. Tatishchev's works on the history of Kalmyks. *Sed'mye Tatishchevskie chteniya*. Report abs. (Yekaterinburg, 17–18 April 2008). Yekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2008. Pp. 54–60. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Nomto Ochirov and his scientific heritage. *Nomto Ochirov: zhizn' i sud'ba*. Elista, 2009. Pp. 81–86. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. O lyudyakh i vremeni [About people and time]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2010. 176 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. *Semeynaya khronika: na sluzhbe Otechestvu* [Family chronicles: in the service of Motherland]. Elista: Dzhangar, 2010. 116 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Kalmykia's natives in the guerilla movement of Yugoslavia. *Vestnik Kalmytского института гуманитарных исследований РАН*. 2010. No. 1. Pp. 101–104. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Musician Dordzhi Mandzhiev (Kalmyk musical heritage: glimpses of history). *David Kugul'tinov — poet, filosof, grazhdanin*. Conf. proc. (Elista, 10–14 April 2012). Elista: Kalm. State Univ., 2012. Pp. 74–76. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. M. V. Badmaev as a representative of the late 19th-early 20th century Kalmyk intelligentsia. *Ezhegodnye nauchnye chteniya*

- Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* – V. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2015. Pp. 8–10. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. Revisiting the deportation of the Kalmyk population from Rostov Oblast. *Repressirovannyye narody: istoriya i sovremennost'*. Conf. proc. (Elista, 26–28 November 2013). Elista: Kalm. State Univ., 2013. Pp. 194–197. (In Rus.)
- Alekseeva P. E., Bormandzhinov A. E. *Ob etnicheskom sostave donskikh kalmykov* [The Don Kalmyks: ethnic composition revisited]. Elista: Dzhangar, 1999. 40 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E., Muzraeva D. N., Namzhavin S. YA. I. Schmidt and the Kalmyks: interaction between the two cultures (a case study of 1800–1810 letters). *Sarepta. Istoriko-etnograficheskiy vestnik*. Is. I. Volgograd: Volgograd Science Press, 2006. Pp. 104–122. (In Rus.)
- Alekseeva P. E., Omakaeva E. U. Manuscript Fond of Scientific Library of Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS: an overview of the newly delivered Oirat-language works from Prof. G. Krueger's collection. *Mongolovedenie*. 2002. No. 1. Pp. 180–182. (In Rus.)
- Alekseeva P. E., Sharapova N. N. Publications of the institute: a bibliography (1959–1980). *Razvitie nauki v Kalmytskoy ASSR*. Elista: Kalmizdat, 1981. Pp. 113–157. (In Rus.)
- Borisenko I. V., Goryaev A. T. *Ocherki istorii kalmytskoy emigratsii* [Essays on the history of the Kalmyk expatriate community]. Elista: Dzhangar, 1998. 236 p. (In Rus.)
- Nominkhanov Ts.-D. Ethnic composition of the Don Kalmyks revisited. *Uchenye zapiski*. Ser. 'Philology'. Is. 7. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1969. Pp. 199–202. (In Rus.)
- Ochirov U. B. Kalmyks in the Steppe Campaign of 1918. *Vestnik instituta*. 2006. No. 2. Pp. 138–146. (In Rus.)
- Ochirov U. B. *Kalmykiya v period revolyutsii i Grazhdanskoj vojny (1917–1920 gg.)* [Kalmykia during the Russian Revolution and Civil War (1917–1920)]. A DrSc thesis. Moscow: Inst. of Russian Hist. of RAS, 2007. (In Rus.)
- Ochirov U. B. Annotated lists of participants of the Great Patriotic War conscripted from Kalmykia: a historiographic review. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 4. Pp. 29–40. (In Rus.)
- Topalova D. Yu. *Literaturnaya deyatel'nost' kalmytskoy emigratsii (1920–1930)* [The Kalmyk expatriate community: literary activities (1920–1930)]. Elista: Kalm.s Sc. Center of RAS, 2017. 244 p. (In Rus.)

УДК 93/94

DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-48-65

**Калмыцкая автономная область в составе
Ставропольского края в 1957 – первой половине
1958 гг.: особенности политико-правового статуса**

**Kalmyk Autonomous Oblast as a Territory within Stavropol
Krai in 1957 and early-to-mid 1958: Peculiarities of the
Political and Legal Status**

Евгений Александрович Гунаев (E. Gunayev)¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
ORCID: 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunayeva@kigiran.com

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunayeva@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена особенностям политико-правового статуса Калмыцкой автономной области как субъекта РСФСР в составе Ставропольского края (1957–1958 гг.) после восстановления её автономии. На основе историко-правового метода исследования рассмотрены положения советских конституций соответствующего периода, нормативные акты высших органов государственной власти СССР и РСФСР. Также проанализированы взгляды советских ученых-государствоведов на федеративную природу РСФСР, место автономных областей в «иерархии» советских автономий, особенности регулирования их правового положения в указанный период. Учитывая кратковременность существования автономной области, автор приходит к характеристике автономии Калмыкии данного периода как переходной формы к возвращению прежнего статуса автономной республики.

Ключевые слова: РСФСР, Калмыцкая автономная область, Ставропольский край, восстановление автономии репрессированных народов, политико-правовой статус

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Калмыцкая автономная область в составе Ставропольского края в 1957 – первой половине 1958 гг.: особенности полити-

ко-правового статуса. Монголоведение. 2019;(1):48-65. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-48-65.

Abstract. The article deals with peculiarities of the political and legal status of Kalmyk Autonomous Oblast as a federal subject of the RSFSR within Stavropol Krai (1957-1958) after the restoration of autonomy. The study applies historical and legal research methods to examine provisions of respective Soviet constitutions, statutory acts issued by the supreme governing institutions of the USSR and RSFSR. It also analyzes views of Soviet political scientists on the federal nature of the RSFSR, the place of autonomous regions in the ‘hierarchy’ of Soviet autonomies, peculiarities pertaining to the regulation of their legal status during the specified period.

Given that the Autonomous Oblast proved short-lived enough, the paper characterizes Kalmykia’s autonomy of that period as a transitional form towards the former status of Autonomous Republic.

Keywords: RSFSR, Kalmyk Autonomous Oblast, Stavropol Krai, restoration of repressed peoples’ autonomies, political and legal status

Acknowledgments: Research was performed within a government subsidy — project ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Gunaev E. Kalmyk Autonomous Oblast as a Territory within Stavropol Krai in 1957 and early-to-mid 1958: Peculiarities of the Political and Legal Status. Mongolian Studies. 2019;(1):48-65. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-48-65.

Введение

В конце 1950-х гг. в СССР были восстановлены отдельные автономии народов, подвергшихся депортации в годы Великой Отечественной войны. Среди них была и Калмыцкая автономная область, образованная в составе Ставропольского края в 1957 г. и просуществовавшая 1,5 года до своего преобразования в Калмыцкую АССР.

Данному периоду в истории Калмыкии посвящен ряд работ, в основном они рассматривают происходившие процессы с исторической точки зрения, используя историко-генетический, хронологический и системный методы исследования [Белоусов 2012; 2013; Запариванный 2005; 2006; 2011; Илюмжинов, Максимов 1998; История 2009; Максимов 2013; 2017; Судавцов 2010; Убушаев и др. 2007; 2009; Убушаев 2017а; 2017б; и др.].

Отдельно выделим научную статью Х. И. Тугуза, однако в ней затронуты политико-правовые аспекты процесса реабилитации

калмыцкого народа [Тугуз 2006], что не является предметом исследования настоящей работы.

Постановка задачи

Цель настоящей статьи — исследовать политико-правовой статус Калмыкии в форме автономной области в указанный период с позиции действовавшего в то время советского законодательства и научной доктрины.

Как известно, в советской науке государственного права не было единой точки зрения на то, какие автономные единицы считать субъектами РСФСР.

В особенности это касалось автономных областей, так как они входили в состав краев, что обуславливало специфику их статуса. В связи с этим необходимо:

- изучить хронологическую последовательность юридических актов в отношении восстановления автономии Калмыкии как автономной территориальной единицы в составе РСФСР;
- рассмотреть взгляды ученых-государствоведов советского периода на правовую природу автономной области периода 1950-х гг.

Основная часть

Восстановлению автономий репрессированных народов в форме указов и законов высших органов государственной власти СССР и РСФСР предшествовало постановление президиума ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» 24 ноября 1956 г., которым утверждались соответствующие проекты указов президиума Верховного Совета СССР. В частности, устанавливалось: «Образовать на территории бывшей Калмыцкой АССР Калмыцкую автономную область, включив ее в состав Ставропольского края РСФСР» [Реабилитация 2003: 201].

9 января 1957 г. принимается указ президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР», в котором было признано необходимым «в целях создания необходимых условий для национального развития» восстановить национальную автономию калмыцкого народа. Президиуму Верховного Совета РСФСР было рекомендовано рас-

смотреть вопрос об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края РСФСР; установить границы и административно-территориальное устройство Калмыцкой автономной области; утвердить Организационный комитет Калмыцкой автономной области, на который возложить, впредь до выборов областного Совета, руководство хозяйственным и культурным строительством на территории автономной области.

Утратившими силу стали считаться: указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», за исключением статьи 2, предусматривающей образование в составе РСФСР Астраханской области, и статья 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 г. в части запрещения калмыкам возвращаться на прежнее местожительство [Книга памяти 2004: 69–70].

Далее были приняты:

– указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края» [Книга памяти 2004: 70];

– указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. «Об утверждении Организационного комитета по Калмыцкой автономной области Ставропольского края» [Книга памяти 2004: 71];

– указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1957 г. «Об административно-территориальном составе Калмыцкой автономной области Ставропольского края» [Книга памяти 2004: 71–72].

Законом СССР от 11 февраля 1957 г. «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов» в статью 22 Конституции СССР 1936 г. о территориальном составе РСФСР были внесены соответствующие изменения, где среди автономных областей была указана Калмыцкая [Закон СССР 1957а].

В историографии Калмыкии приведены следующие точки зрения:

– «восстанавливалась государственность калмыцкого народа в существовавшей до октября 1935 г. форме — в качестве субъекта РСФСР, но в составе Ставропольского края» [Илюмжинов, Максимов 1998: 109];

– «автономия советской Калмыкии восстанавливалась с понижением статуса как автономная область в составе Ставропольского края» [Убушаев и др. 2007: 404–405; Запариванный 2011: 229].

22 июня 1958 г. Калмыцкая автономная область, образованная в 1957 г. в составе Ставропольского края, была преобразована в Калмыцкую АССР [История 1970: 129]. Автономные республики согласно Конституциям СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. непосредственно находились в составе РСФСР, не входя в состав краев или областей [Советские конституции 2015: 16, 25].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1958 г. было утверждено произведенное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июля 1958 г. преобразование Калмыцкой автономной области в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику [Книга памяти 2004: 296–297].

Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР „О переименовании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики“ и „О преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику“ и о внесении изменений в статью 22 Конституции (Основного Закона) СССР» в составе РСФСР была указана Калмыцкая АССР [Закон СССР 1958]. Затем соответствующие изменения были внесены Законом РСФСР от 27 декабря 1958 г. в статьи 14 и 31 Конституции (Основного Закона) РСФСР 1937 г. [Закон РСФСР 1958].

Рассмотрим взгляды советских государствоведов на правовую природу автономной области в РСФСР периода конца 1950-х гг.

Н. Я. Куприц считал, что автономная область как форма советской автономии обладала не законодательной, а административной автономией. «Автономная область — не государство, не республика, — это национальная область союзной республики, ко-

торая по ряду объективных оснований в настоящий исторический момент не может быть отнесена к числу автономных республик» [Куприц 1940:19].

Согласно Т. Б. Анисимовой, Российская Федерация сразу же с момента своего образования стала развиваться как федерация автономных образований. Ее субъектами стали не только автономные республики — высшая форма советской автономии, но и автономные области, ранее национальные, ныне автономные округа. Вместе с тем она обращает внимание на тот факт, что по Конституции РСФСР 1937 г. автономные республики были представлены в высшем органе государственной власти России — в Президиуме Верховного Совета республики. Автономные области и автономные округа РСФСР не были представлены в высших органах государственной власти своей союзной республики [Анисимова 1983: 29, 34].

Д. Л. Златопольский утверждал, что советская автономия проявляется в двух формах: политической (национальное автономное государство — автономная республика) и административной (национальные государственные образования — автономная область, национальный округ). Если в Конституции РСФСР 1925 г. устанавливались основы правового положения автономной республики и автономной области в специальной главе «Об автономных советских социалистических республиках и областях», то федеративная природа государственного устройства РСФСР не нашла достаточно полного и подробного закрепления в Конституции РСФСР 1937 г. В ней перечислены автономные республики и автономные области, а также содержатся три главы, специально посвященные соответственно высшим органам государственной власти и государственного управления автономных республик, а также органам государственной власти автономных областей [Златопольский 1960: 207–208].

Как обращал внимание Д. Л. Златопольский, несмотря на это в Конституции РСФСР 1937 г. не сформулировано положение о том, какие автономные единицы являются субъектами федерации. Он полагал, что все автономии в составе РСФСР (автономные республики, автономные области, национальные округа) являлись

ее субъектами, и соответственно наличие в Конституции РСФСР точного указания о субъектах федерации более полно отразило бы федеративный характер РСФСР, а также в законодательной форме установило бы существенную особенность Российской Федерации, основанной на автономии [Златопольский 1960: 208–209].

А. И. Ким считал, что РСФСР, будучи федерацией, не является союзным государством. Он придерживался распространенной точки зрения, согласно которой своеобразие РСФСР как федерации состоит в том, что «ее субъектами являются автономные образования, созданные путем выделения соответствующих территорий в рамках республики и вступившие с последней в отношения внутреннего федерирования» [Ким 1960: 27].

Как отмечал А. И. Ким, сторонники данной точки зрения расходились лишь в вопросе о круге субъектов федерации. Часть из них считала, что круг субъектов РСФСР исчерпывается автономными республиками, другие — что субъектами РСФСР являются АССР и автономные области или же все виды советской автономии, включая национальные округа.

А. М. Халилов, напротив, отрицал, что РСФСР не является союзным государством, поскольку федерация — это и есть союзное государство. Главный признак РСФСР как федеративного государства он видел в том, что ее составные части — автономные республики являются государствами. «Следовательно, автономные области и национальные округа, не являясь государствами, не могут быть субъектами федерации. Субъектом федерации может быть лишь государство...» [Халилов 1967: 74–75].

Он опровергал один из доводов, что автономные области и национальные округа являются субъектами федерации, поскольку они представлены в Совете национальностей Верховного Совета СССР. Согласно А. М. Халилову, фактически этот аргумент не имеет абсолютно никакого отношения к вопросу о субъектах Российской Федерации. «Ведь здесь речь идет о представительстве в органах Союза ССР, а не Российской Федерации. Представительство автономных областей и национальных округов в Верховном Совете СССР говорит о том, что этот орган построен таким образом, чтобы удовлетворять не только общие, но и специфические

интересы народов СССР, и это нисколько не может характеризовать те или иные автономные единицы как субъекты Российской Федерации» [Халилов 1967: 76].

И. А. Азовкин и В. М. Иезуитов отмечают следующее:

– Конституция СССР 1936 г. и конституции союзных республик сохранили за автономной областью статус автономной национальной административно-территориальной единицы союзной советской социалистической республики и отнесли ее органы к числу местных органов государственной власти (ст. 94 Конституции СССР, ст. 77 Конституции РСФСР);

– закрепили за ней вытекающие из этого обстоятельства дополнительные права. Это нашло свое выражение, прежде всего, в том, что за каждой автономной областью было обеспечено право непосредственно направлять пять своих представителей в Совет национальностей Верховного Совета СССР;

– отнеся Советы депутатов трудящихся автономных областей к числу местных органов государственной власти, конституции союзных республик предусмотрели право Совета депутатов трудящихся автономной области разработать с учетом национальных особенностей Положение об автономной области и представить его на утверждение Верховного Совета союзной республики (ст. 76 Конституции РСФСР 1937 г.) [Азовкин, Иезуитов 1959: 73–74; Советские конституции 2015: 21, 30].

И. А. Азовкин и В. М. Иезуитов приводят примеры гарантий прав автономных областей со стороны Верховного Совета СССР. Так, законом от 11 февраля 1957 г. из Конституции СССР был исключен перечень краев и областей, решение вопросов административно-территориального устройства было передано в ведение союзных республик. Однако перечень автономных областей был сохранен в Конституции СССР. Образование новых автономных областей могло быть произведено лишь с разрешения высших органов власти СССР (п «е» ст. 14 Конституции СССР 1936 г.) [Закон СССР 1957б]. Тем самым, отмечается, территориальные права автономных областей были поставлены под защиту высших органов власти Союза ССР.

Также за депутатами автономных областей в Совете Национальностей СССР было обеспечено право принимать участие в

работе Экономической комиссии при рассмотрении вопросов, затрагивавших интересы этих областей [Постановление 1957].

За органами государственной власти и управления автономных областей, входящих в состав краевых образований, Конституции СССР и РСФСР сохранили определенную самостоятельность по отношению к краевым органам. Развивая положения Конституции СССР 1936 г., Конституция РСФСР 1937 г., установив общее правило о том, что вышестоящий местный орган государственной власти и управления может отменить акты нижестоящего (ст. 90 и 91), сделала исключение в отношении актов, принимаемых органами автономных областей. Так, согласно ст. 46 отменять решения и распоряжения исполкомов Советов депутатов трудящихся автономных областей, а также приостанавливать решения и распоряжения Советов депутатов трудящихся автономных областей имело право правительство Федерации. Отменять решения и распоряжения Советов депутатов трудящихся этих областей был вправе только Президиум Верховного Совета РСФСР (ст. 33) [Азовкин, Иезуитов 1959: 74; Советские конституции 2015: 27].

Как известно, важным правовым актом, характеризующим права автономной области РСФСР, вошедшей в состав краевого (областного) объединения, и органами краевой (областной) власти было одноименное постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 г. [Конституции и конституционные акты 1940: 211–213].

В связи с этим, поскольку все автономные области в РСФСР, за исключением Тувинской, входили в состав краев, а также предусмотренные Конституцией СССР Положения об автономных областях еще не были приняты и соответствующее Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 г. не было отменено, П. Г. Семенов предлагал соотносить всю практику взаимоотношений между краевыми объединениями и входящими в их состав автономными областями [Семенов 1959: 38].

Однако И. А. Азовкин и В. М. Иезуитов отмечали то обстоятельство, что названное постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 г., закрепившее в свое время широкие полномочия автономных областей в государственном, хозяйственном и куль-

турном строительстве, хотя формально и не было отменено, фактически прекратило свое действие после принятия Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. [Азовкин, Иезуитов 1959: 74–75].

Если рассматривать с точки зрения полномочий регионов РСФСР в области плановой экономики, то в документах того периода учитывались только автономные республики, края, области. Автономные области не указывались, так как находились в составе краев, за исключением Тувинской, которая непосредственно входила в состав РСФСР. В качестве примера можно привести Постановление Совета Министров РСФСР от 29 марта 1958 г. № 310 «О плане использования государственных ресурсов продуктов животноводства по РСФСР на 1958 год» [РСФСР. Законы и постановления 1960: 132–136].

Вместе с тем, если рассматривать конституционные нормы, в частности о территориальном составе РСФСР, то, безусловно, Калмыцкая автономная область являлась субъектом РСФСР, хотя и в составе края. Как показал опыт федеративного развития России, данный факт не является препятствием к статусу «субъекта РСФСР». И в прошлом, и в настоящее время в составе Российской Федерации находятся сложносоставные субъекты.

Если рассматривать вопрос о «понижении» статуса, то это было вызвано объективными причинами, поскольку фактически автономия Калмыкии создавалась «с нуля» и заново в сложных экономических условиях. Учитывая, что Калмыцкая автономная область просуществовала 1,5 года, а затем была преобразована в республику, представляется, что вопрос о понижении статуса не играет особой исторической роли. Другой аспект, если бы Калмыкия сохранилась бы как автономная область в составе Ставропольского края длительное время, скажем 10–15 лет, то тогда это можно было трактовать как отдельный период в истории государственности Калмыкии.

Интересно отметить, что указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» формально был отменен только с принятием постановления Верховного Совета СССР от 7 мар-

та 1991 г. № 2013-1 «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года „О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав“». Данным постановлением был отменён ряд актов высших органов государственной власти СССР, однако это не означало «автоматического решения вопросов национально-государственного устройства и административно-территориального деления, возникших вследствие насильственного переселения отдельных народов» [Постановление 1991].

Выводы

– статус «автономной области» 1957 г. – первой половины 1958 г. для Калмыкии явился переходной формой к возвращению прежнего статуса автономной республики в 1958 г.;

– в связи с этим государственность Калмыкии была полностью восстановлена в прежней форме, которая существовала, начиная с октября 1935 г. по декабрь 1943 г., за исключением территориального состава (территории двух прежних районов остались в составе Астраханской области).

Источники

Закон РСФСР 1958 — Закон РСФСР от 27 декабря 1958 г. «О внесении изменений в статьи 14 и 31 Конституции (Основного Закона) РСФСР» [электронный ресурс] // URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/zakony/3946626/> (дата обращения: 20.02.2019).

Закон СССР 1957а — Закон СССР от 11 февраля 1957 г. «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 4. Ст. 78.

Закон СССР 1957б — Закон СССР от 11 февраля 1957 г. «Об отнесении к ведению союзных республик разрешения вопросов областного, краевого административно-территориального устройства» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 4. Ст. 80.

Закон СССР 1958 — Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР „О переименовании

- Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики“ и „О преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику“ и о внесении изменений в статью 22 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 18.
- Конституции и конституционные акты 1940 — Конституции и конституционные акты РСФСР. 1918–1937 гг.: сб. док-тов под общ. ред. ак. А. Я. Вышинского / АН СССР. Ин-т права. М.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1940 (299 с.). С. 211–213.
- Книга памяти 2004 — Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1, кн. 3: Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа. ч. 1, Восстановление автономии (1956–1963 гг.): сб. док-тов и мат-лов / [ред. совет: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др.; сост.: В. З. Атуева и др.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 586 с.
- Постановление 1991 — Постановление Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 г. № 2013-1 «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года „О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав“» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 11. Ст. 302.
- Постановление 1957 — Постановление Совета Национальностей Верховного Совета СССР «Об образовании Экономической комиссии Совета Национальностей» 11 февраля 1957 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 4. Ст. 89.
- Реабилитация 2003 — Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 – начало 80-х годов / сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. М.: МФД, 2003. 960 с.
- РСФСР. Законы и постановления 1960 — РСФСР. Законы и постановления. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, 1958–1960 / [ред. М. А. Копыловская; сост. и отв. ред. В. А. Болдырев и др.]. В 7 т. Т. 7: 1958–1960 гг. М.: Госюриздат, 1960. 671 с.
- Советские конституции 2015 — Советские конституции. Хрестоматия. В 4 частях. Часть 3. СССР, 1936–1977 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. 418 с.

Литература

- Азовкин, Иезуитов 1959 — *Азовкин И. А., Иезуитов В. М.* Назревшие вопросы правового положения автономной области // Советское государство и право. 1959. № 5. С. 69–78.
- Анисимова 1983 — *Анисимова Т. Б.* Развитие конституционного законодательства РСФСР в области национально-государственного устройства республики // Конституционные основы национально-государственного строительства СССР: Сб. ст. М.: Акад. общ. наук при ЦК КПСС. 1983. 131 с.
- Белоусов 2012 — *Белоусов С. С.* Административно-территориальные преобразования в Нижнем Поволжье в годы Великой Отечественной войны и их последствия // Народы Юга России в отечественных войнах: мат-лы Междунар. науч. конф. (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 480 с. (С. 290–295).
- Белоусов 2013 — *Белоусов С. С.* Роль этнического фактора в формировании административных границ национально-территориальных образований калмыцкого народа в XIX – первой половине XX вв. // Межэтнический и межконфессиональный диалог как консолидирующая основа общества в борьбе против глобальных угроз терроризма и экстремизма: мат-лы Междунар. науч.-практ. еонф. (г. Астрахань, 10 октября 2013 г.) / сост. и отв. ред. А. В. Сызранов, О. С. Попова. Астрахань: Издатель Сорокин Р. В., 2013. 180 с. (С. 102–110).
- Запариванный 2006 — *Запариванный Р. И.* Восстановление национальной автономии калмыцкого народа 1953–1958 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2006. 22 с.
- Запариванный 2005 — *Запариванный Р. И.* Образование Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (27–28 апреля, 2005 г.) / [редкол.: Убушаев В. Б. (отв. ред.) и др.]. Элиста: Калмыц. гос. ун-т, 2005. 204 с. (С. 191–192).
- Запариванный 2011 — *Запариванный Р. И.* Переход Калмыцкой автономной области в статус национальной республики (1957–1958) // Гуманитарные исследования. 2011. № 1. С. 229–232.
- Златопольский 1960 — *Златопольский Д. Л.* Государственное устройство СССР. М.: Госюриздат, 1960. 300 с.
- Илюмжинов, Максимов 1998 — *Илюмжинов К. Н., Максимов К. Н.* На пути к демократии. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 288 с.

- История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. II. Элиста: Герел, 2009.
- История 1970 — История национально-государственного строительства в СССР [1917–1966 гг.] / отв. ред. Д. А. Чугаев; АН СССР. Ин-т истории. М.: Мысль, 1968–1970. В 2 т. Т. 2: Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма. (1937–1967 гг.). 1970. 276 с.
- Ким 1960 — *Ким А. И.* К вопросу о государственно-правовой природе РСФСР // Известия вузов. Правоведение. 1960. № 1. С. 26–33.
- Куприц 1940 — *Куприц Н. Я.* Об автономной области, как одной из форм советской автономии, и ее правовом положении // Советское государство и право. 1940. № 5–6. С. 11–23.
- Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2013. 464 с.
- Максимов 2017 — *Максимов К. Н.* От «хрущевской оттепели» к политической реабилитации: восстановление автономии калмыцкого народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 1. С. 38–47.
- Семенов 1959 — *Семенов П. Г.* Автономия в советском государственном строительстве // Советское государство и право. 1959. № 3. С. 30–40.
- Судаццов 2010 — *Судаццов Н. Д.* Калмыкия в составе Ставропольского края в период восстановления автономии калмыцкого народа (1957–1958 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 15–20.
- Тугуз 2006 — *Тугуз Х. И.* Ликвидация и восстановление национальной государственности калмыков: политико-правовой аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 82–94.
- Убушаев и др. 2007 — *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. / Федеральное агентство по образованию, Калмыцкий гос. ун-т. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. 494 с.
- Убушаев и др. 2009 — *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки в конце 50-х годов XX века: от автономной области к автономной республике // Вестник Регионального института инновационных исследований. 2009. № 1. С. 10–15.
- Убушаев 2017а — *Убушаев К. В.* Возрождение национальной автономии репрессированного народа 1957–1958 гг. / Министерство образования и науки РФ, Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. 118 с.

- Убушаев 2017б — Убушаев К. В. Восстановление национальной автономии калмыцкого народа в составе РСФСР // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 1 (33). С. 68–73.
- Халилов 1967 — Халилов А. М. РСФСР — социалистическое федеративное государство. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1967. 138 с.

Sources

- Zakon RSFSR ot 27 dekabrya 1958 g. «O vnesenii izmeneniy v stat'i 14 i 31 Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) RSFSR»* [Law of the RSFSR of 27 December 1958 ‘On Amendments to Articles 14 and 31 of the Constitution (Framework Law) of the RSFSR’]. Available at: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/zakony/3946626/> (accessed: 20 February 2019). (In Rus.)
- Zakon SSSR ot 11 fevralya 1957 g. «Ob utverzhdenii Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR o vosstanovlenii natsional'noy avtonomii balkarskogo, chechenskogo, ingushskogo, kalmytskogo i karachaevskogo narodov»* [Law of the USSR of 11 February 1957 ‘On Confirmation of Edicts Issued by the Presidium of the Supreme Council of the USSR and Declaring the Restoration of National Autonomies of the Balkar, Chechen, Ingush, Kalmyk and Karachay Peoples’]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1957. No. 4. Art. 78. (In Rus.)
- Zakon SSSR ot 11 fevralya 1957 g. «Ob otnesении k vedeniyu soyuznykh respublik razresheniya voprosov oblastnogo, kraevogo administrativno-territorial'nogo ustroystva»* [Law of the USSR of 11 February 1957 ‘On Designation of Issues Pertaining to Oblast and Krai Administrative Divisions As Ones Under the Jurisdiction of Union Republics’]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1957. No. 4. Art. 80. (In Rus.)
- Zakon SSSR ot 25 dekabrya 1958 g. «Ob utverzhdenii Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR “O pereimenovanii Buryat-Mongol'skoy Avtonomnoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki” i “O preobrazovanii Kalmytskoy avtonomnoy oblasti v Kalmytskuyu Avtonomnuyu Sovetskuyu Sotsialisticheskuyu Respubliku” i o vnesenii izmeneniy v stat'yu 22 Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) SSSR»* [Law of the USSR of 25 December 1958 ‘On Confirmation of Edicts Issued by the Presidium of the Supreme Council of the USSR ‘On Renaming of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic’ and ‘On Transformation of Kalmyk Autonomous Oblast into the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic’ and on Amendments to Article 22 of the Constitution (Framework Law)

- of the USSR’]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1959. No. 1. Art. 18. (In Rus.)
- Konstitutsii i konstitutsionnye akty RSFSR. 1918–1937 gg.* [Constitutions and constitutional acts of the RSFSR: 1918 – 1937]. Coll. documents. Acad. A. Ya. Vyshinsky (ed.). USSR Acad. of Sc, Inst. of Law. Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1940. Pp. 211–213. (In Rus.)
- Kniga pamyati ssylki kalmytskogo naroda* [A Memorial Book of the Kalmyk People]. Vol. 1, book 3: Restoration of autonomy and rehabilitation of the Kalmyk people. Part 1 ‘Restoration of autonomy (1956-1963)’. Coll. documents and materials. K. N. Ilyumzhinov et al. (eds.); V. Z. Atueva et al. (comps.). Elista: Kalm. Book Publ., 2004. 586 p. (In Rus.)
- Postanovlenie Verkhovnogo Soveta SSSR ot 7 marta 1991 g. № 2013-1 «Ob otmene zakonodatel'nykh aktov v svyazi s Deklaratsiey Verkhovnogo Soveta SSSR ot 14 noyabrya 1989 goda “O priznanii nezakonnyimi i prestupnymi repressivnykh aktov protiv narodov, podvergshikhsya nasil'stvennomu pereseleniyu, i obespechenii ikh prav”»* [Decree of the Supreme Council of the USSR of 7 March 1991 No. 2013-1 ‘On Abrogation of Some Legislative Acts Subsequent to the Declaration of the Supreme Council of the USSR of 14 November 1989 ‘On Condemnation of Repressive Actions against Forcibly Deported Peoples as Essentially Illegal and Protection of Their Rights’]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1991. No. 11. Art. 302. (In Rus.)
- Postanovlenie Soveta Natsional'nostey Verkhovnogo Soveta SSSR «Ob obrazovanii Ekonomicheskoy komissii Soveta Natsional'nostey» 11 fevralya 1957 g.* [Decree of the Nationalities Council of the Supreme Council of the USSR ‘On Establishment of the Economic Commission under the Nationalities Council’]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1957. No. 4. Art. 89. (In Rus.)
- Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy* [The Rehabilitation: such as it was. Documents issued by the Presidium of the CPSU’s Central Committee and other materials]. Vol. II. February 1956 – early 1980s. Artizov A. N. et al. (comps.). Moscow: MFD, 2003. 960 p. (In Rus.)
- RSFSR. Zakony i postanovleniya. Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy Pravitel'stva RSFSR, 1958–1960* [The RSFSR: laws and decrees. Coll. laws and decrees of the Presidium of the Supreme Council and government decrees of the RSFSR: 1958–1960]. M. A. Kopylovskaya (ed.); V. A. Boldyrev et al. (comps.). In 7 vols. Vol. 7: 1958–1960. Moscow: Gosyurizdat, 1960. 671 p. (In Rus.)
- Sovetskie konstitutsii* [Constitutions of the Soviets]. Chrestomathy: in 4 vols. Vol. 3. USSR: 1936–1977. D. V. Kuznetsov (comp.). Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical Univ., 2015. 18 p. (In Rus.)

References

- Azovkin I. A., Iezuitov V. M. Pending issues regarding the legal status of Autonomous Oblasts. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1959. No. 5. Pp. 69–78. (In Rus.)
- Anisimova T. B. Developing the constitutional legislation of the RSFSR: a national-state structure of the republic. *Konstitutsionnye osnovy natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva SSSR*. Coll. papers. Moscow: Acad. of Soc. Sc., Central Committee of CPSU, 1983. 131 p. (In Rus.)
- Belousov S. S. Administrative and territorial changes in the Lower Volga Region during the Great Patriotic War and their consequences. *Narody Yuga Rossii v otechestvennykh voynakh*. Conf. proc. (6–7 September 2012, Rostov-on-Don). Akad. G. G. Matishov (ed.). Rostov-on-Don: South. Scient. Center of RAS, 2012. Pp. 290–295. (In Rus.)
- Belousov S. S. National-territorial entities of the Kalmyk people in the 19th – early-to-mid 20th cc.: a role of the ethnic factor in the formation of administrative borders. *Mezhetnicheskiy i mezkhkonnessional'nyy dialog kak konsolidiruyuschaya osnova obschestva v bor'be protiv global'nykh ugroz terrorizma i ekstremizma*. Conf. proc. (Astrakhan, 10 October 2013). A. V. Syzranov, O. S. Popova (comps., eds.). Astrakhan: Sorokin R. V., 2013. Pp. 102–110. (In Rus.)
- Zaparivannyi R. I. *Vosstanovlenie natsional'noy avtonomii kalmytskogo naroda 1953–1958 gg.* [Restoration of the Kalmyk people's autonomy: 1953–1958]. A PhD thesis. Astrakhan State Univ. Astrakhan, 2006. 22 p. (In Rus.)
- Zaparivannyi R. I. Establishment of Kalmyk Autonomous Oblast within Stavropol Krai. *Vklad narodov Severnogo Kavkaza v pobedu nad fashizmom v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* Conf. proc. (27–28 April 2005). Ubushaev V. B. et al. (eds.). Elista: Kalmyk State Univ., 2005. Pp. 191–192. (In Rus.)
- Zaparivannyi R. I. Transformation of Kalmyk Autonomous Oblast into a national republic: 1957–1958. *Gumanitarnye issledovaniya*. 2011. No. 1. Pp. 229–232. (In Rus.)
- Zlatopolski D. L. *Gosudarstvennoe ustroystvo SSSR* [State structure of the USSR]. Moscow: Gosyurizdat, 1960. 300 p. (In Rus.)
- Ilyumzhinov K. N., Maksimov K. N. *Na puti k demokratii* [On the way towards democracy]. Elista: Dzhangar, 1998. 288 p. (In Rus.)
- Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [A history of Kalmykia from the earliest times to the present days]. In 3 vols. Vol. II. Elista: Gerel, 2009. (In Rus.)
- Istoriya natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR [1917–1966 gg.]* [A history of nation building in the USSR: 1917 to 1966]. D. A. Chugaev

- (ed.). USSR Acad. of Sc., Inst. of History. Moscow: Mysl', 1968–1970. In 2 vols. Vol. 2: Nation building in the USSR during the Socialist and Building-of-Communism eras (1937–1967). 1970. 276 p. (In Rus.)
- Kim A. I. The state and legal status of the RSFSR revisited. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. 1960. No. 1. Pp. 26–33. (In Rus.)
- Kuprits N. Ya. The autonomous oblast as a form of Soviet autonomy and its legal status. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1940. No. 5–6. Pp. 11–23. (In Rus.)
- Maksimov K. N. *Kalmykiya v sovetskuyu epokhu: politika i realii* [Kalmykia during the Soviet era: policies and realia]. Elista: Gerel, 2013. 464 p. (In Rus.)
- Maksimov K. N. From the Khrushchev Thaw to political rehabilitation of the Kalmyk people: restoration of the autonomy. *Vestnik Kalmytского института гуманитарных исследований РАН*. 2017. Vol. 29. No. 1. Pp. 38–47. (In Rus.)
- Semenov P. G. Autonomies in Soviet state building processes. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1959. No. 3. Pp. 30–40. (In Rus.)
- Sudavtsov N. D. Kalmykia within Stavropol Krai during the restoration of the Kalmyk people's autonomy (1957–1958 gg.). *Vestnik Kalmytского института гуманитарных исследований РАН*. 2010. No. 2. Pp. 15–20. (In Rus.)
- Tuguz Kh. I. Liquidation and restoration of the Kalmyk nationhood: political and legal aspects. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006. No. 4. Pp. 82–94. (In Rus.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. *Kalmyki: vyselenie, vozvrashchenie, vozrozhdenie. 1943–1959 gg.* [The Kalmyks: deportation, return, revival (1943–1959)]. Russian Federal Agency for Education, Kalmyk State Univ. Elista: Kalmyk State Univ., 2007. 494 p. (In Rus.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. Kalmyks in the late 1950s: from an autonomous oblast to the republic. *Vestnik Regional'nogo instituta innovatsionnykh issledovaniy*. 2009. No. 1. Pp. 10–15. (In Rus.)
- Ubushaev K. V. *Vozrozhdenie natsional'noy avtonomii repressirovannogo naroda 1957–1958 gg.* [Restoring the national autonomy of a repressed people: 1957 – 1958]. Russian Federal Ministry of Education and Science, Kalmyk State Univ. Elista: Kalm. State Univ., 2017. 118 p. (In Rus.)
- Ubushaev K. V. Restoration of national autonomy of the Kalmyk people within the RSFSR. *Vestnik Kalmytского universiteta*. 2017. No. 1 (33). Pp. 68–73. (In Rus.)
- Khalilov A. M. *RSFSR — sotsialisticheskoe federativnoe gosudarstvo* [The RSFSR – a federative socialist state]. Kazan: Kazan State Univ., 1967. 138 p. (In Rus.)

УДК 001.31

DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-66-75

Популяризация архивных документов и архивных фондов Республики Калмыкия*

Popularization of Archival Documents and Archival Fonds of the Republic of Kalmykia

Боликова Роза Бувайсовна (R. Bolikova)¹

¹ Национальный архив Республики Калмыкия (д. 9а, ул. Пушкина, Элиста 358000, Российская Федерация)

директор

ORCID: 0000-0002-4683-8787. E-mail: Bolikova_02.06.66rose@mail.ru

National Archive of the Republic of Kalmykia (9 a, Pushkin str., Elista 358000, Russian Federation)

Director

ORCID: 0000-0002-4683-8787. E-mail: Bolikova_02.06.66rose@mail.ru

Аннотация. В статье дана характеристика деятельности Национального архива Республики Калмыкия по популяризации его фондов. Автор освещает различные формы работы по использованию и популяризации архивных документов, применяемые в работе учреждения. Приводятся данные об изданиях, подготовленных архивом совместно с учеными из других учреждений.

Ключевые слова: Национальный архив Республики Калмыкия, архивные фонды, популяризация, архивные документы

Для цитирования: Боликова Р. Б. Популяризация архивных документов и архивных фондов Республики Калмыкия. Монголоведение. 2019;(1):66-75. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-66-75.

---

* Материалы, изложенные в статье, апробированы в виде доклада на заседании Круглого стола «Собиранье сокровищ истории и культуры калмыцкого народа», посвященного 95-летию со дня рождения Почетного гражданина Республики Калмыкия, Заслуженного работника культуры Калмыцкой АССР, главного библиотекаря Научной библиотеки и архива КалмНЦ РАН П. Э. Алексеевой.

Abstract. The article characterizes activities of Kalmykia's National Archive aimed to popularize its fonds. The paper provides an insight into various means and methods applied by the Archive to take advantages of and popularize archival documents. It also contains data about publications prepared in cooperation with academic researchers affiliated with other institutions.

Keywords: National Archive of the Republic of Kalmykia, archival fonds, popularization, archival documents

For citation: Bolikova R. Popularization of Archival Documents and Archival Fonds of the Republic of Kalmykia. *Mongolian Studies*. 2019;(1):66-75. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-66-75.

Архивы и сохраняемые ими архивные документы — неотъемлемая и важнейшая часть культурной памяти общества, культурного наследия человечества, бесценное хранилище информации о прошлом — для настоящего и будущего: они хранят ответы на многие вопросы историков и современников — даже на те, что еще не были заданы исследователями.

Сохранение и популяризация историко-документального наследия является одним из приоритетных направлений деятельности Бюджетного учреждения Республики Калмыкия «Национальный архив».

В Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) применяются различные формы работы по использованию и популяризации архивных документов, такие как исполнение социально-правовых запросов, связанных с социальной защитой граждан, тематические запросы — предоставление информации по определенной теме, событию, факту; представление документов пользователям для исследований в читальных залах; экспонирование документов на выставках; использование документов в средствах массовой информации (статьи, теле- и радиопередачи); проведение информационных мероприятий (встреч с общественностью, экскурсий, мастер-классов, презентаций, «дней открытых дверей», лекций, докладов, уроков Памяти для студентов и школьников, и др.) с использованием архивных документов, публикации архивных документов (издание сборников, книг, справочников) [Правила 2007: 103–104].

Результатом исполнения запросов является выдача архивных справок, архивных выписок, информационных писем, тематических перечней и подборок копий документов.

Следующей формой работы использования архивных документов является выдача документов пользователям для исследований в читальном зале. [Правила 2007: 110]. В читальном зале архива могут работать как работники различных организаций, так и исследователи из научных и иных учреждений или частные лица [Порядок использования 2017: 3]. Самые востребованные фонды архива в настоящее время — это фонды И-9 «Управление калмыцким народом» (1836–1917 гг.), И-15 «Малодербетовское улусное управление» (1804–1918 гг.), Р-3 «Центральный исполнительный комитет» (1918–1938 гг.), Р-309 «Совет министров Республики Калмыкия» (1956–1993 гг.), П-1 «Калмыцкий обком КПСС» (1918–1992 гг.) и др. [Фонды Национального архива 2002].

Также часто используемым является фонд научно-справочной библиотеки Национального архива, охватывающий период с 1763 г. по настоящее время, который насчитывает около 12 тысяч экземпляров книг и брошюр¹, свыше двух тысяч экземпляров журналов и подшивок газет на русском и калмыцком языках².

За последние три года (с 2016 по 2018 гг.) количество пользователей, работавших в читальном зале архива, составило 562 человека (посещений читального зала — 2 841 человек). Выдача архивных документов пользователям в читальный зал ежегодно увеличивается.

Национальный архив уделяет особое внимание пропаганде архивных документов. Многообразие ценных и интереснейших документальных источников позволяет создавать интересные экспозиции. С 2016 г. ежегодно на таблоидах города Элисты к дню Победы 9 мая по инициативе НА РК демонстрируется подготовленный сотрудниками архива видеоролик по документам фонда «Участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., локальных войн и труженики тыла». Фотографии из данного фонда размещены на стендах у здания Национального архива. Таким образом, архивная работа, архивные документы становятся достоянием широкой общественности.

¹ В настоящее время фонд научно-справочной библиотеки НА РК включает 11 903 экземпляра книг и брошюр.

² Всего в настоящее время фонд научно-справочной библиотеки НА РК включает 1 080 экземпляров журналов и 1 384 подшивок газет на русском и калмыцком языках.

Одной из форм выставочной деятельности НА РК являются совместные выставки двух и более архивов. 28 сентября 2017 г. в Государственном архиве Волгоградской области состоялось открытие историко-документальной выставки «Переломный момент в Сталинградской битве», посвященной историческому событию мирового масштаба. Национальный архив Республики Калмыкия являлся одним из организаторов данной выставки.

За последнее десятилетие появились новые возможности и формы экспонирования архивных документов, обусловленные развитием информационных технологий и совершенствованием техники. Например, электронные выставки архивных документов, представляющие собой новый вид использования документов и обслуживания пользователей. Особое значение сегодня приобретает работа в сети «Интернет». От ее правильного планирования и успешного решения поставленных задач во многом зависит устойчивое развитие исторической науки страны, объективное и правдивое толкование сложнейших исторических событий. В этом году Национальный архив в социальных сетях открыл новую рубрику, посвященную 100-летию автономии Калмыкии, которое будет широко отмечаться в республике в 2020 г. [План основных мероприятий 2019].

Большинство мероприятий, проводящихся Национальным архивом, освещаются средствами массовой информации. На страницах республиканских газет регулярно публикуются статьи, посвященные памятным и знаменательным датам страны, республики, а также выдающихся деятелей республики. На страницах городской газеты «Элистинская панорама» открыта рубрика «Уголок архивиста». Ежегодно увеличивается количество теле- и радиосюжетов.

Национальный архив также тесно сотрудничает с общественными организациями. По инициативе Общероссийского народного фронта 8 июля 2018 г. в г. Элисте состоялась акция «Парад семей», посвященная празднованию Дня семьи, любви и верности.

В рамках данной акции Национальным архивом Республики Калмыкия впервые подготовлено и проведено мероприятие «Мастер-класс по созданию семейного древа». Вниманию гостей была представлена презентация «Архивные документы Нацио-

нального архива как источники генеалогических исследований». В качестве примера подготовлено по документам Национального архива генеалогическое древо, в котором охвачен период с 1870 г. по настоящее время. По окончании мероприятия гостям предложено самостоятельно составить родословную по Памятке, составленной Национальным архивом.

В рамках взаимодействия с образовательными учреждениями проводятся ознакомительные экскурсии о деятельности архива. Результатами совместного сотрудничества явились: историко-культурный путеводитель «Дорогой Великой Победы», подготовленный учащимися 7 «а» класса МБОУ «СОШ № 8» им. Н. Очирова, и брошюра МБОУ «СОШ № 3» «Санджи Сагаев — первый редактор калмыцкой детской газеты «*Leninэ аһнг*» («Внучата Ильича»), в который вошли документы из фондов Национального архива.

Важной формой использования архивных документов является их публикация. Издательская деятельность, которая является одним из приоритетных направлений работы архива, позволяет ввести в научный оборот новые информационные источники по истории Калмыкии.

С начала образования архивной службы Калмыкия в 20–30-х гг. прошлого столетия работники архива развернули большую научно-исследовательскую работу. Ее инициатором был профессор Н. Н. Пальмов, стоявший у истоков республиканской архивной службы и Калмыцкого краеведческого музея (ныне — Национального музея РК им. Н. Н. Пальмова). Перу Н. Н. Пальмова принадлежит «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» [Пальмов 1922]. Но основным его научным трудом стали изданные в 5 частях «Этюды по истории приволжских калмыков» [Пальмов 1926; 1927; 1929; 1932].

Лучшие традиции архивистов, стоявших у истоков архивной службы Калмыкии, продолжает новое поколение архивистов.

За последние 20 лет архивом, а также совместно с учеными научных учреждений Калмыкии издан ряд книг, материалы которых использованы из личных фондов, документов об участии калмыков в Первой и Второй мировых войнах, публикаций свидетельств новейшей истории. Это Книга памяти «Широклаг. Широкстрой» со

списками воинов-калмыков рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1943–1944 гг. [Широклаг. Широкстрой 2000], сборник писем воинов Великой Отечественной войны «Пишу это письмо с фронта» [Пишу это письмо 2000], сборники архивных документов и материалов «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Калмыкия в Великой Отечественной 2005], «Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.» [Калмыкия в партизанском движении 2006], «Государственное строительство Калмыкии XVII–XXI вв.» [Государственное строительство 2009], «Участие калмыков в наполеоновских войнах» [Участие калмыков 2012], а также недавно вышедшая книга «Общественно-политические и государственные деятели Калмыкии XX века», публикация которой стала возможной благодаря сотрудничеству с учеными [Общественно-политические и государственные деятели 2018].

В рамках реализации Плана мероприятий, посвященных 100-летию автономии Калмыкии [План основных мероприятий 2019], Национальным архивом РК запланировано издание следующих сборников:

1. «Административно-территориальное деление Республики Калмыкия (1918–2016 гг.)». Первое издание под названием «Калмыцкая АССР. Административно-территориальное деление 1918–1982 гг.» [Калмыцкая АССР 1984] вышло в 1984 г.;

2. «Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–2016 гг.». Подготовленное к печати третье издание дополнено документами по личному составу, хранящимися в фондах Национального архива. Первое издание книги, содержащей сведения о фондах Национального архива, выходило в 1984 г. [Справочник о фондах 1984]. Второе издание было осуществлено в 2002 г. [Фонды Национального архива 2002].

3. Издание сборника документов и материалов по раскулачиванию в Калмыкии 20–30 гг. XX в. Сборник будет включать в себя все нормативно-правовые акты по раскулачиванию, списки раскулаченных, воспоминания. В настоящее время ведутся работы по выявлению документов для включения в данный сборник.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что использование архивных документов, отражающих историю родного края,

его традиции, героическое прошлое, является одним из главных источников патриотического воспитания подрастающего поколения, формирования высокого патриотического сознания, уважения к своей родине, гордости за боевые и трудовые подвиги предков.

Использование архивных документов знакомит общественность с той или иной темой исторического прошлого, способствует повышению роли архивного фонда как информационного ресурса для проведения научных работ, способствует патриотическому воспитанию подрастающего поколения на положительных примерах прошлого и тем самым отдает дань памяти и уважения людям, внесшим вклад в историю республики.

Благодаря архиву сохраняется связь времён, история развития культуры и общественной жизни страны. В этом заключается значение архива как источника культурно-исторической информации.

Литература

- Государственное строительство 2009 — Государственное строительство Калмыкии XVII–XXI вв. / А. В. Цюрюмов, Л. П. Коженбаева, Е. Н. Убушаев, Л. Б. Шалданова. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 399 с.
- Калмыкия в Великой Отечественной 2005 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / М. Л. Кичиков, Л. П. Коженбаева, А. И. Наберухин, Ю. О. Оглаев. Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 781 с.
- Калмыкия в партизанском движении 2006 — Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг. / сост. В. З. Атуева, Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 431 с.
- Калмыцкая АССР 1984 — Калмыцкая АССР. Административно-территориальное деление 1918–1982 гг. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1984. 123 с.
- Общественно-политические и государственные деятели 2018 — Общественно-политические и государственные деятели Калмыкии XX века / К. Н. Максимов, Р. Б. Боликова, Э. А. Илюмжинова. Псков: Псковское возрождение, 2018. 248 с.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1: XVII и XVIII века. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1926. 264 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 2: XVIII век. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1927. IV, 231 с.

- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1929. X, 391 с.
- Пальмов 1932 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 5: Дела земельные. Астрахань: Калмыцкий обл. испол. ком., 1932. 185 с.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 139 с.
- Пишу это письмо 2000 — Пишу это письмо с фронта...: сб. писем / сост. Тапкина А. О., Иванова Б. М., Каруева И. А. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 270 с.
- План основных мероприятий 2019 — План основных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением 100-летия автономии Калмыкии. Утвержден указом Главы Республики Калмыкия от 4 марта 2019 г. № 21 // Хальмг үнн. 06.03.2019.
- Правила 2007 — Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. М.: ООО «ИПО», 2007, 186 с.
- Порядок использования 2017 — Порядок использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации. М.: Росархив, 2017, 19 с.
- Справочник о фондах 1984 — Справочник о фондах Центрального государственного архива Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 137 с.
- Участие калмыков 2012 — Участие калмыков в наполеоновских войнах. Сб. док-тов и мат-лов / К. Н. Максимов, Л. П. Коженбаева, Л. Б. Манджикова, У. Б. Очиров, В. Т. Тепкеев. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 537 с.
- Фонды Национального архива 2002 — Фонды Национального архива Республики Калмыкия 1713–1993. Изд. 2-е, испр. и доп. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 205 с.
- Широклаг. Широкстрой 2000 — Широклаг. Широкстрой. Списки воинов-калмыков рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1943–1944 гг. (Книга памяти ссылки калмыцкого народа). Т. III. Кн. 1. / сост. Баирова А. Б., Бембеева Т. Ч., Лиджи-Горяева С. Э., Неченко Р. В. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

References

- Gosudarstvennoe stroitel'stvo Kalmykii XVII–XXI vv. [Nation-state building in Kalmykia: 17th to 21st cc.]. A. V. Tsyuryumov et al. Elista: Dzhangar, 2009. 399 p. (In Rus.)
- Kalmykiya v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. [Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941 – 1945]. M. L. Kichikov et al. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalm. Book Publ., 2005. 781 p. (In Rus.)
- Kalmykiya v partizanskom dvizhenii 1941–1945 gg. [Kalmykia in the guerilla movement: 1941 – 1945]. V. Z. Atueva (comp.). Elista: Kalm. Book Publ., 2006. 431 p. (In Rus.)
- Kalmytskaya ASSR. Administrativno-territorial'noe delenie 1918-1982 gg. [The Kalmyk ASSR. Administrative and territorial division: 1918 – 1982]. Elista: Kalm. Book Publ., 1984, 123 p. (In Rus.)
- Obschestvenno-politicheskie i gosudarstvennye deyateli Kalmykii XX veka [20th-century socio-political activists and dignitaries of Kalmykia]. K. N. Maksimov et al. Pskov: Pskovskoe Vozrozhdenie, 2018. 248 p. (In Rus.)
- Palmov N. N. Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov [Essays on the history of the Volga Kalmyks]. Part 1: 17th and 18th cc. Astrakhan: Kalm. Oblast Exec. Comm., 1926. 264 p. (In Rus.)
- Palmov N. N. Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov [Essays on the history of the Volga Kalmyks]. Part 2: 18th c. Astrakhan: Kalm. Oblast Exec. Comm., 1927. IV, 231 p. (In Rus.)
- Palmov N. N. Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov [Essays on the history of the Volga Kalmyks]. Parts 3–4: Government's restrictive activities against Kalmyks. Astrakhan: Kalm. Oblast Exec. Comm., 1929. X, 391 p. (In Rus.)
- Palmov N. N. Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov [Essays on the history of the Volga Kalmyks]. Part 5: Land affairs. Astrakhan: Kalm. Oblast Exec. Comm., 1932. 185 p. (In Rus.)
- Palmov N. N. Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremena ego prebyvaniya v predelakh Rossii [An essay on the history of the Kalmyk people throughout its stay in Russia]. Astrakhan: Kalmgosizdat, 1922. 139 p. (In Rus.)
- Pishu eto pis'mo s fronta... [‘Writing this letter in the fighting line...’]. Coll. letters. Tapkina A. O., Ivanova B. M., Karueva I. A. (comps.). Elista: Kalm. Book Publ., 2000. 270 p. (In Rus.)
- A Plan of Major Arrangements dealing with the preparation and celebrations of the 100th anniversary of Kalmykia's autonomy. Enacted by the Decree of Head of Kalmykia No. 21 of 4 March 2019. Khal'mg ünn. March 6, 2019. (In Rus.)

- Pravila organizatsii khraneniya, komplektovaniya, ucheta i ispol'zovaniya dokumentov Arkhivnogo fonda Rossiyskoy Federatsii i drugih arkhivnykh dokumentov v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh arkhivakh, muzeyakh i bibliotekakh, organizatsiyakh Rossiyskoy akademii nauk [Document preservation, integration, registration and application within Russia's Archival Fonds, including other archival documents in state and municipal archives, museums and libraries, institutions of the Russian Academy of Sciences: regulations of the organization]. Moscow: IPO Ltd., 2007, 186 p. (In Rus.)
- Poryadok ispol'zovaniya arkhivnykh dokumentov v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh arkhivakh Rossiyskoy Federatsii [Arrangements for the use of documents in state and municipal archives of the Russian Federation]. Moscow: Rosarkhiv, 2017, 19 p. (In Rus.)
- Spravochnik o fondakh Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kalmytskoy ASSR [A guide to fonds of Central State Archive of the Kalmyk ASSR]. Elista: Kalm. Book Publ., 1984. 137 p. (In Rus.)
- Uchastie kalmykov v napoleonovskikh voynakh [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Coll. documents and materials. K. N. Maksimov et al. Elista: Dzhangar, 2012. 537 p. (In Rus.)
- Fondy Natsional'nogo arkhiva Respubliki Kalmykiya 1713–1993 [Fonds of National Archive of Kalmykia: 1713 – 1993]. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Dzhangar, 2002. 205 p. (In Rus.)
- Shiroklag. Shirokstroy. Spiski voinov-kalmykov ryadovogo i serzhantskogo sostava, otzvannykh s frontov v 1943–1944 gg. (Kniga pamyati ssylki kalmytskogo naroda) [Shirokovsky Forced Labor Camp. Shirokovskaya Water Power Plant construction site. Lists of Kalmyk soldiers and sergeants remanded from active service in 1941 – 1944. (The Deportation: a memorial book of the Kalmyk people)]. Vol. III. Book 1. Bairova A. B. et al. (comps). Elista: Kalm. Book Publ., 2000. 294 p. (In Rus.)

Об истории рукописной книги, изданной калмыками в эмиграции в 1947 г.*

Revisiting the History of One Manuscript Book Issued by Emigrant Kalmyks in 1947

А. Т. Баянова (A. Bayanova)¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)
заведующий Научной библиотекой и архивом им. П. Э. Алексеевой
ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: bayanovaat@kigiran.com

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Iishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Head of Alekseeva Scientific Library and Archive

ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: bayanovaat@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена редкой рукописной книге — букварю, по которому обучались дети эмигрантов-калмыков в лагере Пфаффенхофен (Германия) в конце 1940-х гг. Автором даны подробное описание и анализ учебника. Основное внимание акцентируется на оформлении и содержании книги. Сохранившаяся до наших дней копия букваря раскрывает важную сторону образовательных практик в истории эмиграции разных народов в лагерях ДР и в первые годы постоянного размещения в той стране, куда попадали различные этнические группы по мере устройства их послевоенной жизни.

Ключевые слова: эмиграция, калмыки, букварь, калмыцкий язык, «тодо бичиг» ('ясное письмо'), редкая книга

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5). Поиски букваря проводились по инициативе сотрудника Центра истории педагогики и образования Института стратегии развития образования РАО В. Г. Безрогова и сотрудника библиотеки имени А. С. Александра Ратгерского университета (Archibald S. Alexander Library, Rutgers University, NJ) Кристины Лутц. Букварь был найден благодаря Н. Н. Бурлакову,

---

* Материалы, изложенные в статье, апробированы в виде доклада на заседании Круглого стола «Собиратель сокровищ истории и культуры калмыцкого народа», посвященного 95-летию со дня рождения Почетного гражданина Республики Калмыкия, заслуженного работника культуры Калмыцкой АССР, главного библиографа Научной библиотеки и архива КалмНЦ РАН П. Э. Алексеевой.

директору издательства «Аэлита Пресс» и участнику проекта по созданию Архива Калмыцкой диаспоры (Kalmyk Archive). Сердечно благодарим всех, кто помог найти и передать скан-копию букваря.

Для цитирования: Баянова А. Т. Об истории рукописной книги, изданной калмыками в эмиграции в 1947 г. Монголоведение. 2019;(1):76-89. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-76-89.

Abstract. The article examines one rare manuscript book which is a school primer for children of emigrant Kalmyks that resided in Pfaffenhofen DP Camp (Germany) in the late 1940s. The paper analyzes and describes the book in detail, special attention being paid to its design and contents. The surviving copy of the primer reveals an important aspect of educational practices in the history of emigration of different peoples within DP camps and during the early years of their permanent residence in respective countries that hosted multi-ethnic expatriate groups in the aftermath of World War II.

Keywords: emigration, Kalmyks, alphabet book, Kalmyk language, Clear Script, rare book

Acknowledgements. Research was performed within a government subsidy — project ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5). The search of the alphabet book was initiated by V. G. Bezrogov, an associate of Center for Historical Studies of Pedagogy and Education (Education Development Strategy Institute, Russian Academy of Education), and Christine Lutz, an employee at Archibald S. Alexander Library (Rutgers University, NJ). The alphabet book was discovered due to efforts of N. N. Burlakov, Director of Aelita Press and a partner to the project for the establishment of the Kalmyk expatriate community’s archives (Kalmyk Archive). We extend our heartiest gratitude to those who helped discover and deliver a scan copy of the alphabet book.

For citation: Bayanova A. Revisiting the History of One Manuscript Book Issued by Emigrant Kalmyks in 1947. Mongolian Studies. 2019;(1):76-89. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-76-89.

Библиограф П. Э. Алексеева сделала очень многое для того, чтобы превратить нашу библиотеку в крупнейшее хранилище книг по калмыковедению. Как профессионал своего дела, как страстный ценитель книги она очень хорошо сформировала наш фонд. Благодаря ей у нас есть отдел редких изданий, который составляет гордость нашего центра. О том, как она формировала этот фонд, как по крупицам собирала его, это общеизвестно. К редким книгам у нее особый пietet. О том, что она неделями сидела в запасниках крупнейших библиотек страны или как привозила в рюкзаке ценнейшие издания из Америки, когда оттуда везли оргтехнику, ходят легенды.

Традиции поиска редких книг для нашей библиотеки, заложенные Прасковьей Эрдниевной, продолжаем и мы. Скан-копия

одной из редких рукописных книг, которой нет ни в одной библиотеке нашей страны, да и в зарубежных библиотеках, благодаря усилиям многих людей, заинтересованных в ее поиске, оказалась в фонде научной библиотеки КалмНЦ РАН.

Целью данной статьи является анализ калмыцкого букваря, изданного в DP-лагере в Пфaffenхофене для начального обучения грамоте детей-калмыков.

Прежде чем рассказать об этой рукописной книге, сделаем небольшой экскурс в историю калмыцкой эмиграции.

Политические события 1917–1920 гг. — Великая российская революция и Гражданская война — способствовали тому, что часть калмыков, в основном донские калмыки-казаки, не принявшая новую власть, вынуждена была эмигрировать сначала в Турцию, а затем в европейские страны [Борисенко, Горяев 1998: 53].

Эмигранты-калмыки компактно проживали в Сербии, Болгарии, Чехословакии, Югославии и Франции. В начале 1945 г. калмыки-эмигранты оказались в лагере беженцев, расположенном в Баварии близ г. Шонгау. Здесь же оказались и калмыки второй волны эмиграции — угнанные насильственно немцами в Германию и военнопленные из лагерей. В лагере они так и делились: старые (белые), эмигрировавшие в 1920-е гг., и новые (красные), прибывшие за границу во время Второй мировой войны. Лагерь для перемещенных лиц, так называемые DP-лагеря (англ. Displaced Persons), находились под ведением IRO (Международной организации по оказанию помощи беженцам).

В течение семи лет, пока калмыки находились в этих лагерях, ими предпринимались попытки эмиграции в другие страны, в частности в США. По мнению А. Борманжинова, лидерам калмыцкой эмиграции удалось доказать, что «калмыки юго-восточной части европейской России являются представителями белой, или так называемой европейской расы, несмотря на их азиатское происхождение» [Борманжинов 1997: 111].

Вопрос получения американского гражданства был инициирован Дорджи и Самсоном Ремилевыми и заслушан на процессе в Верховном суде США, где был вынесен вердикт о признании европейского статуса калмыков [Попков 2010: 334]. Огромную помощь в решении данной проблемы оказал Толстовский фонд, воз-

главляемый дочерью великого русского писателя А. Л. Толстой. В декабре 1951 г. первая группа беженцев эмигрировала в США.

Семилетнее пребывание в лагерях для перемещенных лиц (Альтенштадт, Нидерраунау, Крумбах, Пфаффенхофен и др.) оставило особый след в судьбе калмыков-эмигрантов. Тяжелые условия проживания в эмиграции не сломили калмыков. Стремление сохранить культурную целостность и национальную идентичность народа в изгнании подвигло самую активную часть народа — представителей калмыцкой интеллигенции — предпринять усилия в возрождении образовательной и просветительской деятельности.

Был организован спортивный клуб «Джангар», футбольная команда которого занимала призовые места не только в лагерных соревнованиях. В DP-лагерях было налажено издание периодической печати: газета «Обозрение» (1947–1948), журналы «Мана зянге [Наши вести]» (1946–1947), «Тэгин очэн [Степная искра]» (1947–1948) [Алексеева 2010: 146].

Постепенно налаживали быт, многие калмыки устраивались на работу, открывались школы для детей.

В Альтенштадте и Пфаффенхофене были организованы школы для обучения калмыцких детей. Как вспоминает Ч. О. Хулхачинов, школа в Альтенштадте просуществовала два года [Гучинова 2004: 136].

Обучение в школе велось представителями калмыцкой интеллигенции. Русский язык и литературу вел И. С. Теврюков, калмыцкий язык и азы старокалмыцкого письма преподавала Д. Н. Баянова, математику — Б. Степанов, сам же Ч. О. Хулхачинов вел историю России и географию [Гучинова 2004: 136].

Обучение велось на русском языке. Специалистов-учителей и специальных программ для обучения не было, школы остро нуждались в специальных учебниках. Одним из таких учебников — калмыцкий букварь — был написан Д. Н. Баяновой и С.-Р. Меньковым. В книге Э.-Б. Гучиновой «Улица „Kalmuk Road“: история, культура и идентичности калмыцкой общины США» [Гучинова 2004: 136] имеется упоминание о том, что этот учебник сохранился в семье Ю. и Л. Мошкиных.

Представительница первой волны калмыцкой эмиграции Дарна Баянова является одним из авторов учебника. Уроженка станции Новониколаевская Сальского округа (в девичестве — Уланова, дочь известного общественного деятеля Нарана Эренцыновича Уланова) закончила высшие Бестужевские курсы (1914), а также Донской университет¹ (1918). Занималась медицинской практикой, была врачом-акушером². В 1920 г. эмигрировала, активно занималась просветительской деятельностью среди калмыков-эмигрантов. Она была ответственным редактором журнала «Ойрат», первый номер которого вышел в 1925 г.

В составе инициативной группы по созданию журнала были студенты Пражского университета Эренцен Бурулдушев, Нури Маглинов и Санжа Степанов [Топалова 2017а: 57]. Под литературным псевдонимом Дон-Араши Д. Н. Баянова печаталась в таких изданиях, как «Мана зянге», «Ковыльные волны». Она занималась сбором калмыцкого фольклора, переводами русской классики на калмыцкий язык. В четвертом выпуске эмигрантского альманаха «Хонхо [Колокол]» вышла повесть «Капитанская дочка» А. Пушкина на калмыцком языке, перевод которой был осуществлен Данарой Баяновой. В первом номере журнала «Улан залат³» (1927) ею была опубликована одна из песен калмыцкого эпоса «Джангар».

¹ Бывший Императорский Варшавский университет, эвакуированный в годы Первой мировой войны в Ростов-на-Дону, позднее он был переименован в Ростовский медицинский институт.

² Семья Улановых оставила заметный след не только в калмыцкой, но и российской истории. Отец Уланов Наран Эренцынович (1867–1904) — атаман станции Кутейниковская Сальского округа, окончил Новочеркасское юнкерское училище, служил в 9-м Донском казачьем полку в чине хорунжего, прошел курс офицерской кавалерийской школы и поступил вольнослушателем в Академию Генерального штаба. Работал переводчиком в посольстве Далай-ламы, был отправлен со специальной государственной миссией в Тибет, но по дороге тяжело заболел и скончался. Сын Бадьма Наранович (1886–1969) поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но климат Северной Пальмиры не подошел для него, и он перевелся в Казанский госуниверситет, где и завершил юридическое образование. Занимался частной адвокатской и юридической практикой. В 1920 г. эмигрировал в Европу. Принимал активное участие в культурной и просветительской деятельности калмыков в эмиграции.

³ *Улан зала* (красная кисточка) — элемент мужского головного убора калмыков (кисть из шелковых нитей красного цвета), является знаком национального отличия калмыков от других монгольских народов.

Д. Н. Баянова была прекрасным переводчиком, благодаря ей были переведены на калмыцкий язык произведения русских классиков: «Дубровский» и «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина, «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, комедия «Недоросль» Д. И. Фонвизина. В дальнейшем она планировала издать переводы отдельными книгами, но, к сожалению, ей это не удалось [Баянова 2013:16].

Санджи-Ракба Меньков (1896–1968) также относится к эмигрантам первой волны, родом он из донских калмыков, уроженец станицы Батлаевская Сальского округа. Известен тем, что активно печатался в эмигрантских журналах. Приняв религиозный сан, был бакшой¹ буддийского молельного дома в Пфaffenхофене, после переезда в США стал бакшой калмыцкого хурула² в Филадельфии³.

Следует отметить, что авторы учебника не были педагогами-практиками, но это не умаляло их стремления создать такое учебное пособие для детей, которое бы отвечало самым необходимым требованиям при его составлении. Оригинал букваря был написан от руки, иллюстрирован рисунками, а затем гектографирован.

На обложке букваря написаны на старокалмыцком и продублированы в кириллическом написании следующие слова: хальмг бичик орос ўзгўд (досл. «калмыцкое письмо русские буквы»). К сожалению, тираж букваря не указан, но стоит предположить, что он был небольшим, стоил же он пять рейхсмарок⁴.

На титульной странице указано имя автора на немецком (Вајанова), русском (Баянова) и «тодо бичиг», также имеется автограф автора с указанием города: Newark, 1955 (Ньюарк, штат Нью-Джерси, США).

На задней обложке есть надпись на английском языке: «non periodical edition» (непериодическое издание), на немецком — «erscheint unregelmäßig» (выходит нерегулярно), указаны редак-

¹ Бакша — буддийский священнослужитель.

² Хурул — буддийская церковь.

³ Бакша Калмыцкого Богдо Зонкабин хурула С.-Р. Меньков скончался в больнице Св. Джозефа 18 мая 1968 г. после продолжительной болезни, похоронен на кладбище в Филадельфии.

⁴ Рейхсмарка (нем. Reichsmark) — денежная единица Веймарской республики, Третьего рейха и послевоенной Германии с 1924 по 1948 год.

тор (С. Цагадинов), место издания (Пфафенхофен) и год издания (1947).

Таким образом, можно утверждать, что букварь был издан при содействии учрежденного С. Цагадиновым журнала «Тэгин очэн» («Степная искра»), который издавался калмыцкой молодежью и студентами в конце 1940-х гг. в DP-лагере Пфаффенхофен (вышло всего два номера). По-видимому, букварь был создан в этом же, а не в другом лагере. Можно также предполагать, что учебник применялся с 1947 по 1955 гг.; возможно, и несколько позже; но не столь интенсивно, чтобы не сохраниться.

Авторы учебника применяют параллельно с кириллицей старокалмыцкое письмо — «тодо бичиг¹». С 1924 по 1930 гг. шли бурные дискуссии в среде интеллигенции о признании зая-пандитского алфавита устаревшим и о необходимости его перехода на русскую графическую основу. С 1930 г. был введен латинизированный алфавит, а с 1938 г. калмыцкое книгоиздание окончательно перешло на алфавит, созданный на основе русской графики, который существует и поныне. Следовательно, к концу 1940-х годов старокалмыцкое письмо было напрочь забыто не только эмигрантами второй волны, но и теми, кто оказался за пределами России раньше, в 1920-е гг. И встает вполне логический вопрос: с какой целью в учебнике авторы использовали это устаревшее письмо?

Данара Баянова принимала активное участие в деятельности Калмыцкой комиссии культурных работников (КККР), действовавшей в Праге в конце 1920-х гг. Выполнение своей миссии комиссия видела в сохранении культурных традиций через популяризацию калмыцкого фольклора и русской литературной классики. При содействии КККР были изданы пять выпусков журнала «Хонхо» на старокалмыцком письме. Но, как утверждает писатель-эмигрант Санджи Балыков, несмотря на ценность этого издания, оно не могло стать предметом чтения в среде народа, так как пять номеров было издано на «малодоступном старом калмыцком письме»: «безнадежная борьба за старый калмыцкий шрифт со стороны КККР была просто упрямством, нежеланием считаться

¹ «Тодо бичиг» («ясное письмо», зая-пандитское письмо) — национальная письменность калмыков, созданная в 1648 г. просветителем Зая-пандитой.

с создавшимся фактическим положением вещей в жизни» [Балыков 1932: 17]. Д. Н. Баянова была ярким сторонником сохранения старокалмыцкого письма, но для учебника, изданного в конце 1940-х гг., оно было лишним и не представляло интереса¹. Тем не менее, Д. Н. Баянова и ее соавтор используют в букваре и «тодо бичиг», и кириллицу.

В букваре Д. Н. Баяновой и С.-Р. Менькова знакомство с буквами начинается традиционно, как и во всех пособиях такого типа, с изучения буквы «А» на «тодо бичиг» и на кириллице. Структура подачи материала построена таким образом: сначала идет вариант письма букв и примеры слов (слов) и предложений на «тодо бичиг», затем — на кириллице — печатная и строчная буквы и примеры — из слов и коротких предложений.

На старокалмыцком письме существуют три варианта написания букв, в зависимости от положения в слове: в начале, середине и конце. Читаются слова вертикально, знак окончания предложения оформляется специальным знаком — =.

К каждой букве дается рисунок: к примеру, для буквы «А» — *альмн* ‘яблоко’, *архд* ‘емкость для приготовления и хранения чигяна, т. е. кумыса’, «М» — *мис* ‘кошка’, *махла* ‘шапка’, «У» — *уул* ‘гора’, *ухр* ‘ложка’ и т. д.²

Связных развернутых текстов в букваре нет. Содержание текстов на кириллице и на старокалмыцком письме «тодо бичиг» составляют отдельные несвязные друг с другом предложения, словосочетания и отдельные слова, которые не всегда относятся к иллюстрациям в учебнике. Так, например, при изучении буквы «К» дается картинка груши — *кедмн*, но в тексте данное слово не встречается. Многие слова даны на русском языке: тот, кот, мот, око, масса. В предложениях также встречаются слова на русском языке — елка: *Елка орос улус шатана*. досл. ‘Елку зажигают русские’; католик — *Католик номтанр бас шатана*. досл. ‘Католики тоже зажигают [елку]’³.

¹ С. Балыков утверждает также, что едва ли «можно найти 2 % среди наших современных собратьев, которые могли бы читать и писать этим шрифтом, тогда как грамотность русским алфавитом, например, среди донских калмыков, достигала в последние годы больше 70 %» [Балыков 1932: 17].

² Примеры приводятся в соответствии с написанием в учебнике.

³ Здесь и далее перевод автора.

Предложения в текстах короткие, состоят из двух-трех слов: *Зул шатата* ('Лампада зажжена'), *Мана гер ик* ('Наш дом большой'). В конце учебника, когда изучены все буквы, количество слов в предложении увеличивается: *Хулха кесн кун түрмин герт орна*. 'Человек, совершивший кражу, попадает в тюрьму'.

До начала XX в. буддизм был основой мировоззрения у монголоязычных народов, в том числе у для калмыков. Он оказывал значительное влияние на образ жизни, менталитет, воспитание и культуру калмыцкого народа [Четырова 2011: 190].

Буддийским ценностям уже в начальной школе уделялось большое внимание. Все буквари и другие дореволюционные учебники содержали тексты молитв. Поскольку авторы учебника придерживались старых традиционных взглядов на воспитание, они поместили текст молитвы и в рассматриваемое учебное пособие. На странице 3 сразу же после изучения кириллических букв «А» и «М» на кириллице же дан один из вариантов текста молитвы «О Трех драгоценностях» — основа основ буддийской практики. Краткая формула поклонения Трех драгоценностям заключается в следующих словах молитвы:

<i>Деед Бурхнд иткмү.</i>	<i>Принимаю прибежище в Будде.</i>
<i>Номд иткмү.</i>	<i>Принимаю прибежище в Учении.</i>
<i>Хувргудт иткмү.</i>	<i>Принимаю прибежище в Общине.</i>

В текстах букваря мало фольклорного материала, он представлен лишь несколькими пословицами и поговорками. Сама Д. Н. Баянова была довольно известным знатоком и собирателем калмыцкого фольклора. В эмигрантских журналах она печатала сказки, детские стихи и песни на калмыцком языке, переводила произведения русских классиков. К сожалению, весь этот богатый фольклорный и переводческий материал она не использовала в данном издании. Этот факт говорит о том, что она не владела методикой составления учебных пособий и не имела практического опыта преподавания.

Пословицы и поговорки были этикетной принадлежностью разговорного языка калмыков: говорить, применяя их в своей речи, считалось признаком воспитанности и просто хорошим то-

ном. Не стоит забывать, что авторы книги принадлежали к числу представителей калмыцкой интеллигенции: правила этикета, правильная речь, воспитанность, внутренняя культура не были для них какими-то абстрактными понятиями. Поэтому включение пословиц в тексты букваря, хотя их и малое количество, несомненно, обогатило его содержание: *Мал асарси — аман тоста, кў асарси — толга цуста*. ‘Позаботишься о скотине — рот будет в масле, позаботишься о человеке — голова будет в крови’; *Эндернь энд мангурнь мэдэkdэхиш*. ‘Ошибки, совершенные сегодня, завтра уже не помнишь’.

Тексты букваря служат цели воспитания детей. Поведенческие нормы прописаны в таких предложениях, как: *«Ёман ёсар кетн*. ‘Делайте все правильно (по закону)’. *Сургульд цактан ирхь кериктӓ*. ‘В школу надо приходиться вовремя’.

Наряду с калмыцкими именами Кару, Кука, Джал, Джиргал встречаются имена, нетипичные для калмыков: Ирма, Марика, Мара, Сара, Тарас.

В силу того, что букварь был, возможно, единственным учебным пособием, авторы включили в него арифметические элементы — примеры на сложение, вычитание, умножение и деление. В рамках букваря дети изучали названия месяцев и дней недели.

Автором рисунков в букваре, по всей вероятности, была Д. Н. Баянова. Живя в Петербурге, она не только получала образование, но и жадно впитывала все то прекрасное, чем знаменита Северная Пальмира. Яркие художественные впечатления, полученные в петербургский период жизни, подвигли ее к рисованию. Известные циклы ее картин «Времена года» и «Калмыцкий быт» написаны в стиле «примитивного» искусства, но в них «угадываются черты модернизма начала века, выявляющие творческую индивидуальность» [Алексеева, Джалаева 1995: 2].

В учебнике большое количество рисунков (47), многие из них схематичны, плоскостны, нечетки, почти все — в сине-белом исполнении, качество печати оставляет желать лучшего. Иллюстративный материал большей частью составляют предметы и вещи, бытовавшие в среде калмыков: *сшик* (калмыцкие серьги), *махла* (калмыцкий головной убор), *бүшмүд* (национальное платье), *саадг*

(лук), *саадгин сумн* (стрела), *зул* (буддийская лампада), *эрк* (чѐтки), *ишкэ гер* (кибитка), *архд* (емкость для кумыса).

Тема родины представлена картинкой кибитки (*ишкэ гер*) и степным ландшафтом. Картинка сопровождается текстом: *Хальмак гер ишкэ гэр кенэ*. ‘Дом у калмыков изготавливается из войлока’. *Түрү терм, унин, ёрк тосхана*. ‘Сначала возводят терме¹, уньн², потолок’. *Хёнь ишгэньирнэ*. ‘Затем накрывают войлоком’. *Хальмк герь айта*. ‘Калмыцкая кибитка хорошая и удобная’.

В букваре всего три рисунка с изображением людей: мальчик, девочка и женщина. Культурным маркером является наличие национальной калмыцкой одежды. *Бүшмүд* (платье), *махла* (шапка), как и калмыцкие имена, являются для ребенка одним из главных средств на пути самоидентификации, национальной идентичности³.

Сюжетных картинок в издании мало. Среди рисунков встречаются изображения, отражающие реалии, не характерные для калмыцкой культуры. Например, самовар — это реалия русской культуры⁴, равно как бутылка с молоком⁵ и водопроводный кран.

Нетипична для калмыков и прическа: распущенные волосы и бант — это считалось признаком дурного тона, волосы у девочек туго заплетались в косу, а замужние женщины делили волосы на две части, заплетали в две косы, волосы прятались в специальные чехлы — *шиврлг* (футляр для кос).

Животный мир представлен картинками коровы, лошади, свињи, слона, кошки и собаки. Два первых из них относятся к традиционным видам скота калмыков⁶.

В тяжелых условиях лагеря ДР существование школы для эмигрантов с преподаванием некоторых предметов на родном языке означало, что связь с родной культурой не прервана. По крайней

¹ *Терм* (терме) — стенная решетка кибитки [Пюрбеев 1996: 118].

² *Уньн* (унина) — жердь, которой поддерживается верхний круг юрты [Пюрбеев 1996: 119].

³ Подробнее о семантике калмыцкого костюма см.: [Бакаева 2017: 49–69].

⁴ Калмыки употребляли только *джомбу* — калмыцкий чай (напиток с молоком и специями). Пили его из специальных чашек с широкими краями, называемые пиалой.

⁵ Молоко калмыки издавна хранили в кожаных сосудах — *бортх* (бортха) или *архд* (архад).

⁶ Калмыки исконно занимались скотоводством, традиционно почитались у них четыре вида скота: лошадь, корова, верблюд и овца.

мере, она сберегалась благодаря сохранению языка, обучению детей. По мнению Д. Ю. Топаловой, «феномен калмыцкого зарубежья заключается в том, что деятельность его ярких представителей сводилась к одному общему направлению — трепетному сохранению и развитию богатейшего наследия калмыцкой культуры в иноэтничной среде» [Топалова 2017б: 238].

Учебник для обучения грамоте, счету и чтению, безусловно, был востребован эмигрантами-калмыками, играл, в том числе, компенсаторную функцию опоры для совладания с ситуацией.

Это было первое иллюстрированное учебное пособие для детей младшего школьного возраста. Традиции оформления букваря были заимствованы из учебников на русском языке, так как все калмыцкие буквари и азбуки, изданные до революции, не содержали иллюстративный материал.

Литература

- Алексеева 2010 — *Алексеева П. Э.* О людях и времени: сб. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Алексеева, Джалаева 1995 — *Алексеева П., Джалаева А.* «А когда я вернусь?..» // Известия Калмыкии. 1995. 31 мая. № 97. С. 2.
- Бакаева 2017 — *Бакаева Э. П.* О семантике кроя и декора женского платья цегдег у калмыков и ойратов (древние знаки в семиотической системе костюма) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 49–69.
- Балыков 1932 — *Балыков С.* Краткий обзор калмыцкой печати в эмиграции // Ковыльные волны. 1932. № 4. С. 14–20.
- Баянова 2013 — *Баянова А. Т.* Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков // Язык и культура. 2013. № 8. С. 15–19.
- Борисенко, Горяев 1998 — *Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 238 с.
- Борманжинов 1997 — *Борманжинов А.* Записки о калмыцкой диаспоре. Калмыки в США: 35 лет спустя // Теегин герл. 1997. № 6. С. 109–119.
- Гучинова 2004 — *Гучинова Э.-Б.* Улица «Kalmuk Road»: история, культура и идентичности калмыцкой общины США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.
- Попков 2010 — Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.

- Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Топалова 2017a — *Топалова Д. Ю.* Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (1920–1930 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 244 с.
- Топалова 2017б — *Топалова Д. Ю.* Об истории возникновения калмыцкого зарубежья // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5 (33). С. 237–249.
- Четырова 2011 — *Четырова Л. Б.* Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга: доклады, статьи, публикации документов. СПб.: изд-во А. Голода, 2011. С. 190–198.

References

- Alekseeva P. E. *O lyudyakh i vremeni* [About people and time]. Coll. papers. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2010. 176 p. (In Rus.)
- Alekseeva P., Dzhalaeva A. 'When shall I come back?' *Izvestiya Kalmykii*. 1995. May, 31. No. 97. Pp. 2. (In Rus.)
- Bakaeva E. P. The *tsegdeg* dress of Kalmyk and Oirat women: semantics of its fashion and decorative (ancient signs in the semiotic system of the garment). *Vestnik Kalmyt'skogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017. No. 4 (32). Pp. 49–69. (In Rus.)
- Balykov S. Publication activities of emigrant Kalmyks: an overview. *Kovyl'nye volny*. 1932. No. 4. Pp. 14–20. (In Rus.)
- Bayanova A. T. Kalmyk emigrant publications in Kalmyk book culture. *Yazyk i kul'tura*. 2013. No. 8. Pp. 15–19. (In Rus.)
- Borisenko I. V., Goryaev A. T. *Ocherki istorii kalmyt'skoy emigratsii* [The Kalmyk émigré: historical essays]. Elista: Dzhangar, 1998. 238 p. (In Rus.)
- Bormanzhinov A. Notes about the Kalmyk expatriate community. Kalmyks in the U.S.: 35 years later. *Teegin gerl*. 1997. No. 6. Pp. 109–119. (In Rus.)
- Guchinova E.-B. *Ulitsa «Kalmuk Road»: istoriya, kul'tura i identichnosti kalmyt'skoy obschiny SSHA* [The Kalmuk Road: history, culture and identities of U.S. Kalmyks]. St. Petersburg: Aleteyya, 2004. 340 p. (In Rus.)
- Evraziyskiy mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiya* [The Eurasian world: values, constants, self-organization]. Yu. V. Popkov (ed.). Novosibirsk: Nonparel', 2010. 449 p. (In Rus.)
- Pyurbeyev G. Ts. *Tolkovyy slovar' traditsionnogo byta kalmykov* [The traditional lifestyle of Kalmyks: an explanatory dictionary]. Elista: Kalm. Book Publ., 1996. 176 p. (In Rus.)

- Topalova D. Yu. *Literaturnaya deyatel'nost' kalmytskoy emigratsii (1920–1930 gg.)* [Literary activities of the Kalmyk expatriate community: 1920–1930s]. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2017. 244 p. (In Rus.)
- Topalova D. Yu. The Kalmyk expatriate community: history of the emergence (1920–1930s). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017. No. 5 (33). Pp. 237–49. (In Rus.)
- Chetyrova L. B. Constituting the ethnicity of Kalmyks and Mongolians: a role of Buddhism. *Chetvertye vostokovednye chteniya pamyati O. O. Rozenberga*. Coll. papers and proc. St. Petersburg: A. Golod, 2011. Pp. 190–198. (In Rus.)

Обзор личного фонда П. Э. Алексеевой*

A Review of P. E. Alekseeva's Personal Fond

Делгир Юрьевна Топалова (D. Topalova)¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 г. Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-1932-6452. E-mail: delya.top@yandex.ru

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Phil.), Research Associate

ORCID: 0000-0002-1932-6452. E-mail: delya.top@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено описание архивных материалов лично-го фонда П. Э. Алексеевой — основателя научной библиотеки КалмНЦ РАН, главного библиографа, исследователя. На основе хранящихся архивных материалов фонда, в котором насчитывается 426 единиц хранения, согласно основным правилам работы с архивными делами, в фонде было выделены три раздела. Небольшой анализ каждого из них (за исключением третьего, в котором хранятся фотоматериалы) позволил детально проследить творческую биографию фондо-образователя. Самая большая, первая группа документов, — «Научные труды и творческие материалы», в которой хранятся черновики опубликованных статей и монографий, была разделена на четыре основные подгруппы (история, фольклор, этнография и религия, а также калмыцкое зарубежье). Вторая группа — «Переписка» содержит письма рабочего характера, а именно переписку Прасковьи Эрдниевны с российскими и зарубежными учеными (А. Борманжинов, Д. Крюгер, Е. Е. Лангерфельд, Ф. Д. Шульман, С. Ю. Неклюдов и др.). Обзор этого раздела позволяет зафиксировать ту большую напряженную работу, которую проделывала Прасковья Эрдниевна с целью пополнения фондов научной библиотеки, а также выявления новых фактов в изучении проблем калмыковедения. В целом анализ архивного фонда позволяет представить широкий круг творческих интересов ученого, а также очертить значительный вклад П. Э. Алексеевой как неутомимого исследователя в развитие калмыцкой науки.

* Материалы, изложенные в статье, апробированы в виде доклада на заседании Круглого стола «Собиратель сокровищ истории и культуры калмыцкого народа», посвященного 95-летию со дня рождения Почетного гражданина Республики Калмыкия, Заслуженного работника культуры Калмыцкой АССР, главного библиографа Научной библиотеки и архива КалмНЦ РАН П. Э. Алексеевой.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Топалова Д. Ю. Обзор личного фонда П. Э. Алексеевой. Монголоведение. 2019;(1):90-108. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-90-108.

Abstract. The article describes archival materials from a personal fund of P. E. Alekseeva, the founder of the scientific library of Kalmyk Scientific Center of the RAS, a major bibliographer and researcher. On the basis of the archival materials of the fund numbering 426 items – according to the guidelines for on archival affairs – the fond was divided into three sections. The present analysis of each of them (except for the third one containing photographic materials) makes it possible to trace the creative biography of the developer of the fond in detail. The largest group of documents is ‘Scientific Works and Creative Materials’ contains drafts of published articles and monographs, and was divided into four main subgroups (history, folklore, ethnography and religion, and Kalmyk expatriate community). The second group is ‘Correspondence’ which contains working letters, namely, between Praskovia E. Alekseeva and Russian and foreign scientists (A. Bormanzhinov, J. Krueger, E. E. Langerfeld, F. D. Chulman, S. Yu. Neklyudov, etc.). A review of this section provides an opportunity to trace the immense and hard work done by Praskovia E. Alekseeva to increase the fonds of the institution’s scientific library, as well as to identify new facts in problems of Kalmyk studies. In general, the analysis of the archive fond allows represents a wide range of creative interests of the scientist, and outlines P. E. Alekseeva’s significant contribution – a tireless researcher – to the development of Kalmyk science.

Acknowledgements. Research was performed within a government subsidy — project ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. АААА-А19-119011490038-5).

For citation: Topalova D. A Review of P. E. Alekseeva’s Personal Fond. Mongolian Studies. 2019;(1):90-108. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-90-108.

В 2019 г. П. Э. Алексеевой исполнилось 95 лет. Библиограф, исследователь и просто фанат своего дела — всю свою жизнь Прасковья Эрдниевна посвятила книжному миру, а точнее, профессии, которая никогда не была для нее чем-то обособленным, а всегда была ее «вторым дыханием». Подобная увлеченность работой — характерная черта настоящих ученых, чья жизнь, наполненная изнутри светлым и в то же время необыкновенным энтузиазмом, позволяет им совершать значительные открытия, открывая двери в тайны малоизученных или неизвестных проблем. Не для

одного поколения ученых удивительная во всех отношениях личность П. Э. Алексеевой, с ее исключительной памятью, широкой эрудицией, развитым умом стала своеобразной «энциклопедией», бесценным кладезем, являющимся одновременно и незаменимым источником по неизвестной и малоизвестной информации, и ярким примером осознанной, преданной любви к своему народу, выбранной профессии и калмыцкой науке. Всегда и со всеми она охотно делится самыми разнообразными и интересными фактами, оказывая действенную, незаменимую помощь исследователям. Работы Прасковьи Эрдниевны, без сомнения, внесли значительный вклад в дело сохранения духовно-культурного наследия калмыцкого народа.

Исследовательская деятельность П. Э. Алексеевой носит разносторонний характер. Об этом свидетельствует огромный поток актуальных на сегодня разнотемных публикаций автора. Семнадцать книг, десятки статей и очерков заключают в себе уникальный материал по краеведению. Большую ценность в этом смысле заключает в себе архивный фонд П. Э. Алексеевой, который находится в Калмыцком научном центре РАН.

Цель работы заключается в описании личного фонда П. Э. Алексеевой. Объектом исследования выступает исследовательская деятельность библиографа.

В личном фонде П. Э. Алексеевой под номером 23 насчитывается 426 единиц хранения. В связи с тем, что архив фондообразователя поступал в несколько этапов, научно-техническое оформление архива до конца еще не налажено, в связи с чем его необработанная часть остается временно недоступной для читателей. Большая часть документов фонда машинописного вида, бумаги пронумерованы, озаглавлены автором и практически все датированы.

Задав целью описать архивные материалы фонда П. Э. Алексеевой, весь комплекс архивного материала мы решили условно систематизировать, взяв за основу тематический принцип. Исходя из правил системной научно-технической обработки архивных фондов, условно мы выделили в нем четыре раздела:

«Научные труды и творческие материалы» «Рабочие моменты», «Переписка», «Фотоматериалы».

Первая и самая крупная группа документов — «Научные труды» дает полное представление о широком круге интересов П. Э. Алексеевой. В состав раздела вошли черновые редакции тех публикаций, которые готовились к изданию. Например, материал по фольклору. Особый интерес для читателя представляет материал о жизни и деятельности талантливого ученого-востоковеда, профессора Сергея Андреевича Козина, об известном востоковеде, собирателе музыкального фольклора монголов, бурят и калмыков Андрее Дмитриевиче Рудневе, о неутомимом фанатике калмыцкого фольклора Иван Иванович Попове¹, научное наследие которого хранится в Ростовском областном государственном архиве, а также в архиве Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН и др.

Отдельный пласт в большой группе документов «Научные труды» занимают черновики работ автора по вопросам по истории Калмыкии. В этом отношении большое научное значение включает в себе материал, связанный с историей формирования и боевого пути 110-й Отдельной кавалерийской дивизии. Заслуга исследователя заключается в составлении поименных списков воинов 110-й ОККД, погибших и захороненных на территории Ростовской области, а также участников боевых действий на Дону в 1942 г. в составе 110-й ОККД. Составление и уточнение списка участников Великой Отечественной войны проводилось не только по Калмыцкому району, но и по всей Ростовской области. К этому же тематическому комплексу архивных дел следует отнести материал о ратных подвигах калмыцких бойцов в годы Великой Отечественной войны, о лагерях, созданных немцами для военнопленных, о женщинах на войне, о судьбах воинов, наших земляков, сражавшихся в партизанских отрядах Югославии.

Подняв вопросы исторического прошлого родного народа, как исследователь Прасковья Эрдниева не могла не обратиться к на-

¹ Более подробно о коллекции калмыцких сказок, собранных И. И. Поповым в донских степях, а также о сохранности этих фольклорных текстов см.: [Убушиева 2017: 139–151].

писанию статей о судьбах известных деятелей Калмыкии, а также о лучших представителях калмыцкой интеллигенции. В разделе фонда хранятся черновики работ об известных калмыцких учителях конца XIX – нач. XX в.: Доржи-Джапе и Ольге Кутузовых, Лиджи Нармаеве, об учителе, враче и переводчице Михаиле Бадмаеве, об авторе калмыцко-русских букварей, пособий, собирателе калмыцкого фольклора Наймине Бадмаеве и др.

Кроме того, на основе ценных исторических данных, а также материалах, полученных путем обмена информацией с российскими и зарубежными учеными, исследователю удалось собрать уникальный материал о жизненном и творческом пути тех знаменитых ученых, кто внес значительный вклад в историко-культурное наследие калмыцкого народа. Эти работы, подготовленные Прасковьей Эрдниевной, составили целую серию статей. Например, о Барботе де Марни, профессоре, известном русском геологе, исследователе калмыцкой степи; об Иосифе Бентковском, ученом, впервые представившем анализ истории калмыков Большедербетовского улуса; о Якове Ивановиче Шмидте, известном ученом-востоковеде, академике, занимавшемся тибетологией и переводами с русского на калмыцкий язык религиозных христианских сочинений; об авторе словаря тибетского языка и «Грамматике» Иоганне Иериге¹, первом калмыковеде в России, и его вкладе в тибетологию и монголоведение и др.

Среди перечисленных материалов есть также черновые материалы о жизни и деятельности учёных-востоковедов и их работы: И. Г. Гмелина, С. Г. Гмелина, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, В. Бергмана, И. Э. Фишера, А. А. Бобровникова, Н. Я. Бичурина, Г. Гомбоева, Б. В. Долбежева.

К группе дел «Научные труды» следует отнести материалы по этнографии и религии — в частности, о калмыцких праздниках и калмыцком календаре, о женщине-матери и ее роли в калмыцкой семье, о калмыцком чае, об ойратской (калмыцкой) люльке,

¹ О деятельности И. Иерига при Российской Академии наук во второй половине XVIII в. и об уникальном материале, собранном Иоганном Иеригом во время пребывания в Астраханской губернии о традиционных способах лечения болезней людей и животных у калмыков, см.: [Дюльденко, Пономарев 2016: 97–102].

о православных калмыках и их крещении; по языкознанию — о корнях двуязычия: из истории изучения калмыцкого языка в до-революционной России, об А. Г. Владыкине, о Джоу Га и Федоре Петрове, о первых преподавателях китайского и маньчжурского языков в России; о путешествиях в конце XIX – начала XX в. известных калмыцких паломников в Центральную Азию (Бааза-Багши из Дунду-хурула, Пурдаш-Очир Джоногруев, Овше Норзунов, Леджин Арлуев, Дари Ээджи, Дамбо Ульянов).

В первом разделе личного фонда П. Э. Алексеевой, помимо черновых вариантов монографий и сборников исследователя с редактурой, также хранятся дополнительные материалы к ним. Эти документы в полной мере фиксируют всю напряженную подготовительную работу автора, а также наглядно иллюстрируют полную историю создания той или иной книги. Так, дело под номером 98 — «Богшрахинский аймак и богшрахинцы» продолжает серию материалов, которую условно можно обозначить как «Из истории о казачьих станицах». В частности, речь идет о Богшрахинском аймаке, известном как Бултуковская сотня, и о судьбах ее уроженцев: солдатах войны, тружениках тыла и спецпереселенцах, а также об известных исторических личностях (о В. Хомутникове, о ламах М. Борманжинове, Л.-Ш. Тепкине, писателе, публицисте и журналисте С. Балыкове, полковнике Г. Тепкине и других калмыках-эмигрантах).

В описи дела, помимо самой книги, хранятся сведения о последних багшах буддийских хурулов Сальского округа Области Войска Донского на 1915 г., записи устных опросов и воспоминаний информантов, статьи из различных калмыцких печатных изданий, в том числе зарубежных, библиографические дополнения с правками автора, характеристики, учетные карточки, трудовые книжки, удостоверения, свидетельства, аттестаты об образовании, грамоты, личные справки людей, а также иллюстративный материал (фотографии).

Подобных вышеназванных документов, выполняющих конструктивную роль, в личном архиве П. Э. Алексеевой достаточно много. Прежде чем обратиться к написанию той или иной работы, Прасковья Эрдниевна вела серьезную предварительную работу, собирала всевозможную информацию, основательно работала в

информационных центрах различных ведомств, в библиотеках и центральных архивах не только Республики Калмыкия, но и других городов России. В состав таких материалов входят, например, выписки из книги «Опись дел архива Государственного Совета» 1810–1829 гг., копии личных дел калмыцких ученых (например, Уланова Хюрмче Кирсановича, кандидата географических наук), аттестаты об образовании, многочисленные авторефераты диссертаций, записи рассказов информантов, заметки к биографиям, военные билеты, схемы родословных, большое количество копий личных документов, газетные вырезки, рабочие тетради по библиографии «Истории Калмыкии с древнейших времён...» и др. Сюда же следует отнести автобиографию Ц.-Д. Номинханова (ксерокопия с подлинника), а также список его опубликованных трудов, список работ В. А. Хомутникова, выписки из книги В. Н. Земскова «Спецпереселенцы», список литературы по депортации калмыцкого народа, блокнот с записями бесед с соотечественниками во время пребывания в США в июне-июле 1993 г. и расшифровка записей и др. Все эти документы не выделены в отдельную единицу хранения, хотя их следовало бы отнести к одному общему делу под названием «Творческие материалы».

Среди документов раздела «Научные труды» особого внимания заслуживает комплекс материалов, ценность которых заключается в том, что все они посвящены малоисследованной проблематике, по определенным причинам долгое время остававшейся под грифом секретности, — истории зарождения и развития калмыцкой эмиграции. Из архивных материалов фонда П. Э. Алексеевой мы узнаём, что в эмиграции жили калмыцкие национальные писатели, художники, функционировали культурные и политические организации, велась просветительская деятельность, издавались газеты, журналы, книги, в сотрудничестве с казаками проводилась активная общественно-политическая работа.

В состав архивного фонда П. Э. Алексеевой входят также рабочие картотеки по калмыцкому языкознанию, по джангароведению, по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 г., по обзору новых изданий из области калмыковедения, по истории Великой Отечественной войны в Калмыкии 1941–1945 гг., исходя

из содержания которых библиографом, настоящим профессионалом своего дела были составлены библиографические указатели.

Ко второму разделу фонда П. Э. Алексеевой — «Рабочие моменты» следовало бы отнести делопроизводственный массив документов. Однако в содержании архива его нет, за исключением отчетов о командировке, о новых поступлениях в библиотеку и о рациональном использовании библиотечного фонда. Этот момент, безусловно, является ярким свидетельством того, что Прасковья Эрдниева была сосредоточена все же исключительно на научно-исследовательской работе, занимаясь больше ученой деятельностью.

В разделе «Фотоматериалы» фонда представлено 166 фотографий. Среди них фотографии калмыков-эмигрантов, рабочих встреч, информантов, калмыцких ученых, участников конференций.

В последнем разделе — «Переписка» хранятся письма исключительно официального характера. Их общий объем составляет 17 единиц. Частую переписку Прасковья Эрдниева вела с российскими и зарубежными учеными. В связи с этим сюжеты эпистолярного материала одинаковы: все письма содержат в себе поисковую информацию. Так, к примеру, активно занимаясь изучением проблемы калмыцкого зарубежья, Прасковья Эрдниева направила свои усилия на поиск зарубежных калмыцких печатных изданий 1920–1930-х гг., отдельных исторических материалов, переводов, книг по калмыковедению и т. д.

Понятно, что в начале 1990-х гг. малейшая информация, полученная из-за рубежа, была особенно ценной. В связи с этим остановим свое внимание на переписке П. Э. Алексеевой с гражданином США, почетным гражданином Республики Калмыкия Джабом Наминовичем Бурхиновым (1922–2010). В фонде сохранилось 5 писем от Джаба Бурхинова, два из которых продублированы на русском и английском языках.

В теплых письмах адресанта содержится много «возвращенных ценностей». Так, в письме из 3 единиц хранения, датированном от 31 декабря 1989 г., по просьбе адресата сообщается информация о Данаре Нарановне Баяновой (1889–1983), урожденной Улановой, которая приходилась тещей Д. Н. Бурхинову. Вот какую информацию в одном из писем сообщает о ней Джаб Наминович: «В свое

время она была одной из первых калмычек с высшим образованием. Училась в Санкт-Петербурге. Окончила университет по естественным наукам. В первые годы эмиграции преподавала в русской гимназии. С переездом в Прагу сотрудничала в Калмыцкой комиссии культурных работников <...> [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 21].

В 1925 г. в Праге Д. Н. Баяновой была переведена часть «Джангара», которая впоследствии была опубликована в журнале «Улан Залат»¹. Положительный отзыв на проделанную работу был получен от В. Л. Котвича. По мнению, Д. Н. Бурхинова, известные академики-монголоеды С. А. Козин, Б. Я. Владимирцов и др., возможно, знали о «первых попытках перевода „Джангара“ калмычкой в 1920-х гг. в Праге...» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 2].

Сообщается, что Д. Н. Баянова также перевела «Капитанскую дочку», «Дубровского», «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина, «Недоросля», «Марсельезу» Д. И. Фонвизина и «Краткую историю калмыцких ханов» профессора А. М. Позднеева.

Следует отметить, что в калмыцких эмигрантских журналах («Хонхо», «Улан Залат») были опубликованы все произведения, за исключением «Дубровского», «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина, а также «Краткой истории калмыцких ханов» профессора А. М. Позднеева.

Говоря о местоположении этих работ, Д. Н. Бурхинов заметил, что их возможно найти в Чехии, в библиотеках г. Праги. Отмечается, что в скромных эмигрантских условиях проводились «попытки исследования» тем [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 3], издавались печатные издания, публикации, но лишь до 1931–1932 гг., т. е. до тех пор, пока правительство Чехословакии выдавало пособия. Исключением в этом смысле служит книга Э. Хара-Давана «Чингис-хан и его наследие» (Белград, 1927 г.)², ко-

¹ Информация Джаба Бурхинова не совсем точна. Перевод части «Джангара» впервые был опубликован в хрестоматии «Хонхо» и уже позже напечатан в журнале «Улан Залат».

² В начале 1990-х гг. книгу Э. Хара-Давана «Чингис-хан и его наследие» Д. Н. Бурхинов прислал в библиотеку Калмыцкого института через народного поэта Калмыкии Е. А. Буджалова (1929–2009).

тору автор издал за свой счет при сотрудничестве с бывшим генералом, историком Ивановым [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 2].

Говоря об эмигрантских журналах, Д. Н. Бурхинов отмечает, что страницы изданий интересны с точки зрения изучения вопросов быта, устройства и культуры эмигрантов за рубежом. В целом же калмыки-эмигранты «жили скромно, работали по существу физическим трудом, в особенности в первые 10–15 лет в Западной Европе, на Балканах и в Чехии. Некоторые семьи очень нуждались, люди не могли получить соответствующее образование. Много калмыков, особенно молодых, страдало легочными заболеваниями» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 21]. Таково в нескольких словах было положение довоенной эмиграции.

Возвращаясь к Д. Н. Баяновой (в девичестве — Улановой), Джаб Наминович писал, что, находясь в тех тяжелых условиях, ей было очень трудно заниматься литературным трудом, кроме того, нужно было работать, чтоб содержать семью и дать образование детям. Муж, Санжи Баянович, страдал сахарным диабетом [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 21].

В переписке находит отражение вопрос об образовании калмыков-эмигрантов. Отмечается, что, несмотря на все невзгоды и мытарства, в калмыцкой колонии насчитывалось до сотни учащихся в средних учебных заведениях. Некоторым из них удалось окончить чешский университет, получить образование в Европе и США. Последнее касается второй генерации калмыков-эмигрантов. Так, Хонгор Бадминович Уланов, пятый сын Бадмы Нарановича Уланова, окончил филологический факультет Гарвардского университета и является профессором Университета штата Огайо (город Колумбус, штат Огайо). Будучи профессором, специалистом в области филологии, он тесно сотрудничал с Институтом русского языка им. А. С. Пушкина, знал арабский и персидский языки [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 21].

Из истории переписки можно понять, что в планах у Д. Н. Бурхинова было написание монографии «История калмыцкой эмиграции». Эту идею Прасковья Эрдниевна особенно поддерживала. В своем письме от февраля 1990 г. она предлагала ему собрать

воспоминания-рассказы представителей эмиграции, особенно первой и последующей. При обсуждении этого вопроса упоминается имя чешского ученого Йиржи Шима, проживающего в Чехии и занимающегося исследованием вопросов по истории калмыцкой колонии и печатным изданиям Калмыцкой комиссии культурных работников. Прасковья Эрдниевна предлагала Д. Н. Бурхинову связаться и с ним, также сообщается, что на одной из конференций в Бурятии в конце 1980-х гг. с ним встречалась научный сотрудник Калмыцкого института Л. С. Бурчинова [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 16, 17].

Идею о написании истории калмыцкой эмиграции Джабу Бурхинову так и не удалось осуществить. В письме от января 1990 г. Джаб Наминович делился краткой структурой будущей работы. Она представлена, главным образом, в виде хронологии основных моментов жизни калмыцкого зарубежья с кратким описанием содержания каждого периода:

- период 1920–1945 гг.
- период 1945–1950 гг. — нахождение в беженских лагерях в Западной Германии: безвыходное положение калмыков и борьба за право иммиграции за океан ввиду дискриминации по расовым признакам...
- период 1950–1950 гг. — процесс иммиграции в США. Деятельность «Калмыцкого Представительства в Западной Европе» по эмиграционным проблемам. Помощь американской общественности в деле иммиграции калмыков в США по статусу «Перемещенные лица» из Западной Германии...
- период 1952–1957 гг. — устройство калмыков-иммигрантов в США. Проблемы и надежды новой жизни в Америке...
- период 1952–1990 гг. — описание некоторых особенностей в психологии и менталитете американских калмыков-эмигрантов. Здесь автор в точечно обозначает те вопросы, которые он планировал поднять: упоминание о 5–6 калмыцких организациях, враждующих между собой, о плохом материальном положении хурулов и о попытках провести в подобных условиях работу по вопросу объединения калмыков;
- о проблеме идентичности и духовной культуры американских калмыков;

– период 1953–1962 гг. — о деятельности «Калмыцкого Комитета» под руководством самого Д. Н. Бурхинова в защиту прав калмыцкого народа в период его выселения в Сибирь с 1943 по 1957 гг. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 14, 15].

В последнем пункте речь идет о большой миссии, которую оказал Джаб Бурхинов, будучи генеральным секретарем «Калмыцкого представительства в Западной Европе» по вопросам эмиграции калмыков в США, а также представителем и председателем Калмыцкого комитета по освобождению депортированных в СССР калмыков. В начале 1950-х гг. Джаб Наминович добился приема калмыцкой делегации Госдепартамента США и в ООН, где представил меморандум, в котором предлагалось, чтобы Комиссия по правам человека при ООН добилась от советского правительства реабилитации депортированных народов, в том числе и калмыков, высланных навечно.

Спустя пять лет, в 1955 г., в Малайзии, на конференции представителей Азии и Африки, в г. Бандунг, он вновь выступил с докладом по освобождению калмыцкого и других депортированных народов. Позже данная петиция несколько раз высылалась в Международный Красный крест (г. Женева), во все посольства, а также главам нескольких государств. Упорная борьба Джаба Наминовича за права своего народа со временем все-таки дала долгожданный результат. В 1957 г. советское правительство приняло решение о возвращении калмыцкого народа на родину. Впоследствии Д. Н. Бурхинов выпустил книгу «Борьба за гражданские права калмыцкого народа»¹.

¹ Из переписки П. Э. Алексеевой и Д. Н. Бурхинова несложно сделать вывод о том, что Джаб Наминович был человеком неравнодушным и добрым. Впервые он посетил родную Калмыкию в 1988 г., когда детей, которые лежали в г. Элисте, в детской республиканской больнице, массово заразили ВИЧ-инфекцией. Узнав о большой беде, случившейся на родине, Джаб Наминович привез дорогостоящий прибор — спектрофотометр для диагностики СПИДа. Спустя время много родителей со всех районов Калмыкии, находясь в безвыходном положении, писали Д. Н. Бурхинову письма с мольбой о помощи их больным, искалеченным детям. Откровенных, душераздирающих писем женщин-матерей было весьма большое количество. Некоторые из них он приводит в письме к Прасковье Эрдниевне [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 16, 17]. Джаб Наминович всегда оказывал содействие, устраивал в больницу в г. Филадельфии, помогал, по возможности, материально, обращался с публичной просьбой о помощи к калмыцкой обще-

Из содержания писем Д. Н. Бурхинова, адресованных П. Э. Алексеевой, следует заключить, что все переводы, сделанные калмыками-эмигрантами, а именно Д. Н. Баяновой, а также другие литературные произведения в настоящее время могут храниться в Чехии, в г. Праге, в «Архиве русской эмиграции».

В письме от 30 июля 1994 г. Джаб Наминович упоминает о том, что есть еще некоторые материалы-рукописи Данары Нарановны [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 14, 14], однако, какие конкретно, — не указывается. Сообщается лишь, что эти «манускрипты» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 14] написаны на черновиках.

В письме говорится и о рукописях-мемуарах Б. Н. Уланова, однако адресант был уверен, что публиковать их, вероятнее всего, еще рано [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. О. 3. Д. 3. Л. 14, 14]. Вопрос, где находятся упомянутые Джабом Наминовичем материалы и сохранились ли они, остается в настоящее время открытым. Что касается эмигрантских журналов, то все номера «Улан залат» находятся, по его утверждению, в Институте им. Гувера в г. Стэнфорде, в Калифорнии, откуда есть возможность получить их копии. Говоря о наличии книг по калмыковедению, адресант сообщает, что в американских библиотеках их очень мало.

Из содержания писем можно понять, что в личном фонде Джаба Наминовича было немало документов из архива калмыцкой эмиграции. Однако, в связи с тем, что с 1945 г. он принимал активное участие в общественной жизни, большая часть всех материалов оказалась «разбросана по Европе и Америке» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 12]. Что касается архива самого Джаба Наминовича, то вариантов его хранения было несколько. Так, народный поэт Давид Кугультинов советовал Д. Н. Бурхинову передать копии всех материалов в библиотеку им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, народный писатель Егор Буджалов считал, что фонд следовало бы передать в Национальный архив Республики Калмыкия. Из писем к Прасковье Эрдниевне выясняется, что сам стипендиат за рубежом. Кроме того, Джаб Бурхинов занимался ходатайством стипендий на обучение в США десятков студентов из Монголии, Бурятии, Калмыкии.

Джаб Наминович планировал сдать оригинал своего архива в Колумбийский университет в г. Нью-Йорке, где также хранятся материалы калмыцких американских организаций, а копии прислать в Элисту, в научный архив Калмыцкого института, а также в Монголию. В письме, датированном от февраля 1990 г., написанном П. Э. Алексеевой, выясняется, что главный библиограф планировала организовать «Личный фонд Д. Н. Бурхинова». Однако в научный архив калмыцкого института материал так и не поступил.

Переписка Прасковьи Эрдниежны с профессором Принстонского университета Арашем Борманжиновым также свидетельствует о напряженной исследовательской работе, которую вели оба ученых: поиски и обмен материалами, книгами, рукописями и статьями о донских калмыцких правлениях, о казачьих станицах, их уроженцах и др. — все это нашло отражение в переписке.

Зачастую в своих письмах Араш Борманжинов представлял ряд вопросов, ответы на которые Прасковья Эрдниевна должна была найти (и находила) в федеральных архивных учреждениях России. Так, в одном из писем (дата не указана) подобные вопросы были связаны с поиском архивных документов из Государственного архива Ростовской области. Так, Араша Борманжинова интересовали материалы из фонда станичных правлений: о тринадцати станицах донских калмыков Сальского округа Области Войска Донского до 1917–1920 гг. (Граббевская, Беляевская, Потаповская, Эркетинская и др.), биографические сведения об Иване Ивановиче Попове, его фотоматериалы, а также названия его рукописей, ранее хранившихся в архивном отделе УМВД Ростовской области. Из Ставропольского краевого государственного архива американского ученого интересовала рукопись Г. Н. Прозрителева «Ставропольские калмыки в бытовом и религиозном отношениях (начало 1920-х гг.), архивные данные о князьях ставропольских калмыков Гахаевых, владельцах Большедербетовского улуса до 1908 г., биографические сведения о Е. Чонове, А. Байсанге, О. Норзунове, С. Яванове, Сетенове, бакши Дорджи и др. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 3, 4].

Благодаря налаженному контакту с зарубежными и российскими учеными Прасковье Эрдниевне удавалось собрать большое

количество материалов, особенно, как выясняется, путем обмена. Несмотря на большой объем работы, она всегда находила время, чтобы помочь своим друзьям-ученым с поиском того или иного материала по калмыковедению. Те, в свою очередь, с таким же большим и искренним ответным желанием поддержать создателя научно-архивного фонда Калмыцкого института со всех концов света высылали ей самые различные материалы. Еще одним подтверждением тому выступают фрагменты переписки П. Э. Алексеевой с профессором Джоном Крюгером¹, занимавшимся изучением письменных памятников на «ясном письме».

Так, в письме от января 1994 г. Д. Крюгер выражает благодарность за первую бандероль от Прасковьи Эрдниежны со статьями из различных печатных изданий о г. Сарепте и музее, а также за «великолепное издание сутры Доржин Джодва» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 1].

В ответ профессор обещает переслать фотокопии словаря Генриха Цвика и четырехтомного труда Бергмана [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 1].

В следующем письме Иван Емельянович сообщает о том, что с приготовлением указанных изданий он закончил и вышлет при первой же оказии, если кто-то из американских калмыков поедет в Элисту. Почтой в библиотеку научного института был также выслан сто тринадцатый том журнала американского восточного общества, китайская книга о монгольском фольклоре, а также отписки некоторых статей² [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 4].

В письме от 2 августа 1995 г. профессор благодарит за письмо, а также за полученные сведения и номера журналов «Мандала» и «Шамбала», высланных П. Э. Алексеевой через Джиджу Андреева. Ответно адресант обещает выслать фотокопию старого текста о калмыках, напечатанного в брошюре от 1744 г.³ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 5].

¹ Настоящее имя — Крюгер Иван Емельянович.

² Названия и авторы работ профессором Д. Крюгером не указаны.

³ Имя автора брошюры, о которой упоминает Д. Крюгер, в письме не сообщается.

В письме от 21 апреля 1997 г. Джон Крюгер упоминает и о высланных в библиотеку института 116 томах журнала американских востоковедов. В письме от 4 февраля 1998 г. он сообщает, что занимается сборником писем, адресованных академику Я. И. Шмидту. На тот момент у него насчитывалось их 80 единиц [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 11]. Все письма он намеревался включить в свою книгу.

В библиотеку Калмыцкого института Иван Емельянович планировал отправить несколько ксилографов рукописей, откопированных им в Германии в 1968 г. В июле 1998 г. от Д. Крюгера поступили ксерокопии прекрасных редчайших работ, которых не хватало в фонде научной библиотеки Калмыцкого института: «Алтн герл», «Доржин Джодва», «Алтн Герл» в транслитерации немецкого монголоведа и китаеоведа Хениша. Все работы были написаны на старокалмыцкой письменности — «тодо бичиг».

В одном из писем Д. Крюгер [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 2. Д. 36. Л. 1–3] сообщил Прасковье Эрдниевне о существовании сборника песен на калмыцком языке, изданного в Париже, в 1937 г. членами французского общества друзей Востока. Образцы песенного творчества были изданы на «тодо бичиг» с транслитерацией, нотным сопровождением и комментариями. Все песни были собраны торгоутской княжной Нирджидмой. Впоследствии Прасковья Эрдниевна подготовила книгу о Принцессе Нирджидме и ее отце принце Палта Ванге. Издание было дополнено разнообразными образцами песенного творчества торгоутов Китая.

В подборке архивных дел под названием «Переписка с зарубежными учеными» обнаруживаются моменты дальнейшего развития событий, связанных с письмами Я. И. Шмидта. В этом смысле интерес представляет благодарственное письмо от 24 апреля 2006 г., адресованное Евгению Евгеньевичу Лангерфельду, от Прасковьи Эрдниевны, которая на тот момент находилась в предвкушении радостного события-получения. Речь в данном случае идет о той самой копии коллекции калмыцких писем Я. Шмидта, о которых уже упоминалось выше в письме Джона Крюгера.

П. Э. Алексеева, вероятно, по каким-то причинам не получила книгу от профессора, обратилась к Е. Е. Лангерфельду с прось-

бой отскерокопировать книгу с калмыцкими письмами Я. Шмидта [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 23].

В письме от 16 марта 2006 г. Е. Е. Лангерфельд сообщает, что тайно перекопирует книгу с калмыцкими письмами, переплетёт и передаст в Элисту через пастора Стуглферда [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 22]. Летом 2006 г. книга с драгоценной коллекцией калмыцких писем Я. Шмидта уже была в научной библиотеке Калмыцкого института.

В переписке П. Э. Алексеевой фигурирует имя Фрэнка Джозефа Шульмана, доктора филологических наук, библиографа, основателя, азиатского Архивно-Информационного бюллетеня. В одном из своих писем он выражает признательность Прасковье Эрдниевне «за приложенные усилия во имя развития Западного академического сообщества, которое связано с историей и текущими отношениями калмыков и Калмыкии» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 3].

Подготовленные Прасковьей Эрдниевной библиографические данные по кандидатским и докторским диссертациям (по Калмыкии) были опубликованы Фрэнком Джоозефом в периодическом издании «*Doctoral dissertations on Asia*», редактором которого был он сам. Эти же материалы П. Э. Алексеевой были также включены в докторскую диссертацию Ф. Д. Шульмана по истории Китая и Внутренней Азии (1976–1990). В знак благодарности через профессора А. Борманжинова для Прасковьи Эрдниевны были переданы три номера журнала «*Doctoral dissertations on Asia*» (выпуски со 2 по 14 1976/77–1991) и три копии докторской диссертации Джозефа Шульмана.

Особый интерес представляет переписка П. Э. Алексеевой и с другими учеными: Григорием Кара, в которой представлена интересная информация относительно венгерских переводов калмыцкого героического эпоса «Джангар», с профессором С. Ю. Неклюдовым, учителем Ново-Гашунской школы Ростовской области Н. Я. Пашковым, дочерью народного писателя Калмыкии А. Г. Балакаева Деляш Балакаевой, председателем калмыцкого общества США Джиджей Андреевым и др.

Из переписки П. Э. Алексеевой можно узнать, что, помимо обмена ценными материалами и книгами с российскими и зарубежными учеными, дружеские контакты главного библиографа способствовали и тому, что фонды научной библиотеки и архива были значительно пополнены, а сотрудники Калмыцкого института, как выясняется, имели возможность издавать свои статьи в международных изданиях.

Небольшой обзор личного архивного фонда П. Э. Алексеевой позволяет более детально проанализировать и представить активную поисковую работу П. Э. Алексеевой как ученого, ее трепетное отношение к сбору неизвестных фактов по калмыковедению. Ценность фонда заключается в том, что он дает более полное представление о насыщенной и плодотворной работе библиографа, фиксирует широкий круг интересов П. Э. Алексеевой как исследователя. На своем профессиональном поприще Прасковья Эрдниева получила всеобщее признание. Ее знают, почитают, уважают, обращаются за помощью, а значит, доверяют. Через архивные материалы фонда прослеживаются отдельные черты характера Прасковьи Эрдниева — стойкость, поразительная сила духа, целеустремленность, прямолинейность и внутренняя культура, которая присуща не каждому.

В одном из писем сама П. Э. Алексеева замечает: она пережила все периоды — трудные, спокойные, трагичные. Думается, что в каждом документе фонда под номером 23 словно слышится дыхание времени. Все работы Прасковьи Эрдниева — это, по сути, летопись жизни, которую П. Э. Алексеева без остатка посвятила интересам своего народа.

Категориальное понятие «память» проходит «красной нитью» в ее работах. В ближайшем будущем архивный фонд П. Э. Алексеевой будет полностью структурирован. Согласно основным правилам работы с архивными делами, все единицы хранения будут тематически систематизированы. Отметим, что все документы фонда изданы, неопубликованных материалов обнаружено не было.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук (фонд 23).

Sources

Nauchnyi arkhiv Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN [Scientific Archive of Kalmyk Scientific Center of the RAS]. Fond 23.

Литература

- Дюльденко, Пономарев 2016 — *Дюльденко А. А., Пономарев Е. Г.* Традиционная калмыцкая медицина второй половины XVIII в. (по материалам Иоганна Иерига) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 5. С. 97–102.
- Убушиева 2017— *Убушиева Д. В.* Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 139–151.

References

- Dyuldenko A. A., Ponomarev E. G. Traditional Kalmyk medicine in the mid-to-late 18th c. (a case study of Johann Jahrig's materials). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 5. Pp. 7–102. (In Rus.)
- Ubushieva D. V. Cumulative fairy tales from I. I. Popov's collection. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017. No. 3. Pp. 139–151. (In Rus.)

УДК 01

DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-109-115

О библиографических трудах П. Э. Алексеевой*

P. E. Alekseeva's Bibliographic Works Revisited

А. О. Долеева (A. Doleeva)¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-5077-2821. E-mail: aisasarpa10@mail.ru

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

ORCID: 0000-0002-5077-2821. E-mail: aisasarpa10@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена библиографической деятельности главного библиографа Калмыцкого научного центра РАН П. Э. Алексеевой. В работе рассмотрена её деятельность по комплектованию и сохранению фонда библиотеки и описаны её основные библиографические труды.

Ключевые слова: Алексеева П. Э., библиотека Калмыцкого научного центра РАН, библиография

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Долеева А. О. О библиографических трудах П. Э. Алексеевой. Монголоведение. 2019;(1):109-115. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-109-115.

Abstract. The article examines bibliographic activities of P. E. Alekseeva, a major bibliographer of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. The work provides an insight into her intensive efforts aimed to collect and preserve all publications available for the library, and describes her key bibliographic works.

* Материалы, изложенные в статье, апробированы в виде доклада на заседании Круглого стола «Собиранье сокровищ истории и культуры калмыцкого народа», посвященного 95-летию со дня рождения Почетного гражданина Республики Калмыкия, Заслуженного работника культуры Калмыцкой АССР, главного библиографа Научной библиотеки и архива КалмНЦ РАН П. Э. Алексеевой.

Keywords: P. E. Alekseeva, library of Kalmyk Scientific Center of RAS, bibliography

Acknowledgements. Research was performed within a government subsidy — project ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Doleeva A. P. E. Alekseeva’s Bibliographic Works Revisited. Mongolian Studies. 2019;(1):109-115. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-109-115.

Алексеева Прасковья Эрдниевна, 1924 г. р., — старейший работник Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Она начала свою деятельность в 1960 г. в институте (тогда — Калмыцком НИИ языка, литературы, истории) в качестве заведующей научной библиотекой.

Это время совпало с восстановлением автономии республики. Благодаря инициативе и подвижническому труду П. Э. Алексеевой удалось по крупицам собрать для библиотеки Института раритетные научные труды по калмыковедению и монголоведению, хранившиеся в различных городах России и зарубежья.

В настоящее время библиотека КалмНИЦ РАН является крупнейшим на Юге России хранилищем востоковедной литературы, выдающаяся заслуга в этом принадлежит П. Э. Алексеевой.

Книжный фонд научной библиотеки насчитывает свыше 60 тысяч томов, в числе которых и редчайшие издания XVIII–XIX вв. В Научной библиотеке КалмНИЦ РАН хранятся редкие издания калмыцких грамматик, словарей, учебников, изданий «Джангара» и другие уникальные научные труды. Они содержат важные исторические сведения о калмыцком народе.

Этому предшествовал долгий и кропотливый поиск книг. П. Э. Алексеева работала в архивах, в обменно-резервных фондах, в отделах редких книг по всей стране и выискивала необходимый материал. Из-за того, что она не имела специальной оргтехники, П. Э. Алексеева переписывала книги от руки, а затем перепечатывала в Элисте на печатной машинке.

Имя Прасковьи Эрдниевны широко известно в республике и далеко за ее пределами. П. Э. Алексеева сумела установить тесное сотрудничество с библиотеками разных городов России и за-

рубежья, организовала книгообмен с известными учеными-востоковедами, библиотеками научных институтов страны и научными обществами Монголии, КНР, США и ряда европейских стран.

Как профессионал своего дела она создала фундаментальные библиографические труды по калмыцкому языкознанию, джангароведению, истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 года, ценность которых не раз подтверждали отзывы ведущих ученых в области востоковедения.

Создание библиографического указателя — процесс длительный и рутинный, так как предполагает поиск среди огромного массива литературы тех источников, которые отражают все многообразие публикаций по той или иной теме. И возможно это при наличии основательной профессиональной эрудиции и огромного практического опыта.

Книга «Библиографический указатель работ по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 года» [Алексеева 2004] — итог сорокалетней работы библиографа П. Э. Алексеевой, выношенный и выстраданный ею. Данный библиографический труд был написан в то время, когда еще не было возможности использовать различные компьютерные технологии. Это характеризует высокий уровень профессионализма П. Э. Алексеевой.

Книга представляет первый опыт составления общей библиографии по истории калмыцкого народа с древнейших времен до 1917 г., включая литературу, охватывающую все стороны материальной и духовной культуры этого кочевого в прошлом народа.

Библиографическое издание, составленное на основе исторических монографий, архивных документов, научных, справочных и периодических изданий, раскрывает историю предков калмыков — ойратов (западных монголов) и калмыцкого народа в составе Российского государства.

В данной работе П. Э. Алексеева описала солидные научные издания и извлекла материал из различных дореволюционных изданий. Стоит отметить, что охват материала настолько полный, что книга стала надежным руководством для исследователей обширного центрально-азиатского региона и Юга России, включая Нижнее Поволжье и Северный Кавказ.

Следующий труд П. Э. Алексеевой — «Библиографический указатель „Джангар“ и джангароведение» [Алексеева 2001] выдержал три издания и активно используется учеными не только Калмыкии. В данный труд вошли не только опубликованные источники, но и комплексы документальных сведений из архивных фондов, что, несомненно, повышает ценность этого издания. Отличное знание материала позволило Прасковье Эрдниевне выработать концептуальное видение в структурировании огромного массива литературы, в результате ей удалось избежать механического отбора и формальной классификации материала, что нередко случается в библиотечной практике. При подготовке этой книги П. Э. Алексеева за основу взяла библиографический указатель по «Слову о полке Игоре» [Данилова, Поплавская, Романченко 1940]. Опыт составления указателей перенимают молодые сотрудники КалмНЦ РАН. Так, например, указатель эпических мотивов разрабатывается учеными-фольклористами КалмНЦ РАН [Убушиева 2018].

«Библиография по калмыцкому языкознанию» [Алексеева 1984] является первым опытом по данной теме. До этого публиковались отдельные списки литературы по калмыцкому языкознанию. Библиография не претендует на полноту охвата материалов по теме. В работу включены монографии, материалы конференций, сборники, словари, учебники и учебные пособия по калмыцкому языку, журнальные и газетные статьи на русском, калмыцком и иностранных языках.

«Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» представляет собой биобиблиографический справочник, в который включены сведения о научных сотрудниках, работающих и ранее работавших в КИГИ РАН, их трудовой и научной деятельности, дается перечень основных публикаций, кратко освещается история первого научного учреждения Республики Калмыкия [Ученые Калмыцкого института 2001].

Книга «Ученые-исследователи Калмыкии (XVII — начало XX в.)» предоставляет читателю общие биографические сведения об ученых, описывает их исследовательские работы, в том числе и

доселе неизвестных, по истории, языку и культуре калмыцкого народа, а также труды о жизни и деятельности самих исследователей [Ученые-исследователи 2006].

«Библиографический указатель научных изданий КИГИ РАН» представляет собой библиографический справочник, в котором наиболее полно представлен весь спектр научно-исследовательской деятельности института, включены научные труды сотрудников по истории, филологии, этнографии, монголоведению, джангароведению, социологии, археологии и т. д. [Библиографический указатель 2011].

В данный указатель включены имена более 80 ученых, исследователей, занимавшихся изучением и описанием состояния калмыцкого народа с момента обоснования его в пределах Российского государства и до начала XX столетия.

Трудовая деятельность П. Э. Алексеевой — это яркий пример глубокой преданности калмыцкой науке и однажды выбранному пути. За многолетний добросовестный труд, самоотверженное служение науке она награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2017), Почетными грамотами Республики Калмыкия и Правительства Республики Калмыкия. П. Э. Алексеевой присвоены почетные звания «Заслуженный работник культуры Калмыцкой АССР» (1981) и «Почетный гражданин Республики Калмыкия» (2001).

Литература

- Алексеева 2004 — *Алексеева П. Э.* Библиографический указатель работ по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 года / предисл. В. П. Санчирова. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 442 с.
- Алексеева 2001 — *Алексеева П. Э.* «Джангар» и джангароведение: библиография. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 104 с.
- Алексеева 1988 — *Алексеева П. Э.* «Джангар» и джангароведение: библиография. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 52 с.
- Алексеева 1984 — *Алексеева П. Э.* Библиография по калмыцкому языкознанию / под ред. Д. А. Павлова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 119 с.
- Библиографический указатель 2011 — Библиографический указатель научных изданий КИГИ РАН / сост. А. Т. Баянова, П. Э. Алексеева, М. Б. Байсхланова. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 282 с.

- Данилова, Поплавская, Романченко 1940 — Данилова О. В., Поплавская Е. Д., Романченко И. С. Слово о полку Игоре: библиографический указатель / под ред. С. К. Шамбинаго. М: Соцэкгиз, 1940. 137 с.
- «Джангар» и джангароведение 2014 — «Джангар» и джангароведение: библиография [электронный ресурс] // сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова. Изд. 3-е, испр. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 180 с. URL: <http://kigiran.com/publications/bibliography> (дата обращения: 01.02.2019).
- Убушиева 2018 — Убушиева Д. В. Об указателе эпических мотивов (к опыту составления) // *Oriental Studies*. 2018. № 6. С. 140–148.
- Ученые Калмыцкого института 2001 — Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований / сост. П. Э. Алексеева, Е. Н. Бадмаева, М. Б. Байсхланова, В. Ш. Санжиева. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 440 с.
- Ученые-исследователи 2006 — Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.): библиографический указатель / сост. и предисл. П. Э. Алексеевой, Л. Ю. Ланцановой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.

References

- Alekseeva P. E. *Bibliograficheskiy ukazatel' rabot po istorii oyratov i kalmykov s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [A bibliographical guide to works on the history of the Oirats and Kalmyks: from the earliest times to 1917]. V. P. Sanchirov (foreword). Elista: Dzhangar, 2004. 442 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. «*Dzhangar*» i *dzhangarovedenie: bibliografiya* [*The Jangar epic and Jangar studies: a bibliographical guide*]. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalm. Book Publ., 2001. 104 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. «*Dzhangar*» i *dzhangarovedenie: bibliografiya* [*The Jangar epic and Jangar studies: a bibliographical guide*]. Elista: Kalm. Book Publ., 1988. 52 p. (In Rus.)
- Alekseeva P. E. *Bibliografiya po kalmytskomu yazykoznaniiyu* [A bibliographical guide to Kalmyk linguistics]. D. A. Pavlov (ed.). Elista: Kalm. Book Publ., 1984. 119 p. (In Rus.)
- Bibliograficheskiy ukazatel' nauchnykh izdaniy KIGI RAN* [A bibliographical guide to scholarly publications of Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS]. A. T. Bayanova, P. E. Alekseeva, M. B. Bayskhlanova (comps.). Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2011. 282 p. (In Rus.)
- «*Dzhangar*» i *dzhangarovedenie: bibliografiya* [*The Jangar epic and Jangar studies: a bibliographical guide*]. P. E. Alekseeva, A. T. Bayanova

(comps.). 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2014. 180 p. Available at: <http://kigiran.com/publications/bibliography> (accessed: 1 February 2019). (In Rus.)

Ubushieva D. V. About an index of epic motifs (compilation efforts revisited). *Oriental Studies*. 2018. No. 6. Pp. 140–148. (In Rus.)

Uchenye Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy [Scientists of Kalmyk Humanities Research Institute]. P. E. Alekseeva, E. N. Badmaeva, M. B. Bayskhlanova, V. Sh. Sanzhieva (comps.). Elista: Dzhangar, 2001. 440 p. (In Rus.)

Uchenye-issledovateli Kalmykii (XVII–nachalo XX vv.): bibliograficheskiy ukazatel' [Academic researchers of Kalmykia (17th to early 20th cc.): a bibliographical guide]. P. E. Alekseeva, L. Yu. Lantsanova (comps., foreword). Elista: Kalm. Book Publ., 2006. 251 p. (In Rus.)

ЭТНОЛОГИЯ

УДК 39

DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133

**Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций)
Дневник этнографического отряда (продолжение)***

The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions)
Diary of the Ethnography Research Team (Continuance)

Н. Л. Жуковская (N. Zhukovskaya)¹

¹ Институт этнологии и антропологии РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119991 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований
ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Mikloukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky Ave., Moscow 119991, Russian Federation)
Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of Center for Asian and Pacific Studies
ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Аннотация. В статье публикуется дневник, который автор вела в период работы в Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции. Работа экспедиции началась в 1969 г., в дневнике освещаются события первой половины сентября 1969 г.

Ключевые слова: Монголия, Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция, 1969 год, дневник

Для цитирования: Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских

* Данная статья является продолжением статьи, опубликованной в № 3 журнала «Монголоведение» [Жуковская 2018].

академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение). Монголоведение. 2019;(1):116-133. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133.

Abstract. The article publishes a diary kept by the author during the Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition. The expedition began its work in 1969, and the diary covers the events of the first half of September.

Keywords: Mongolia, Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition, 1969, diary

For citation: The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions)/ Diary of the Ethnography Research Team (Continuance). Mongolian Studies. 2019;(1):116-133. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-116-133.

1 сентября. Заехав на раскопки А. П. Окладникова и оставив там Л. Л. Викторову, отбываем вчетвером (я, Бадамхатан, Цэрэннадмид, Лубсан) и, конечно, водитель М. Смирнов на машине в Чойбалсан-сомон (60 км к северу от города Чойбалсан).

Приехав туда, зашли в местный сомонный комитет партии, чтобы представиться и отметить командировочные удостоверения. Однако там никого не оказалось.

Пообедали в местной столовой. Тем временем Бадамхатан выяснил имя наиболее знающего в этих краях информатора — он живет в 70 км от сомона, пасёт отару.

Поехали разыскивать его. Часам к 6 вечера прибыли к его юрте. Старик пас отару в 2 км от юрты и вернулся только поздно вечером. В юрте были ее хозяин — старик 60 лет, ходивший в *дели* и цветном женском платочке на голове, его жена и их 5-летний приемный сын.

Информатор, к которому мы приехали, приходился родственником по жене хозяину юрты, его жена (умершая в июне этого года) была сестрой хозяина юрты.

Возле юрты лежали шкуры разделанных тарбаганов. Вечером нас угощали их вареным мясом. Очень нежное и вкусное, несмотря на легкий привкус, который особенно сказывается при отрыжке, и запах, который потом исходит от рук, так как есть мясо приходится руками.

Беседа со стариком состоялась поздно вечером после того, как тот пригнал отару, которая расположилась недалеко от юрты. Ко-

лоритный старик в красном *дели*, обвязанный махровым розовым полотенцем вокруг головы. В течение 16 лет он работал председателем Чойбалсан-сомона. В настоящее время на пенсии. Зимой живет постоянно в сомоне. На лето нанимается пастухом в госхоз. Зарабатывает летом каждый месяц 800 тугриков. Весной, когда идет окот овец, даже больше.

Старика зовут Тумургарьд, ему 80 лет. Он написал историю своего сомона с маньчжурских времен до наших дней. Эта история в ближайшее время уже выйдет в издательстве Восточного аймака. В этом сомоне старик проживал всю жизнь. Это прежний Цеценхановский аймак в составе Маньчжурской империи. Действующий ламаистский монастырь этих мест назывался «1 000 благополучий» (?), в нем постоянно проживало большое количество лам. За пределами монастыря было несколько действующих *обо*. Недалеко от места, где мы сейчас беседовали, находились два из них: одно общее, другое специально для тайшей. На последнее женщины не допускались. Усыпальница двух первых нойонов этого хошуна находилась недалеко — на территории современного г. Чойбалсан. Это был субурган с прахом их обоих. К этому субургану приходили молиться. Сейчас от него ничего не осталось.

Главное действующее *обо* хошуна находилось на горе Хан-ула. После того, как заканчивались празднования на местных *обо*, начиналось общее празднование всего хошуна на Хан-ула. Проводилось оно ламами, шаманов в этих местах не было.

Легенда об основании местного монастыря «1 000 благополучий» такая. Первый нойон построил монастырь на месте юрты простых дедушки и бабушки. Было это примерно 154 года назад. Случилось это так. Когда нойон вошел в юрту, старик в котле кипятил молоко. Нойон спросил имя старика, тот ответил: Генденду, что означает «творить хуvaraков». В это время молоко убежало из котла. Вот это и оказалось тремя причинами, которые побудили нойона построить монастырь именно здесь и вызвали у него уверенность в том, что он будет процветать: 1) кипящее молоко; 2) имя старика; 3) то, что молоко убежало. Все три явления сулили благополучие.

2 сентября. Утром наблюдали перекочевку наших хозяев и их соседей. Постепенный разбор и складывание юрты, укладывание

имущества на повозки, упряжь верблюдов, которые перевозят эти повозки. Весь готовый к перекочевке караван состоял из 23 верблюдов с повозками (ухэр тэрэг — повозка двухколесная с большими деревянными колесами).

На первой повозке стояла деревянная кибитка, имевшая вид сундука, в ней дверца сбоку и откидное вверх оконце спереди. В ней ехала жена и сын хозяина. Сам хозяин ехал верхом на лошади впереди каравана и держал в руке поводок первого верблюда. Поводок каждого последующего верблюда прикрепляется к поводку впереди идущего. Поводок самого первого верблюда держит в руках всадник, который ведет за собой весь караван.

Позади каравана медленно движется скот: отдельно стадо коров, отдельно — отара овец. Расстояние перекочевки было 3–4 км по прямой линии. Через два часа караван остановился. Обе юрты разместились на расстоянии 150–200 м друг от друга. Хозяева начали расставлять вещи (сундуки, кровати, кухонную утварь) на полагающихся им местах. Мы дружно помогали. А потом все вместе ели мясо сваренного козленка, запивая его вкусным наваристым бульоном.

3 сентября. Вчера вечером вернулись в г. Чойбалсан, проехав около 150 км. Поужинали в столовой при гостинице. Обменялись последними новостями с А. П. Окладниковым и его сотрудниками. Они нашли новый тип неолитической культуры к югу от г. Чойбалсан, в 3–4 км от реки.

А. П. интересуется древнейшими изображениями птиц (орлов), рыб и типами погребений (сожжений, захоронений в гробах) как этнографическими параллелями к материалам его раскопок. Бадамхатан сказал, что у дархатов сохранились амулеты в виде каменных рыб. А изображения орла встречаются на шаманских костюмах. Днем сидели в Краеведческом музее: зарисовывали и описывали костюм хамниганской шаманки, который хранится в фондах музея. (В этом же 1969 г. этот костюм с подробной зарисовкой всех его деталей опубликовала К. В. Вяткина, работавшая в Монголии в 1948–1949 г. в составе Археолого-этнографической экспедиции под руководством С. В. Киселева (см.: [Вяткина 1969]).

4 сентября. Сегодня намечена поездка на гору Хан-ула. По спидометру до нее 32 км от Чойбалсана. Выехали рано утром, но

по каменистым дорогам добрались только к обеду. Осматриваем то, что осталось от главного аймачного *обо*. Главная куча камней имеет высоту примерно 2 м, в нее воткнуты несколько прутьев, на них конский волос *хи-морин* (одного образца), такого же типа изображения буддийских драгоценностей с тибетскими молитвами вокруг). Там же хурдэ — молитвенная мельница, коробка из-под монпансье с фигурой лошади, вырезанной из дерева, обмазанной маслом и обложенной ватой; в три стороны спускаются натянутые веревки, увешанные конским волосом, разноцветными полосками тканей. Части света не соблюдены: 1 с северной стороны, 2 — с восточной, 3 — с западной, на юге ничего нет.

Четыре небольшие кучи камней окружают главную, к ним привязаны эти веревки. Вокруг отличная протоптанная тропа, по которой ходят по солнцу во время богослужения. От каждой небольшой кучи камней по радиусу расходятся несколько маленьких, становящихся все меньше по мере удаления от центральной кучи. Тут же стоит вышка геодезистов, которая часть таких малых куч разрушила.

Кладбище нойонов, расположенное на этой же горе, показатель того, что обо часто возникали возле родовых кладбищ. Древние обо могли находиться возле древних могильников. Чем древнее могильник, тем древнее может быть обо возле него. Директор музея Гонгор сообщил, что бывают такие типы обо: нойонские, для рядовых аратов — мужчин и женщин, только для мужчин, хошунные, оточные, индивидуальные, ламские, на которые женщинам нельзя приходить.

Маленькие кучи камней, хаотически громоздящиеся вокруг без соблюдения каких-то направлений, по объяснению Бадамхатана, представляют собой индивидуальные обо, которые строит каждый приходящий сюда молиться (это следует проверить, т. к. куч, хотя и много, но не настолько, чтобы предположить, что их строил всякий приходящий). Валяются свежие бараньи черепа, довольно новые блестящие монеты *мэнгэ*.

Наши монгольские коллеги (Бадамхатан, Цэрэнадмид, Гонгор) оставили кое-что на обо: Бадамхатан — коробоку спичек, Цэрэнадмид и Гонгор — по *мэнгэ*.

Спустившись немного вниз по склону, мы оказались на территории кладбища бывших хошунных нойонов. За исключением первых двух, чей прах находится в субургане, остальных хоронили на этом кладбище. Внешне могилы выглядят как порядком заросшие каменные курганы.

5 сентября. С утра в музее продолжаем изучать шаманский костюм. Лувсан и Жанлав подробно зарисовывают его, Бадамхатан фотографирует с различных сторон. Я перерисовываю на кальку карты. Их в музее много: 1) карта древностей Восточного аймака; 2) карта хошунов Цэцэнхановского аймака в период Маньчжурского владычества; 3) карта монастырей и хурулов Восточного аймака; 4) карта хошунов Хан-Хэнтэйского аймака (1923–1931). Имеется список хошунов к последней карте. Их названия даны по названиям священных гор.

Хан-Хэнтэйский аймак (1923–1931) включал в себя следующие 28 хошунов: 1) Хан-Хэнтэй уулын хушуу; 2) Онон голын шинэ буриад хушуу; 3) Биндерья уулын (далее слово *хушуу* / *хошун* я опускаю); 4) Өндөр цагаан уулын; 5) Дашбалбар уулын; 6) Баянхан уулын; 7) Өндөр-хан уулын; 8) Оцолсансар уулын; 9) Дархан уулын; 10) Гал шар уулын; 11) Идэрмэг баянхан уулын; 12) Бат норов уулын; 13) Монх жавхлант уулын; 14) Тумэн цогт уулын; 15) Батхаан уулын; 16) Монх хан уулын; 17) Тушлэг хан уулын; 18) Улзголын шинэбуриад; 19) Баян тумэн хан уулын; 20) Амгалан хан уулын; 21) Баян монх уулын; 22) Өлзийт уулын, 23) Матад хан уулын; 24) Дарьганга нутаг; 25) Халхаголын; 26) Зотол хан уулын; 27) Ханчандмань уулын...; 28) Шинэ халх голын буриад.

Вечером Гонгор-гуай привел старика-халха, который, по его словам, хорошо знал Эрдэн-обо — священную гору Сэргэлэн-сомона. Старик родом из отока, находившегося в Сэргэлэн-сомоне, знает только свое обо. Оно называется Эрдэн-обо. На него всем разрешалось ходить. И он не помнит случая, чтобы на него запретили подниматься женщинам. Из обо, на которые женщинам было запрещено ходить, он слышал только про одно — оно находилось в той местности, куда мы ездили (Бахлай). На Хан-ула сам он никогда не бывал.

Но, как оказалось, и на Эрдэн-обо он тоже не был. Возле Эрдэн-обо нет никаких кладбищ — ни старых, ни новых, были они

или нет — этого информатор не знает. Об имени сабдаха — «хозяина» горы тоже ничего не знает (совпадало ли оно с названием горы или нет). Сказал, что Пунцугжамцаг в Булган-сомоне — хороший информатор, советовал обратиться к нему.

Хоронили покойного лежащим в позе нирваны на правом боку. Умершего клали на землю, а не закрывали в ящик, старались, чтобы труп побыстрее съели волки или собаки. Лам хоронили также. Никакого сжигания на своем веку он не помнит. Знает, что в сомоне, бывшем на месте Чойбалсана, был когда-то субурган с прахом двух первых нойонов этого аймака, умерших где-то в начале XVIII в. Вначале их прах просто возили в юрте, в которую никого не пускали. Говорили, что прах находился в маленьком позолоченном субургане, к нему не подпускали никого, потому что боялись его кражи. За что они удостоились чести быть сожженными, он не знает.

Вопрос: Слышал ли он когда-нибудь, чтобы при похоронах какого-либо монгола забивали собаку.

Ответ: нет, не слышал. Слышал только, что буряты при похоронах забивают скот, но верно это или нет — не знает.

Вопрос: Слышал ли он когда-нибудь, чтобы докшиты были покровителями семьи и чтобы к ним обращались в случае, если с семьей что-либо случится.

Ответ: нет, не слышал. В каждой юрте был свой набор бурханов, но ни один из них не считался покровителем конкретно данной семьи. Бурханы были общие. Слышал, что божества-покровители семьи были у бурят. Про богов Чойжила, Жамсарана слышал. Знает, что есть маски, изображающие их, может их отличить. Чойжил — бог смерти, судит людей на том свете. Хубилганы в данной местности были, он их видел. Сейчас ни одного нет.

6 сентября. Вместе с отрядом А. П. Окладникова еду на Баянхоток. По дороге останавливались возле найденных ими в прежние годы неолитических стоянок. Собирали подъемный материал. Несколькими километрами дальше находятся выступившие вследствие размывов поверхности почвы очаги неолитического времени. Их 5 или 6. Осмотрели раскопанную в прошлом году могилу сянбийского времени. От нее ничего не осталось, кроме неболь-

шой выемки глубиной 5–6 см. В ней находилось женское погребение с подвернутыми ногами. Там были две железные пайцзы, черепа не было. Все содержание могилы поступило в Центральный музей Улан-Батора.

По соседству заехали в юрту. Хозяева ее напоили нас кипяченым молоком, что очень почетно, угостили арулом (сухим творогом), таракком (простоквашей) и урюмом (пенками), потом, взяв с собой в качестве проводника одного из хозяев, поехали на гору с субурганом.

Наш сопровождающий сообщил, что гора Баян-хоток находится еще дальше, км в 20–25 отсюда, а та, на которую мы собираемся, называется Хойто-ула. На вершине этой горы находится следующее сооружение — трехступенчатый субурган, увенчанный кустом тальника, увешанного цветными полосками ткани. Ориентирован строго с севера на юг (проверили по компасу). С южной стороны стоит жертвенник прямо на земле (на нем когда-то стояла курильница, ее украли в прошлом году), на второй ступени тоже с южной стороны — еще один жертвенник, выложенный из плит, который обращен небольшой нишей на юг: в ней масло, урюм, лепешки, конфеты, сбоку вложены деньги.

Основной субурган с четырех сторон света (С, Ю, В, З) окружен 4 малыми, столь же аккуратно сложенными из плит кубами. Из каждого торчит по 2–3 прута тальника. Восточный и западный кубы соединены с центром натянутыми веревками с висящими на них *хи-морин* и волосами из лошадиных хвостов. На восток и на запад строго по радиусу — небольшие кучи камней: их 13 с восточной стороны и 12 — с западной. В направлении севера и юга этого нет. Домой вернулись в 17.00.

7 сентября. День стирки и отдыха. Стирали на берегу Керулена свои вещи я, Бадамхатан, Цэрэннадмид, Жанлав и Лувсан. Пока белье сохло, переводили «Сутру о Цаган убогуне» — рукописный текст, который Бадамхатану подарили вчера в одной из юрт. Потом Лувсан привез 15 литров кумыса в бидоне: с трёх часов дня до ночи ребята весь его выпили. Водитель Миша и я пока на такие «подвиги» не способны.

Сегодня воскресенье. Очень многие монгольские семьи Чойбалсана пришли на берег, стирают белье, пока оно сушится, они

сидят на берегу и ждут. Затем собирают его и идут домой. Обычная сценка: жена трет мужу спину, а он стоит по колено в воде. Течение сильное. Иногда семьи подъезжают прямо на грузовых машинах — очевидно, глава семьи — водитель. Пока взрослые занимались стиркой, ребята играли в монгольскую игру на пальцах. Играют по двое: по очереди вскидывают по несколько пальцев. Задача — угадать, сколько пальцев выставит противник.

8 сентября. Набор ламаистских ритуальных предметов на стенде музея: 1) *тунраа* — рог из дерева с вырезанными на нем буддийскими символами (хорло, очир, ритуальный изогнутый меч и т. д.). Навершие у него в виде головы дракона — деревянное с высунутым длинным языком; 2) *пурбо* — ритуальный трехгранный кинжал, увенчанный ваджрой, длиной примерно 15 см; 3) *гавал аяга* — чаша из черепа; 4) *Чөмгөн гандан* — музыкальный инструмент из берцовой кости девушки; 5) *жинсэргийн халбата* — металлическая ложка с очиром на верхнем конце (длина примерно 1 м); 6) *гавал ганшин* — на трехгранной подставке с изображением человеческих лиц по углам лежит чаша (диаметром 5–6 см) — металлическая габала, прикрытая металлической крышкой с изображением лотоса. Навершие в виде ваджры. Основа, в которую упирается ваджра, скульптурная, представляет собой рельефное, выдавленное на поверхности крышки изображение ваджры.

В музее же висит работа художника Ч. Батмөнх — портрет вана Дамдинсурэна, воевавшего с японцами, нападшими на Монголию в 1920 г. Хранятся его вещи (столлик — ширээ, кожаный пояс с бляхой из белого нефрита, серебряная чаша — аяга).

Под портретом еще одна картина — Ч. Батмэнх «Манлай ван Дамдинсурэн тулалдааны өмнө» (Полководец Дамдинсурэн перед битвой). Тут же еще две картины: японцы расстреливают монголов, японцы избивают монгола и жгут его юрту.

Археологическая экспозиция представлена следующими разделами: 1) неолит: нуклеусы, отщепы, каменные наконечники стрел, собранные в разных местах Восточного аймака; 2) бронзовый век: наконечники стрел, керамика, различные подъемные находки типа примитивных изображений лошади; 3) фотографии каменных баб из сомонов Халх-гол и Матад; 4) череп из раскопок

могилы в Булган-сомоне (тюркское время); 5) материал раскопок могилы в Барс-хото: стремена, наконечники стрел; 6) керамические навершия над желобами на крышах монастырских зданий с львиными мордами, фрагменты облицовки зданий, керамические желоба крыш; 7) китайские монеты XIII–XX веков.

Маньчжурский период представлен изображениями видов наказаний, применявшихся в то время, цепями, а также головными уборами гунов и ванов, серией карикатур на нойонов, лам, русских купцов, японцев, обирающих страну. Тут же громадный чугунный войсковой котел. Картина Б. Гомбосурэна «Сан бэйсын хурээ», 1910 год.

По дороге из столовой заехали на монгольское кладбище. Оно находится в 2,5 км к северу от города. Обнесено общей оградой. Внешних форм захоронения несколько: 1) ящик засыпается землей, сверху заваливается камнями, в изголовье ставится тумба с надписью: кто и когда здесь похоронен; 2) ящик не зарывается в землю, но засыпается камнями прямо на поверхности земли, тумба-надгробие тоже есть; 3) ящик ставится на землю, вокруг него сооружается из кирпича и обмазывается цементом саркофаг, на нем из битого стекла или из мелких камешков выкладывается имя умершего, закрепляемое цементом. На некоторых могилах можно увидеть «намек» на профессию умершего: например, руль или какая-нибудь деталь машины у водителей. Кое-где валялись кости животных. Один детский гробик, обитый шелком и лентами, имел сдвинутую крышку: под ней был виден почти истлевший детский труп.

Днем закончила свои дела в музее. Вечером пошла смотреть русское кладбище. Оно тоже находится на севере в трех километрах от монгольского. Кладбище имеет вид заброшенный. Забор опрокинут. Самое последнее захоронение датировано 1964 г., генерал-майор Кукушкин. Есть могилы 1947, 1952 годов. Здесь явно никто не бывает и за могилами не ухаживает.

9 сентября. Выехали в сомон Халх-гол. Пока заправились водой и закупили хлеб, прошла половина дня. Ночевали в степи. Жутко жрали комары, здесь они какие-то особо кусачие. По дороге на 87 км от Чойбалсана обнаружен большой плиточный могильник.

10 сентября. Продолжаем путь на Халх-гол. Заехали к рыбакам Буир-нура, хотели купить рыбы, но неудачно. Вчерашний улов уже переработан на местном заводике, а сегодня на лов они еще не вышли. Пойманную рыбу засаливают и отправляют за рубеж (в основном в СССР) в бочках. Главная промысловая рыба — щука.

В 13 часов приехали в Халх-гол-сомон. Встали лагерем на берегу р. Халх-гол. Самые удобные подходы к реке превращены в большую свалку. Валяется убитый волк, с которого даже не сняли шкуру. Тут же задранный, наверное, тем же волком баран. Масса обглоданных костей, черепов и пр. Ветер разносит запах тления.

Представились сомонному начальству, получили имена информаторов по интересующим нас вопросам. Вечером в сопровождении одного из них поехали за 10 км от сомона посмотреть на стоящие здесь фигуры двух каменных баб. Обе в сидячем положении и находятся примерно на расстоянии 4 км друг от друга. Одна из них называется *лам чулуу* (каменный лама), другая — *хун чулуу* (каменный человек).

Л. Л. Викторова считает, что одна из них тюркская VII–VIII вв., вторая монгольская XIII–XIV вв. Обе стоят на курганах, возможно, на могильных. Тут же современное сомонное кладбище. Могилы все свежие. Ориентация могил с запада на восток (головой на запад). В основном могилы сверху цементируют, но часто они спустя какое-то время проваливаются, и тогда в гробу видны скелеты.

Осмотрели развалины монастыря, который считается одним из самых старых монастырей (ему было более 300 лет в момент перекочевки в Тамцаг-булаг). Первый нойон, образовавший этот хошун, по имени Пунцаг, построил этот монастырь примерно в 1690 г.

11 сентября. Информатор Чултэм, 70 лет, бывший лама, который сопровождал нас вчера на каменные изваяния, рассказал следующее. Эти каменные изваяния не почитаются, народные предания связывают их с древними корейцами. Почему это так, он не знает. Местное кладбище сомона находится здесь всего лишь 6–7 лет. Прежнее было к юго-востоку от сомона. Сейчас туда ездить далеко. Раньше он был монахом при монастыре в Тамцаг-бу-

лаге, затем в Халхин-сумэ возле Буир-нура, после того, как хорчины устроили там (в Тамцаг булаге) пограничную службу.

В монастыре было около 40 лам, наш собеседник был ламой низкого ранга, его только причисляли к ним и редко использовали во время служб.

Гандан-чойхорлин — так по-тибетски назывался этот монастырь. При нем находилось Балдан-Тая-обо, построенное недалеко от монастыря. При его освящении читали книгу «Лхамо». В чтении книги на горе участвовали только ламы, а все прочие участвовали в надоме у подножия горы: там были выпивка и игры. Здесь не делалось различий между мужчинами и женщинами — и те, и другие могли принимать участие в празднике почитания обо.

Обо строились все одинаковые, порядок освящения их был тоже один и тот же, только книги читались разные, никакой иной разницы между ними не было. Специального изображения духа горы Балдан-Тая не было.

Интересная легенда есть о том, как дух горы Цаган-уул стал ламой. Каждый день маленький мальчик в сопровождении старика приходил к монастырскому колодцу: старик держал его за пояс, а тот спускался в колодец и доставал воду. В монастырь старик не заходил, так как не был ламой. Однажды наблюдавший за ним лама спросил его, из какой он местности. Тот ответил, что из Цаган-уул, он был объявлен духом Цаган-уул и стал ламой под именем Генен-мигар.

Сам Чултэм родом из сомона, где верховной горой почиталась Цаган-обо. «Хозяин» (сабдах) горы Цаган-обо был изображен нойоном на черном коне. Имени его не знает, но видел его изображение на белой ткани. Оно висело прямо на горе. Читали сутры «Чагдар-далха» и «Гови-лха». Сабдах считался очень опасным. До принятия ламаизма он не был известен. Забивали в его честь барана, празднование устраивалось в начале лета, но до или после хошунного обо — он не знает.

Чултэм согласился рассказать нам, каким был местный похоронный обряд. До появления в этих местах лам умерших закапывали в землю, после принятия ламаизма просто заворачивали в белую ткань и оставляли на кладбище. Сам информатор в похоро-

нах участия не принимал. Но знал, что были специальные ламы, которые этим занимались. Важно было, чтобы тело побыстрее съели волки или собаки. Старое кладбище забросили, потому что оно сейчас далеко от новой территории сомона. На нем хоронили раньше, потому что кочевали в тех местах. В пределах зоны кочевания было несколько точек, где хоронили умерших, кроме упомянутого кладбища. Иные варианты выбора места похорон: 1) где просил сам умерший; 2) где остановилась лошадь, к которой привязывают его труп, когда везут его хоронить: если сам он определенного заветования не оставил, то там его труп и оставляют.

Вечером пошли к другому информанту — Баинбилику, 74 года, участнику гражданской войны, партизанских боев. К нему часто приезжают корреспонденты с расспросами о тех годах. Старик очень доброжелательный, разговорчивый. Очень хорошо говорит о русских, о том, что они обороняли его родину, имея в виду события 1939 г. на р. Халхин-гол.

10 дней назад у него умерла жена. На культовом столике стоят несколько чаш с фитилями, опущенными в масло. Одна лампада горит. Так будет до 49 дня после её смерти, когда душа покойной наконец достигнет страны Дзамбутвип.

На темы о похоронных обрядах по следам свежей раны со стариком говорить было не очень удобно. А о культе священных гор он ничего не знал — о чем очень сожалел. На прощание я попросила разрешения зажечь лампаду в память о его покойной жене. Старик ужасно растрогался, даже прослезился и разрешил. Я зажгла лампаду и оставила свои спички. Теперь лампада будет разжигаться только этими спичками, а коробку будут хранить как память — так сказал хозяин юрты. На прощание старик меня поцеловал в щеку, а Бадамхатана поцеловал.

Дочь хозяина, которая пришла к концу нашей беседы, угостила меня лепешками с домашним маслом; урюмом — пенками, поджаренными с мукой. На прощание тоже чмокнула меня в правую щеку, сказав, что в следующий мой приезд чмокнет в левую. Мы пообещали обязательно вернуться.

12 сентября. Едем в местность, которая называется Их-бурхан. Это примерно 30 км от Халх-гол сомона. Живописная долина реки

Халх-гол. На склоне горы выложен из камней многометровый Будда. Он и есть Их бурхан, т. е. Великий бог. Изображение сделано в 1859–1863 гг. как средство для спасения от дзута, который в те годы массами губил скот. Два квадрата вписаны друг в друга. Основная фигура целиком уже не видна! Отчетливо сохранились лишь некоторые детали: слон в ладони, фигура божества. У подножия, в левом нижнем углу внутреннего квадрата рука, сжимающая ритуальный предмет в виде скелета с черепом. У самого Их бурхана сохранилось лишь украшение головы. Бадамхатан говорит, что в 1939 г. сюда попала бомба. До этого у левого плеча Их бурхана стоял субурган высотой 5 м.

На ночевку остановились километрах в двух от 3-х юрт, хозяева которых пасут скот Халхин-гольского объединения. Коров примерно 800 голов, лошадей — 2 тысячи голов, большая отара овец.

Бадамхатан со студентами вечером ушёл в юрты «заниматься» этнографией и ужинать. Мы разбили палатки, приготовили с водителем Мишей свой ужин.

После ужина хотела дойти до юрт к ребятам, но было уже темно и, потеряв всякий ориентир, я вернулась к машине и палаткам, которые еще были видны на фоне закатного неба. Часов в 11 вечера вернулись ребята. В юртах много народа и ночевать там негде. У Бадамхатана состоялась интересная беседа с местным стариком в юрте об обряде, совершаемом по случаю убийства молнией какого-либо животного. Если молния убьет корову, лошадь или овцу (чаще всего это бывает с лошадьми), приглашают человека обязательно из рода даганак, и тот произносит над убитым молнией животным специальное заклинание. Обращается к небу: почему, Небо, ты убило это животное, почему ты не взяло меня вместо него?

После окончания обряда снимается с убитого животного шкура. Мясо поедается участниками обряда. Из шкуры убитой лошади изготавливают различные предметы: уздечку, сумки и др., которые считаются помогающими от падежа скота. Интересно, что этот обряд заклинания молний не имеет никакого отношения к ламам в этом сильно ламаизированном районе, а для совершения его приглашается простой человек, но обязательно из рода даганак.

13 сентября. Утром приехал старик, которого мы не застали в Халх-сомоне. Он четыре дня ездит по степи и ищет своих пропавших лошадей. Наконец нашел. С собой у него оказалась сутра посвящения горе Цаган-уул на тибетском языке. На ходу он ее перевел на монгольский язык. Бадамхатан этот перевод записал, но говорит, что это — тот же вариант, который им уже записан в Чойбалсане. Л. Л. Викторова опять поехала на Их бурхан, фотографировать его при утреннем свете. Ей кажется, что на месте Их бурхана прежде был какой-то храм, так как она проследила остатки базовых колон. Камни, из которых сложен Их бурхан, ей кажутся чересчур замшелыми. Возможно, они еще раньше были использованы в качестве строительного материала, а уже потом из них был сложен Их бурхан. На вершине горы и на склоне видны плиточные могилы. У подножия уже на равнине квадрат из камней, остаток прежней кумирни, в которой жил лама, наблюдавший за тем, как шло строительство Их бурхана.

Пошли по юртам. На пути к ним встретили табун и трёх табунщиков, которые наблюдали за лошадьми. Они показали нам, как заарканивают коней. Лубсан тут же заарканил молодого жеребёнка-однолетку, Жанлав пытался на нем поездить. Жеребёнок быстро вырвался и убежал.

В юрте хозяин (сравнительно молодой, около 40 лет) сообщил, что Их бурхан был построен как пограничный знак, чтобы огрaдить свою территорию от баргутов. В середине дня Л. Л. Викторова заехала за нами, и мы отправились знакомиться с работой опытной фруктово-овощеводческой станции на Халхин-голе. Ночевали недалеко от нее, разбив собственный палаточный лагерь. Вечер прошел в его благоустройстве.

14 сентября. Утром начали знакомиться с работой станции. При ней построен поселок, всего в нем проживает около 200 человек, рабочие и служащие станции. Станции 10 лет. Старика, которого мы ищем, пока нет, и мы заходим в гости к вчерашнему знакомому Викторовой и Бадамхатана — Дамдинсурэну, 68 лет. Он из рода еншибуу. Кочует в этих местах давно. Возле Хамар-Дабана находилась священная гора единственного отока хотогойтов, бывшего в этих местах — Сумбэр-уул (один оток — около 50 семей).

На горе Сумбэр-уул был хурул. При нем постоянно проживающих лам не было. Действовало оно по их наездам. Дух горы называется Жам, ему читались там сутры. Там же было действующее обо, но сейчас там ничего нет, камни разобраны для строительства станции. Родового кладбища хотогойтов возле Сумбэр-уул не было. Эта территория — бывший хошун Тавана (о котором написал книгу Ш. Нацагдорж. Таван гууний сургал. Улан-Батор, 1968 г.).

Существовал дух-хозяин озера Буир-нур, была и сутра, посвященная ему, но ее следует искать в сомонах, близких к этому озеру. Деление хотогойтов на восточных и западных нашло отражение в диалоге, который имел место между белым и черным старцами в цаме (очевидно, местный вариант цамы). Белый старик говорил, что он проезжал места, где были хотогойты, а черный старец — что в его местах хотогойты тоже имеются. О духе реки Халх-гол ничего не слышал. Ни о каких древних могильниках в округе он ничего не знает. Родовое кладбище имелось. Оно было одно и с перекочевками связано не было. Кладбище имело специальное название *хургалж*. Термин, который хозяин объяснить не может. Запретным для женщин было обо на г. Цаган-уул. Эта гора находилась в стороне от населенных пунктов, к ней ездили специально, чтобы осуществлять моление. На гору женщинам подниматься не разрешалось, но в надоме у подножия горы участвовать было можно.

Присутствовать на молении на горе Цаган-уул довелось ему однажды в жизни. Всю службу ведут ламы. Читают сутру. После этого все миряне ходят по солнцу вокруг обо. Женщины во время службы находятся у подножия горы, в службе не участвуют, но затем принимают участие в надоме. Каждый сомон, который принимал участие в этом празднике, выставлял определенное количество скота. Его забивали тут же у подножия. Лошадиные черепа на обо — это черепа животных, посвященных «хозяину» этой горы. На горе висело его изображение, нарисованное на полотне: белый старик верхом на белом коне, в левой руке — мышь. Ежегодно это изображение обновлялось, заменялось новым.

На горе было обычное обо, окруженное забором. В каких случаях ставят частные индивидуальные обо, он не знает, но частные,

семейные обо начали создавать в последнее время. Раньше это не было принято.

В ходе беседы к нам присоединился еще один старик — Даланнаст, 73 года, халха, род чахар. Хорошо знает историю своего хошуна. Её записали у него Бадамхатан и Лувсан.

Вечером пошли к информатору Ринчин Мядаг, хотогойт, 77 лет. 20 семей хотогойтов, пришедших в эти земли, со временем увеличились до двух отоков. Основное божество, которому поклонялись хотогойты, был Жамсаран, его почитали на г. Сумбэр-ула. В честь него устраивались раз в год моления. Основные группы хотогойтов живут в западных аймаках Монголии, в Прихубсугулье. В эти места попало 20 семей после подавления восстания Цэгунжаба войсками маньчжурской династии Цин. Хотогойты, живущие во Внутренней Монголии, — родственники этим. Культ Жамсарана — общий для западных и восточных хотогойтов. Как давно стала почитаться Сумбэр-уул, он не знает, так как родом из западных сомонов.

(Пометка для себя. Интересно в будущем проверить, есть ли у хотогойтов Хубсугула какие-либо сведения о горе под названием Сумбэр-уул с главным культом в виде божества Жамсарана).

Пускали или нет женщин на эту гору, он не знает, так как прибыл в эти места всего 7 лет назад вместе с сыном, который работает на опытной станции шофером. До этого в связи с реорганизацией сомонов они перекочевывали несколько раз, жили в районе города Чойбалсан. У этого же информатора весь день собирали материал Лубсан, Жанлав, Цэрэнадмид. Вопросами местных «хозяев» — сабдахов интересовался Лубсан. У озера Буир-нур есть «хозяйка» — женщина. Она сидит на камне в северной части озера и смотрит на юг. Одета в белое. Раз в год ей посвящали молебны. Хозяйку Буир-нура почитали 15 числа 1-го летнего месяца. Об обычае *сэтэр* (посвящения животных) хозяину г. Цаган-уул информатор сообщил, что ему посвящали белого коня. Посвященному коню к гриве привязывали ленту.

Литература

- Вяткина 1969 — *Вяткина К. В.* Костюм дархатской шаманки // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXV. Л.: МАЭ, 1969. С. 136–145.
- Жуковская 2018 — *Жуковская Н. Л.* Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год, самое начало, первые две недели работы (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций) // Монголоведение. 2018. № 3 (14). С. 4–12.

References

- Vyatkina K. V. The costume of a Darkhad female shaman. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Vol. XXV. Leningrad: Museum of Anthropology and Ethnography, 1969. Pp. 136–145. (In Rus.)
- Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969, the first two weeks of works (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). *Mongolian Studies*. 2018. No.3 (14). Pp. 4–12. (In Rus.)

УДК 745.5

DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145

Войлок в обрядовой культуре калмыков

Felt in the Ritual Culture of the Kalmyks

С. Г. Батырева (S. Batyreva)¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии

ORCID: 0000-0003-4268-0705. E-mail: sargerel@mail.ru

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Art Studies), Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology

ORCID: 0000-0003-4268-0705. E-mail: sargerel@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена войлоку, рассматриваемому в синтезе обрядов и художественных традиций народа. Предметная сфера бытия номадов, сформированная этнической культурой, проецирует пространственно-временную картину мира в реликтах обрядов и традиций. Сохранение их у калмыков наглядно отражается в символике предметной среды, важную часть которой составляют войлочные изделия. Традиции и обряды в хозяйственном укладе жизни и быту позволяют выявить доминирующие константы материальной и духовной культуры номадов, проследить механизмы их функционирования. Последнее выражается в явлениях художественного ремесла, сопровождающих сферу обрядовой культуры. Имея общие истоки происхождения, традиционное наследие каждого из монгоязычных народов самобытно. Таков декор войлочных изделий калмыков, сохраняющий архаический пласт орнаментики, органично сопрягаемый с традиционным мировидением номадов. Искусство, обусловленное историей народа, природным и этнокультурным ландшафтом бытия, взаимосвязано с обрядовой культурой, оформленной этническим своеобразием художественных традиций Калмыкии.

Ключевые слова: номады, калмыки, этническая культура, войлок, обряды жизненного цикла, художественные традиции

Для цитирования: Батырева С. Г. Войлок в обрядовой культуре калмыков. Монголоведение. 2019;(1):134-145. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145.

Abstract. The article deals with felt viewed in the synthesis of national rites and traditions. The subject sphere of the nomads formed by ethnic culture manifests the spatio-temporal picture of the world onto relics of rituals and traditions. Their preservation among the Kalmyks and other Turko-Mongols is clearly reflected in the subject symbolism, an important part of which is constituted by felt products. Traditions and rituals in everyday life and economic structures make it possible to identify the dominant constants of material and spiritual cultures of the nomads, to trace mechanisms of their functioning. The latter can be traced in artistic crafts accompanying the sphere of ritual culture. Despite common origins with other nomadic cultures, the traditional heritage of Mongolic peoples is original enough. This is the case with decorative patterns of Kalmyk felts preserving the archaic layer of nomad ornaments. Due to the natural and ethnocultural landscape, art is interconnected with ritual culture enriched with ethnic peculiarities of Kalmykia's artistic traditions.

Keywords: nomads, Kalmyks, ethnic culture, felt, life cycle rituals, artistic traditions

For citation: Batyreva S. Felt in the Ritual Culture of the Kalmyks. *Mongolian Studies*. 2019;(1):134-145. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145.

Рассматривая войлок в традиционной культуре калмыков, нередко воспринимаемый как небольшая, может быть, далеко не важная ее часть, нельзя забывать о том, с какой культурой имеем дело. Мобильный уклад хозяйствования подразумевает место и роль войлоковаления как основу основ кочевого бытия. Культурное наследие Калмыкии тесно связано с ведением и традициями скотоводческого хозяйства, уходящего в далекое прошлое истории номадов.

Разведение скота как материальная основа бытия дает всё необходимое для жизни: пищу, одежду, топливо, войлок для изготовления удобного транспортабельного жилья и других необходимых предметов кочевого быта [Батырева 2017].

Исходный материал натурального хозяйства сбивали в войлок, не заменимый не только в каждодневном быту, но и в обрядовой сфере. Так, белым войлоком покрывали кибитку культового назначения, а также предназначенную для молодых, образующих новую семью в традиционном обществе. На белый двухслойный войлок преклоняла колени новобрачная, входящая в род мужа, приобретая новый статус в обряде поклонения солнцу, предкам, семейному очагу «мөргмү» [Шараева 2011: 121].

В составе приданого невесты войлочные изделия имеют не только прикладную, но и охранительную значимость: подушки-

валики «дер» (головные «дер богц» и ножные «көл богц»), постельные принадлежности (тюфяки «девскр» и циновки «ширдг»), чулки «өмсн», футляры для чашек «сав», тесьма для опоясывания кибитки «хошлнн» и др.

Традицией обрядового характера является рассылание членам родового сообщества кусочков войлока «ультрик» во время изготовления женщинами войлочных изделий и плетения веревок для кибитки [Душан 2016: 130]. Обычай свидетельствует о важной социальной роли традиционного материала в жизни калмыков.

Особую часть приданого составляли войлочные циновки «ширдг», нагружаемые на верблюда из свадебного поезда, украшенного нарядным потником «тохм» и недоуздом «ногт». Вещи делались невестой: шерсть валялась, получаемый войлок простегивался узором сакральной значимости. Родными невесты изготавливались принадлежности кошмового покрытия кибитки, шерстяные тесьмы, шнуры, пришивавшиеся к углам войлоков, волосяные и шерстяные веревки [Шараева 2011: 100–101, 119].

В фотоархиве Российского этнографического музея (РЭМ) имеются уникальные снимки начала XX в., зафиксировавшие изготовление войлока, свадебный поезд невесты с приданым, погруженным на верблюдов, одетых в потники и недоуздом, украшенные стежкой, аппликацией и шитьем. Такие нарядные войлочные принадлежности употреблялись только в свадебных церемониях, что отмечено исследователем А. А. Миллером, собирателем калмыцкой коллекции РЭМ [Миллер 1906–1907].

В войлочной кладовой РЭМ хранится полный комплект кошмового покрытия калмыцкой кибитки «ишкэ гер» белого цвета. В свадебном ритуале «хүрм» белый кошмовый полог навешивался на дверной проем в последнюю очередь, неся функцию ограждения молодой семьи от воздействия злых сил. Обрядовое действие совершалось в целом с приданым невесты и оформляло новые родственные связи, изменение и утверждение нового статуса молодоженов в традиционном сообществе. Сакральным воспринималось круговое пространство культовой кибитки «хурлын гер», подчеркиваемое белым цветом кошмового покрытия. Здесь совершались обрядовые действия, призванные защитить и оберечь мирян от

негативного воздействия природной среды, мирских искушений, препятствий и злых духов.

Войлок сопровождал весь жизненный цикл бытия калмыков. В родинных обрядах «мелэлһн» на войлочную подстилку «девскр» принимали новорожденного, окутывая его в мягкий и экологически чистый материал. Обряд первых шагов ребенка совершался на белом войлоке с символическим перерезанием шерстяных нитей, обвитых вокруг ножек. С ушедшим в мир иной прощались, заворачивая его в кошму и провозжая в последний путь в похоронно-поминальных обрядах «оршалһн».

В комплексе обрядов и традиций, сопутствующих жизни кочевников, проецируется этническая картина мира, получающая развитие в концепте триединства вселенной: плоскости земли, воздушных потоков, устремленных в небо, и подземных сил. Это взаимодействие одинаково закономерно для людей, животного и растительного миров, олицетворяющих жизнь в ее постоянном движении и изменениях. Первоуродное в истоках мышление кочевников, образующее органичную целостность миропредставления, оформлено в образной выразительности орнаментального декора предметов [Батырева 2006: 85–106]. Здесь заложена архаическая основа множества понятий и представлений народа, развитых в обрядовой культуре и философии буддизма.

Основополагающий концепт взаимообусловленной целостности мира (калм. «йиртжин хойр үндсн» — в образном переводе ‘борьба противоположностей’), древний в происхождении, предполагает обращение к проблеме культурного архетипа мировоззрения [Батырева 2018: 10], лежащего в основе обрядовой культуры народа.

Вертикальная ось мирового древа, воспроизводимая в родовых обрядах охранительного цикла, означает начало, сопрягаемое с центром мифопоэтического мироздания. Исходная в миропонимании древних точка изображения находит развитие в спиральной композиции орнамента, «вращающегося» как по ходу солнца («зөв эргэд»), так и против солнца. В стеганом декоре войлока из коллекции Музея джангарчи Ээлян Овла (пос. Ики Бухус Малодербетовского района) подчеркивается мысль о единстве миросоставляю-

щих стихий во взаимодействии противоположностей. В мировидении древних номадов и монголов оно означает два полюса мира, вступающие в противодействие и взаимодействие, образуя таким образом «начало начал» бытия в философском концепте «аргабилиг» [Гантулга 2011: 375–376].

Единой линией движения в три яруса простеган цветной строчкой узор древнего войлочного ковра из Ноин Улы (Монголия) [Гантулга 2017]. Четко выделен центр композиции как характерная особенность построения пространства в искусстве монгольских народов. Динамика спиральных узоров сдерживается каймой геометрического орнамента, сочетающего кресты, линии и зооморфные фигуры, выполненные в технике цветной аппликации [Батырева 2018: 6–13]. Изобразительные мотивы прикладного искусства номадов составляют «скотоводческий орнаментальный комплекс» [Батырева 2006: 78–81]. Выступая культурно-значимой информацией в пространственной визуализации традиционных этнокультурных кодов, орнамент образует декор предметов кочевого быта.

В механизме трансляции древнего пласта художественного мировидения реализуются универсалии и закономерности, свойственные обрядовой культуре номадов. Здесь сосредоточены важнейшие архетипы человеческого сознания, универсальные ментальные схемы мироощущения, составляющие образную систему художественного мышления. Здесь реконструируется средствами материальной культуры этническая картина мира [Батырева и др. 2015: 345–356], зримо проецируемая в обрядах жизненного цикла номадов. Они образуют органичную совокупность родинных традиций «мелэлһн», свадебного комплекса «хүрм» и ритуального ухода в мир иной «оршалһн».

Исполнение традиций тесно связано с предметной сферой материальной культуры, знаково обозначающей и сопровождающей то или иное обрядовое действие. Для него характерны концентрический и линейный принципы освоения пространства, составляющие особенности пространственного мышления кочевников [Тишков 2003: 25; Пространство 2008], проецируемые в образном строе традиционного бытия. Оно реализуется в системе универсальных знаков и символов, воспроизводимых как в орнаментальном деко-

ре войлока, так и обрядовых действиях, обеспечивающих трансляцию художественного опыта в границах традиции.

Продолжая линию знаковой выразительности пространства, в котором производятся обрядовые действия, выделяем принцип бинарной оппозиции явлений миропорядка: «день-ночь», «свет-тьма», «земля-небо», «правое-левое», «мужское-женское» и т. д. Традиционно сопрягаемые и в пространстве символического декора предметов, ритуальное изображение-действие может сочетать, например, мужское начало в проецировании фаллического культа и женское, связанное с культом плодородия [Гамзатова 2004: 79]. Исходные и взаимообусловленные понятия отображают жизнеутверждающие архетипы сознания, воспроизводимые в творческой деятельности. Они составляют основы традиционного мировидения, реализуемые в пространственных параметрах бытия кочевников: в процессе исполнения обряда или художественной обработки войлока.

В призме древних традиций воспринимается декоративно-прикладное искусство калмыков рубежа XIX–XX в. и, в частности, узорное войлоковаление как художественная обработка валяной шерсти в сочетании с кожей и тканью [Батырева 2006: 33–47].

Материалы, функционально взаимосвязанные в утилитарном назначении, представляют сферу женского рукоделия. Традиционно орнаментированное кошмоваление составляет мягкую предметную среду обитания кочевников.

Внутри кибитки «ишкэ гер» калмычка использовала войлочные изделия, украшенные стежкой и аппликацией, кровать застилала орнаментированной белой кошмой, пол — узорными войлочными циновками. Обрядовый характер имело традиционное в порядке выкладывания войлоком брачного ложа в свадебном ритуале. Наличие войлоков — свидетельство достатка семьи и мастерства хозяйки, девушки на выданье, как правило, не засиживавшейся долго в отчем доме. Рукодельницы умели не только валять шерсть и окрашивать в нужный цвет, наносить узорную стежку на изделия из кожи и войлока, но также сучить нити из шерсти, искусно вытягивать золотые и серебряные нити, шить позументы для украшения одежды и изделий. Декор наносился на войлочную

поверхность приемами аппликации, вышивки или простегивания шерстяными нитями, заменившими сухожилия животных, использовавшиеся в XVI–XVIII вв.

Традиционная прямоугольная форма тюфяков «девскр» и циновок «ширдг» изготавливалась из двухслойных полотнищ различной толщины. В предсвадебной подготовке приданого невесты обрядовый характер несет процесс их соединения приемами сквозного простегивания. Разнообразие войлока ойратов и калмыков представлено в коллекции Музея традиционной культуры им. Зая-пандиты КалмНЦ РАН.

Ойратами применяются нити разного цвета и шнуры «утцн» для выкладывания узора на войлоке, а также в создании пояса «бүс» для юрты и витя веревки «деесн». Для открывания круга «өрк» дымохода «харач», соединяющего жилое пространство человека с верхним миром предков, веревки, как и само кошмовое покрытие «өрк хэрүлх», делались из белой шерсти. Помимо используемой овечьей шерсти веревки, витые из конского волоса, более прочные и жесткие, применялись для обвязки деревянных конструкций жилища, создающих жизненно необходимое пространство бытия кочевника.

В изготовлении двухслойного стёганого войлока (калм. «ширдг», монг. «ширмэл») белый слой иногда дублируют менее ценной кошмой серого цвета, простегивая нитью из белой овечьей шерсти. Декор войлока состоит из орнаментального поля и бордюра, границы его отделяются от поля строчевыми швами. Узор геометрический варьируется, представляя собой композицию из косых параллельных линий, ромбовидных и треугольных форм, полукружного, п-образного или т-образного орнамента. Сочетание последних несет образную выразительность понятия «пути-дороги», характеризующего мобильное бытие кочевника. Оно оформляется узором войлочных предметов приданого, играющего свою роль в свадебных обрядах перехода невесты из дозамужнего состояния в обретение другого социального статуса.

Входя в орнаментальный декор вещей, стеганое изображение могло быть родовым знаком «тамһ» древнего происхождения, подчеркивающим его значимую символику.

В исполнении войлочного декора, нередко несущего сакральный смысл, калмычка умело применяла лицевое шитье стежком «хатхмр», выкладывая кайму шнуром «утцн», свитым из нитей, — свидетельствует И. Житецкий, исследователь калмыцкого быта XIX в. [Житецкий 1893: 38–41, 78].

Декоративный эффект контрастного сочетания цвета и фактуры шерстяных нитей, цветного шнура и материальной основы калмыцкого войлока подчеркнут геометрической графикой орнамента, выстланного строчевым швом. Соединение слоев разного цвета в войлочном полотнище акцентировано помещением светлого фрагмента в центре изделия. Таковы экспонаты Национального музея Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова, а также Войлочной кладовой РЭМ, собранные А. А. Миллером в 1906 г. у калмыков Донской области Сальского округа. Обшивка полосой, составленной из треугольных лоскутков красного и черного сукна, красочно дополняет образец настенного войлока [Миллер 1906–1907: 11].

В иллюстративном ряду каталога выставки «Мир войлока» РЭМ приведен калмыцкий потник на двугорбого верблюда, датируемый началом XX в. Декор его составляют круги и квадраты, заполненные крестообразной узорной стежкой «цаһргг зег», символизирующей деревянное перекрестье дымохода «харач» кибитки. Орнаментальный мотив на верблюжьей попоне сочетает приемы простегивания цветной шерстяной нитью и тканевой аппликации (сукна зеленого, красного и черного цвета).

Геометрический узор войлочной попоны, надхвостника с кисточкой на конце и недоуздка образован ромбами и треугольниками, соединенными параллельными линиями строчки. Таков комплект войлочного снаряжения верблюда из «свадебного поезда» невесты, дублированного тканью и аппликацией из цветного сукна, тесьмой и черной бахромой. Этническое своеобразие декора сложилось в обрядовой культуре народа, наследие которого сформировано в евразийском перекрестье художественных традиций.

Пространство войлока, заполненное знаками и символами традиционной культуры, подчеркнем, имеет упорядоченную систему оберега, призванного аккумулировать жизненные силы человека.

Многообразный пластический язык декора показывает наличие общего для монгольских народов символического мышления, объемлющего такие понятия философского и этического характера, как вечность, счастье, благополучие и богатство, пожелание добра. Вместе с тем культурный смысл орнамента несет особенное в призме мировидения, адекватно проецируемого в обрядах и традициях народного бытия.

Орнамент, историко-генетический код, прочитываемый в обрядовой культуре, раскрывает процесс ее формообразования. Это происходит в функционировании «социальной регуляции и репродукции в жизни общества, координирующих взаимоотношения половозрастных групп внутри семьи, рода...» [Шараева 2011: 112] и этнической общности в целом. Традиционная сфера культуры как древняя знаковая система выступает своеобразной «азбукой» народного творчества.

«Зегтэгэр керүлх» (калм. ‘украшать орнаментом’) — ключевое выражение не только в терминологии узорного войлоковаления в системе прикладного творчества, но и народного бытия в целом. Предметами художественного ремесла сопровождается и образно оформляется исполнение традиций и обрядов жизненного цикла. В органичной совокупности материального и духовного воспринимается культурное наследие калмыков.

В комплексном подходе впервые предпринято осмысление не только материальной составляющей натурального животноводческого хозяйства, но и духовной наполненности традиционной обрядовой культуры калмыков. Это номадическая специфика обрядов жизненного цикла и ремесленное производство предметной бытовой среды в традициях художественной обработки войлока калмыков. Семантика орнаментального декора предметов, играющая особую роль в обрядах, обусловлена процессом адаптации к меняющимся условиям развития материально-духовной культуры народа. Современное бытие традиций как актуальная проблема исследования определяет перспективы дальнейшего развития общества. Сохраняясь в обрядовой культуре, они играют важную роль в формировании этнокультурной идентичности молодого поколения.

Источники

Миллер 1906–1907 — *Миллер А. А.* Материалы по калмыцкой этнографии. Рукопись, зарисовки, фотографии (1906–1907). Сектор рукописей Государственного музея этнографии. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. 29 л.

Sources

Miller A. A. Materialy po kalmytskoy etnografii. Rukopis', zarisovki, fotografii (1906–1907) [Materials on Kalmyk ethnography: manuscript, sketches, photographs (1906–1907)]. Russian Museum of Ethnography, Manuscript Department. Fund 1. Ser. 2. File 403. 29 p. (In Rus.)

Литература

Батырева и др. 2015 — *Батырева К. П., Батырева С. Г.* Этническая картина мира как культурное наследие калмыков // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова. М.; Краснодар: ЮФ РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2015. С. 345–356.

Батырева 2018 — *Батырева С. Г.* Войлок в музейном собрании Государственного Эрмитажа: к вопросу образного мышления номадов Центральной Азии // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 3. С. 6–13.

Батырева 2006 — *Батырева С. Г.* Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: АОр «НПП „Джангар“», 2006. 160 с.: ил.

Батырева 2017 — *Батырева С. Г.* Войлок в системе комплектования музейного фонда // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 1. С. 164–168.

Гамзатова 2004 — *Гамзатова П. Р.* Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве (К проблеме культурного архетипа). М.: Editorial URSS, 2004. 144 с.

Гантулга 2011 — *Гантулга Д.* Цветовая, числовая и образная символика монголов в контексте учения *аргабилиг* // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 4(29). С. 375–376.

Гантулга 2017 — *Гантулга Д.* Художественная выразительность в орнаменте войлочных ковров [электронный ресурс] // Искусство Евразии. 2017. № 6. Евразийское наследие. URL: <https://readymag.com/u50070366/821476/8/> (дата обращения: 01.06.2018).

- Душан 1976 — *Душан У.* Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 5–89.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки. Наблюдения и заметки в 2-х очерках. Астрахань: Тип. «Астраханского листка», 1893. 214 с.
- Пространство 2008 — Пространство в традиционной культуре монгольских народов 2008 / Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова, О. А. Шагланова; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Восточная литература, 2008. 341 с.
- Тишков 2003 — *Тишков В.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Шараева 2011 — *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла у калмыков (XIX – нач. XX в.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 223 с.

References

- Batyreva K. P., Batyreva S. G. Ethnic worldview as a cultural heritage of the Kalmyks. Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya. Coll. papers. I. I. Gorlova (ed.). Moscow; Krasnodar: Ministry of Culture of Russia, Southern Branch of Likhachev Russian Cultural and Natural Heritage Research Institute, 2015. Pp. 345–356. (In Rus.)
- Batyreva S. G. Samples of felt in the collection of the State Hermitage Museum: the issue of Central Asian nomads' figurative thinking. Vestnik Kalmytskogo gosuniversiteta. 2018. No. 3. Pp. 6–13. (In Rus.)
- Batyreva S. G. Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kalmykov XIX – nachala XX vv. [Folk decorative and applied arts of the Kalmyks: 19th to early 20th cc.]. Elista: Dzhangar, 2006. 160 p. (In Rus.)
- Batyreva S. G. Compiling museum funds: felt arts works. Byulleten' KalmNTS RAN. Is. 1. Ser. 'Historical Sciences'. 2017. Pp. 164–168. (In Rus.)
- Gamzatova P. R. Arkhaicheskie traditsii v narodnom dekorativno-prikladnom iskusstve (K probleme kul'turnogo arkheta) [Archaic traditions in folk applied and decorative arts: cultural archetypes revisited]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 144 p. (In Rus.)
- Gantulga D. The teaching of Argabilig: symbolism of colors, numbers and images among the Mongols. Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. 2011. No. 4(29). Pp. 375–376. (In Rus.)
- Gantulga D. Artistic expressiveness in ornamental patterns of felt carpets. Iskusstvo Evrazii. 2017. Mo. 6. Evraziyskoe nasledie. Available at: <https://readymag.com/u50070366/821476/8/> (accessed: 1 June 2018). (In Rus.)

- Dushan U. Customs and rituals of pre-revolutionary Kalmykia. *Etnograficheskiy sbornik*. Is. 1. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1976. Pp. 5–89. (In Rus.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhanskies kalmyki. *Nablyudeniya i zametki v 2-kh ocherkakh* [Astrakhan Kalmyks: observations and notes in two essays]. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1893. 214 p. (In Rus.)
- Prostranstvo v traditsionnoy kul'ture mongol'skikh narodov [Space in the traditional culture of Mongols]. B. Z. Nanzatov et al.; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Sib. Branch of RAS). Moscow: Vost. Lit., 2008. 341 p. (In Rus.)
- Tishkov V. *Rekviem po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for the ethnos: studies in socio-cultural anthropology]. Mikloukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Rus.)
- Sharaeva T. I. *Obyady zhiznennogo tsikla u kalmykov (XIX – nach. XX v.)* [Life cycle rituals of the Kalmyks: 19th to early 20th cc.]. Elista: Dzhangar, 2011. 223 p. (In Rus.)

УДК 811.512.3

DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-146-160

**Характеристика звуков речи с точки зрения
традиционной грамматики монгольского языка**

**Characterizing Speech Sounds: a Perspective from Traditional
Mongolian Grammar**

P. Сарангэрэл (Sarangerel Ravjir)¹

¹ Монгольский государственный университет образования (район Сухэ-Батор, VIII микрорайон, Бага тойру-14, г. Улан-Батор 210648, Монголия)
кандидат филологических наук, преподаватель
ORCID: 0000-0002-6345-9447. E-mail: sravjir@gmail.com

School for the Humanities and Social Sciences, Mongolian State University of Education (Ikh Surguuliin gudamj-1, Bagatoiruu, Sukhbaatar District, Ulaanbaatar 210648, Mongolia)

Ph. D in Philology (Cand. of Philological Sc.), Department of Mongolian Linguistics, Lecturer

ORCID: 0000-0002-6345-9447. E-mail: sravjir@gmail.com

Аннотация. В данной статье мы попытались сравнить место и способ образования основных вариантов фонем монгольского языка с толкованием звуков речи, данным в традиционной грамматике «Огторгуйн маани», которое основано на теории пяти первоэлементов.

Ключевые слова: теория пяти первоэлементов, фонетические варианты, место и способ образования фонем, основной вариант

Для цитирования: Сарангэрэл Р. Характеристика звуков речи с точки зрения традиционной грамматики монгольского языка. Монголоведение. 2019;(1):146-160. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-146-160.

Abstract. The paper analyzes the explanation of language sounds in The Lotus Sutra, a traditional grammatical writing of the Mongolian language, viewed from the perspectives of the theory of the Five Elements ('Five Wind Branches') – and compares the former with the sound producing ways and positions in modern Mongolian. As is shown in The Lotus Sutra, the vowel sounds used to be classified into 'masculine' <a, o, u>; 'feminine' <e, ö, ü>; and 'neutral' <i>, however, a strong masculine sound <i> lost its fundamental phonetic role and turned into a neutral one. Analyzing the

ways and positions of sound production properly prescribed in the ancient grammar, it can be concluded that there were several ways and positions to produce consonant sounds, for instance, the labial sounds — ones resulting from lip-to-teeth contact; labiodental sounds — ones resulting from lip-to-teeth contact; dental sounds – front ones articulated with the tongue touching the front teeth; and finally, alveolar sounds – ones made with the tongue touching the alveoles. The comparative study basically concludes as follows: observing some special features of the sounds <a, ŋ, q, g, g> in Indian and Sanskrit languages it has properly classified the ways of sound production as those typical for ‘wind element’. For example, the vowel <e> in Modern Mongolian has been clustered with velar (guttural) vowels, such as <a, ŋ, q, g, g>. This classification, in turn, is based on the natural evolution and production of the sound <e>. According to Sh. Luvsanvandan and U. Mandakh, the sound <e> could have been pronounced as a mediolingual and post-mediolingual sound. Also, the scholar Phagpa Lama clarified how the sound was pronounced in his Square Script: as Nicholas N. Poppe defined clearly, there had existed two different types of the sound <e> – long (open) and short (narrow) ones.

Keywords: theory of the Five Primary Elements, phonetic variants, place and method of sound production, main variant

For citation: Sarangerel Ravjir. Characterizing Speech Sounds: a Perspective from Traditional Mongolian Grammar. *Mongolian Studies*. 2019;(1):146-160. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-146-160.

Введение

Изучение языковой системы и разработка вопросов грамматики монгольского языка осуществлялись на протяжении нескольких столетий. Ярким примером стремления монголов усовершенствовать родной язык и создать грамматику служит трактат «Зүрхний тольт» (в литературе обычно дается перевод ‘Сердечная сущность’ или ‘Сердечный покров’ [Орловская 2010: 10], ‘Изъяснение сердечного покрова’ [Герасимович 2006: 87]), не дошедший до нас в оригинале. Его автор — Сажа бандида Гунгаажалцан (тиб. Сакья пандита Кунга Гьялцен), 1182–1251, известный тибетский ученый и религиозный деятель, сыгравший значительную роль в установлении тесных связей между Монгольской империей и Тибетом.

Как отмечает М. Н. Орловская, «К этому же времени восходят и монгольские лингвистические традиции, связанные прежде всего с индийской и тибетской лингвистическими школами. Монгольские грамматисты XIII–XIV вв. не только изучали и знали санскрит и тибетский языки и написанные на них древние клас-

сические произведения, но и сами порой излагали свои стихи и трактаты на этих языках, как, например, живший и творивший в конце XIII – начале XIV в. крупнейший монгольский поэт, переводчик и ученый-филолог Чойджи-Одсэр» [Орловская 2010: 10].

Известны три сочинения «Зүрхний тольт», авторами которых являлись Сажа бандид (Сакья-пандита) Гунгаажалцан, Чойжи-Одсэр и Гунга-Одсэр, но «до нас дошли лишь сведения о том, когда и кем они были созданы, но ни одно из них до сих пор не найдено» [Герасимович 2006: 87].

Как отмечают ученые, большинство ранних монгольских грамматик не сохранилось. Исключение составляет сочинение Рав жам бы Данзандагвы (1723–1725), которое написано с опорой на труды его предшественников: Сажа бандида Гунгаажалцана, Пагба-ламы, Чойжи-Одсэра и Гунга-Одсэра и представляет собой широкое толкование сочинения Чойжи-Одсэра [Орловская 2010:13].

Сочинение Данзандагвы известно под названием «Огторгуйн маани» или, согласно содержанию, «Зүрхний тольтын тайлбар» («Комментарии к Зүрхний тольт»). Так, в азбуке восточномонгольского князя Тогтохтура (1797–1868) говорится о сочинении Рабжамбы Данзандагвы как о трактате «лучшего из мудрецов, монлам-ламы-рабжамбы Дандзиндагвы¹ „Небесные Мани, очищающие темноту заблуждений“», созданном «по повелению джунвана Лувсандаша и других» и являющемся толкованием сочинения «Зүрхни тольт» Чойджи-Одсэра [Отгоонбаатар, Цендина 2014: 37]. Далее мы называем сочинение Рабжамбы Данзандагвы «Огторгуйн маани».

Из кратких заметок, имеющих в сочинении «Огторгуйн маани», автором которого является Рабжамба Данзандагва [Danzandagba 2015], ясно, что Сажа бандида Гунгаажалцан, озвучив 14 букв гласными звуками (a, e, i) и добавив еще (wa, we), в своем трактате определил 44 буквы. Но лабиализованные 4 звука (o, u, ö, ü) и озвученные этими гласными звуками другие 52 буквы не были обозначены самостоятельными буквами: «Создавая свое

¹ Р. Отгоонбаатар и А. Д. Цендина в этом месте дают примечание: «Известный монгольский грамматик XVIII в.» [Отгоонбаатар, Цендина 2014: 37].

сочинение <...> Гунгаажалцан, приспособившая уйгурские знаки (вместе с тремя гласными их насчитывалось 17) к монгольскому языку для передачи на письме монгольской речи и разрабатывая орфографию, положил в основу алфавита индо-тибетскую слоговую систему. Хотя уйгуро-монгольское письмо по своему характеру не слоговое, а звуковое, тем не менее Гунгаажалцан и все последующие грамматисты, вплоть до начала XX в., объясняли его как слоговое по принципу индийской и тибетской слоговых систем, которые они хорошо знали» [Орловская 2010: 11–12].

В «Зүрхний тольт» Сажа бандида Гунгаажалцан не только классифицирует звуки монгольского языка на согласные и гласные, но и подразделяет гласные звуки на мужские (а,о,и), женские (е, о, у) и средний (и).

Д. Тумуртогто в своей работе «Вопросы теории и истории монгольской лингвистики» [Төмөртогтоо 2002: 407–445] отметил, что сочинение «Зүрхний тольт» впоследствии обновлялось новыми положениями, которые выдвигали ученые¹, и явилось наследием лингвистической традиции монголов, к началу XX в. получившим окончательную форму.

В упомянутых трудах («Зүрхний тольт», «Огторгуйн маани») звуки монгольского языка классифицированы на основе теории пяти первоэлементов. Многие исследователи отмечали, что тре-

² Оригинальные версии грамматических сочинений, посвященных монгольскому языку, — «Зүрхни тольт» (jirüken ü tolta) Сажа бандида Гунгаажалцана (XIII в.), «Зүрхни тольтын тайлбар» (jirüken-ü tolta-yin tayilburi) Чойжи Одэра (XIV в.) не сохранились, но на их основе написаны грамматические сочинения — такие, как труды Данзандагвы «Огторгуйн маани» (Oγtorγui-yin mani), Билгиндалай Шаравжамца «Монгол үсгийн толтоос өчүүхэн заавар» (Mongγol üsüg-ün tolta-aса өсүкен jiyabagi bolai), Дагвашарава «Монгол үсгийн утгыг чухал заасан дэлгэрэнгүй оюут» (Mongγol üsüg-ün udq-a-yin ciqua jiyagu delgerengui oyut), Сумадирадны (Лувсанринчена) «Монгол үсгийн ялгалыг үзүүлэгч тодорхой толь» (Mongγol üsüg-ün ilyal-i üjegülügci todurqai toli), Занги Лхамсүрэна «Монгол үсгийн ёсыг тодорхойлон гаргасан алтан толь» (Mongγol üsüg-ün yosun-i todurqayilan γaγayсан altun toli), Онход Жамьяна «Монгол үсгийн ёсыг өчүүхэн төдий товчлон гаргасан байдал» (Mongγol üsüg-ün yosun-i өсүкен tobciлан γaγayсан bayidal), Шагжи «Монгол үсгийн тэргүүн, дунд, эцэст эгшигтэй ба дэвсгэрлэн орох ёсыг тодотгон илтгэсэн эрдэнийн сангийн түлхүүр» (Mongγol üsüg-ün terigün, dumda, ecüs-tü egesigtei ba debiskeren oruqu yosun-i todudqan ilteгүgsen sang-un түлгегүр) и другие [Төмөртогтоо 2002: 407–445].

тя глава «Огторгуйн маани» представляет собой трактат о фонетике монгольского языка. Данзандагва, опираясь на принципы теории пяти первоэлементов, описал яркую картину звуков речи [Danzandagba 2015].

Нами осуществляется попытка сравнить место и способ образования основных вариантов фонем современного монгольского языка с соответствующими положениями, выдвинутыми Данзандагвой.

Основная часть

Термин «махбод» (от санскритского словосочетания «Panca mahabhuta», берущего истоки в Древней Индии) означает ‘тело, вещество, предмет, элемент, материя’. Согласно философским воззрениям древних греков, индусов и китайцев, мир и все различные явления в нем рассматривались как результат взаимодействия первоэлементов.

В Древней Греции первоосновой считали огонь, воду, землю, в Древней Индии — пространство, воздух, огонь, воду, землю, а в Древнем Китае — металл, дерево, воду, огонь, землю [Пагба 1959: 17–19].

Рассмотрим трактовки ученых-исследователей, касающиеся концепции пяти первоэлементов. Так, Г. Лхагвасурэн отмечает: «Формирование и структура любых существенных предметов объясняются взаимодействием элементов: земли, воды, дерева, огня и воздуха. Согласно буддийской философии, эти элементы влияют друг на друга и с положительной, и с отрицательной сторон¹» [цит. по: Пагба 1959: 17–19].

С. Мёмё считает, что «согласные и гласные звуки классифицированы в соответствии с концепцией пяти элементов. Махбод (махаавхуута) — слово санскритское, означающее „тело, вещество, предмет, элемент, материя“³. В древности в Греции, Индии, Китае существовало философское направление, согласно которому мир и все происходящие в нем явления считались результатом взаимодействия основных элементов...» [Мөөмөө 1979: 17–19].

³Цитаты в статье приведены в переводе З. Баярчимэг.

По мнению Д. Ганболда, «махбод — индийское слово, означающее большое вещество. Монгольское слово *бодит* ‘вещественный’ в корневой основе исходит именно из этого слова. Атом, или иными словами мельчайшая пылинка, сохраняет в себе корневые свойства земли, воды, огня, воздуха. По философскому толкованию, мельчайшая пылинка имеет массу (землю), влагу (воду), тепло (огонь), легкость (воздух) и состоит из бесчисленного множества. Космос представляет собой вакуумную среду, которая в любых условиях сохраняет пространственность» [Ганболд 2006: 111; см. также: Чулуунбат 1987: 53]

В трактате «Огторгуйн маани» Рабжамба Данзандагва классифицировал звуки согласно древнеиндийской и древнекитайской концепциям о пяти элементах [Danzandagba 2015] .

Л. Чулуунбат пишет о философской традиции Древней Индии: «Из всех осязаемых свойств, характерных для любых предметов действительности, мудрые мыслители Древней Индии выбрали стойкость, влажность, тепло, легкость первоисточника мироздания. А выражением этих физических свойств являются земля, вода, огонь, воздух» [Чулуунбат 1987: 53]. Сравнивая это положение с современной теорией атома, ученый отмечает, что «суть первоисточников мироздания заключается в том, что элементы, являющиеся различным проявлением первичной материи, способны к взаимопревращениям: стойкость порождает твердость, влажность — плавкость, тепло — огненность, легкость — воздухообразность. Если это рассмотреть в полном соответствии с особенностью свойств частиц внутри атома, то протону и нейтрону, как компонентам ядра, присущ элемент „земля“; мезону, имеющему свойство пара, — элемент „вода“, электрону, который вращается вокруг ядра, — элемент „воздух“, а ядру, имеющему силу притяжения, — элемент „огонь“. А пятый элемент, пространство, и есть бытие» [Чулуунбат 1987: 54].

Языковеды, к примеру, ученые Ж. Санжаа и Ж. Надмид, так оценивают трактовку Данзандагвы, который классифицировал звуки речи, придерживаясь философской концепции Древней Индии: «...несмысленные звуки обозначены буквами, которым присущ элемент „пространство“; звуки, производимые легким движе-

нием языка, обозначены буквами элемента „воздух“; звуки, производимые движением языка вверх к нёбу, обозначены буквами элемента „огонь“; звуки, производимые при снижении языка и при смыкании губ, обозначены буквами элемента „вода“; звуки, производимые при смыкании языка и зубов, обозначены буквами элемента „земля“. Такое определение места произношения звуков, данное в традиционной грамматике, полностью совпадает с современной теорией классификации звуков речи» [Санжаа, Надмид 2008: 58]. Заслуга Данзандагвы и Чойжи-Одсэра, труд которого комментировал Данзандагва, заключается в том, что они смогли объяснить основу современной фонетики с точки зрения концепции пяти первоэлементов.

Согласно теории космогенеза китайской философии¹, «мир основывается на взаимопорождении и взаимопреодолении пяти первоэлементов (начал, стихий): земли, металла (неба), воды, огня и дерева. Природа воды — быть мокрой и течь вниз. Природа огня — гореть и подниматься вверх. Природа дерева — поддаваться сгибанию и выпрямлению. Природа металла — подчиняться внешнему воздействию и изменяться. Природа земли проявляется в том, что она принимает посев, дает урожай и присутствует во всем» [Дарьхүү, Эрдэнэбаяр 2014: 11].

Ученые Ж. Санжаа и Ж. Надмид отмечают, что «в медицине считалось, что печени характерен элемент „дерево“, сердцу — „огонь“, селезенке — „земля“, легким — „металл“, почкам — „вода“ <...> И звук, согласно философской концепции китайцев, порождается струей воздуха, выходящей из сердца, селезенки, легких и почек, т. е. внутренняя чувственность и звуки трактуются в тесной связи с энергией произношения», «данное толкование интересно тем, что звуки характеризуются участием речевых органов в органической связи с деятельностью внутренних органов человека» [Санжаа, Надмид 2008: 58], «при взаимодействии пяти элементов происходят два процесса: круг порождения (или питания), т. е. огонь порождает землю, земля — металл, металл — воду, вода — дерево, дерево — огонь, и круг замыкается; и круг разрушения,

¹ Понятие «у-син» ‘пять элементов’, относящееся к основным категориям китайской философии, означает «пятичленная структура, определяющая основные параметры мироздания» [Дарьхүү, Эрдэнэбаяр 2014: 10–12].

т. е. огонь разрушает металл, металл — дерево, дерево — землю, земля — воду, вода — огонь, и опять всё замыкается. Получается, что у каждого элемента есть 2 близких ему элемента: один, который питает его, и второй, которого питает он. Есть также один „враждебный” элемент — который его разрушает. И есть один зависимый элемент, который разрушается им самим» [Пагба 1959: 17–19; цит. по: Санжаа 2011: 167].

Согласно этой концепции, «мать огня — дерево, земля — мать дерева, огонь — мать земли, а вода — враг огня, земля — враг воды, дерево — враг земли, металл — враг дерева, огонь — враг металла, т. е. каждый элемент представляет собой одно из состояний единой первоматерии — определенное сочетание основных качеств — тепла, холода, влажности и сухости: Тепло + сухость = Огонь, Тепло + влажность = Воздух, Холод + влажность = Вода, Холод + сухость = Земля» [Пагба 1959: 128].

Таблица 1. Сравнение характеристик звуков по участию органов речи, основанных на теории пяти первоэлементов

Пять элементов (согласно древнеиндийской концепции)	Буква	Пять элементов (согласно древнекитайской концепции)
Пространство (порождение звука из трахеи)	Э, А, НГ, ГА, ХА и родственные	Дерево (еле слышимый звук)
Воздух (звук, произносимый при помощи кончика языка, зубов и нёба)	И, ЗА, ША и родственные	Огонь (щелевой звук, произносимый сквозь верхние и нижние зубы)
Огонь (звук, произносимый при помощи нёба)	РА, ЯА, ЦА родственные	Металл (ротовая полость открыта, язык продвинут: звук, подобный пару, выходящему из носа)
Вода (губно-губной звук)	МА, БА, ПА и родственные, ВА, ВЭ	Вода (звук, подобный шуму при смыкании губ)
Земля (звук, произносимый при участии кончика языка и зубов)	ДА, ТА, НА, ЛА, СА и родственные	Земля (звук, подобный втягиванию пара в нос)

В трудах монгольских языковедов, в том числе Ж. Санжаа, подчеркивается, что «в традиционной грамматике, основанной на концепции пяти первоэлементов, дана нам яркая картина речепроизводства: звуки речи, производимые струей воздуха, в зависимости от признаков и действий присущего им определенного первоэлемента, со звуком-союзником соединяются сразу, а с враждебным звуком путем адаптации образуют слово или морфему, которые являются языковыми единицами, имеющими конкретное значение. Попытка сформулировать место и соединение звуков с точки зрения структурологии является главной заслугой древних языковедов-монголов» [Санжаа 2011: 167]

Д. Тумуртог отмечает, что «подразделение звуков монгольского языка по концепции пяти первоэлементов служит не только признанием вещественной стороны звуков речи, но и лингво-физиологической классификацией, отражающей место образования и способ произношения каждого звука» [Төмөртоогоо 2002: 421].

Из всего вышесказанного следует, что различие в образовании звуков, согласно концепции пяти первоэлементов, полностью соответствует ассимиляции гласных в монгольских языках. Гармония, при которой ударный гласный в первом слоге монгольского языка определяет, какой гласный должен быть в следующем слоге, называется ассимиляцией гласных. Например: по принципу старомонгольского письма, если слово начинается с «о», то в следующих за ним слогах пишется «у»; если начинается с «а» — в следующих за ним слогах «о, у», и если в начале слова «ө», то в следующих за ним слогах — «ү». Так же в кириллическом варианте монгольской письменности, если в первом слоге «а», «у», то в следующих за ним слогах — краткий «а» (например, *уран, намар*). Если в первом слоге встречается гласная «ө» — в следующих слогах будет краткий «ө» (*өрөг, өнөр*). Если в первом слоге «э», «ү», «и», то следует в другом слоге краткий «э» (*хэрэг, илбэ, үзэм*). Так же, если в первом слоге «о», то следует краткий «о» (например, *орон, бороо*). А в сложном слове, состоящем из двух основ, могут сочетаться «мужские» и «женские» гласные (*санахгүй, учиргүй*); поскольку -жээ, -чээ указывают на время действия, то, не имея

других вариантов, пишутся они в словах и мужского и женского родов (например, *гарчээ, иржээ*). Для иноязычных слов правило ассимиляции гласных монгольского языка не действует.

В таблице 2 дано сравнение особенностей произношения звуков согласно концепции пяти первоэлементов (по трактату «Огторгуйн маани») с местом и способом образования основных вариантов фонем современного монгольского языка.

Таблица 2. Сравнение особенностей произношения звуков согласно концепции пяти первоэлементов

№	Звуки	«Огторгуйн маани»	Место образования	Способ образования
1	<i>a</i>	трахея	задняя часть языка	ротовая полость открыта: подъём языка нижний
2	<i>e</i>	трахея	передняя часть языка	подъём языка средний
3	<i>i</i>	кончик языка, зубы, нёбо	передняя часть языка	сужение ротовой полости
4	<i>o</i>	лабиализация	задняя часть языка, губы	округление губ, подъём языка средний
5	<i>u</i>	лабиализация	задняя часть языка, губы	вытягивание губ, сужение ротовой полости
6	<i>o2</i>	лабиализация	задняя часть языка, губы	округление губ, подъём языка средний
7	<i>u2</i>	лабиализация	задняя часть языка, губы	вытягивание губ, сужение ротовой полости
8	<i>ng</i>	трахея	задняя часть языка	смыкание
9	<i>γ</i>	трахея	задняя часть языка	смыкание

10	<i>q</i>	трахея	задняя часть языка	фрикация
11	<i>y</i>	кончик языка, зубы, нёбо	передняя часть языка	смыкание и фрикация
12	<i>s̃</i>	кончик языка, зубы, нёбо	передняя часть языка	фрикация
13	<i>ʃ</i>	нёбо, зубы	передняя часть языка	смыкание
14	<i>r</i>	нёбо, зубы	передняя часть языка	вибра-фрикация
15	<i>c̃</i>	нёбо	передняя часть языка	смыкание и фрикация
16	<i>m</i>	губно-губной	губы	смыкание
17	<i>b</i>	губно-губной	губы	смыкание
18	<i>p</i>	губно-губной	губы	смыкание
19	<i>w</i>	губно-зубной	губы	фрикация
20	<i>d</i>	кончик языка и зубы	передняя часть языка	смыкание
21	<i>t</i>	кончик языка и зубы	передняя часть языка	смыкание
22	<i>n</i>	кончик языка и зубы	передняя часть языка	смыкание
23	<i>l</i>	кончик языка и зубы	передняя часть языка	билатеральная фрикация
24	<i>s</i>	кончик языка и зубы	передняя часть языка	фрикация

Сравнив трактовку об особенностях произношения звуков, основанную на концепции пяти элементов, с местом и способом образования фонем современного монгольского языка, мы пришли к нижеследующему выводу.

1. Труды С. Мёмё наглядно показывают, насколько творчески относился Данзандагва к анализу классификации звуков индийского санскрит-языка. Наблюдая особенность произношения звуков «А, Э, НГ, ГА, ХА и родственных», он сумел точно определить,

что «букве, обозначающей звук, который производится без каких-либо препятствий, характерен первоэлемент воздух» [Мөмөө 1979: 15]. К тому же, гласный звук *e* современного монгольского языка отнесли к ряду таких звуков, как *a, ɳ, q, kg g'*, относящихся к звукам задней части языка. Предполагаем, это может быть связано с происхождением и эволюцией гласного *e*, при порождении которого струя воздуха, выходящая из легких, не встречает препятствий. Ученые Ш. Лувсанвандан, О. Мандах предполагают, что когда-то звук *e* произносился в среднем и за средним рядом языка [Санжаа 2011: 164].

Н. Н. Поппе, детально изучивший квадратное письмо, которое сочинил Пагба-лама Лодойжалцан, подчеркнул, что в квадратном письме существовали два звука *e*, один из которых довольно открытый *e*, а второй — узкий *e* [Поппе 1941: 34].

2. Исходя из подразделения гласных звуков на мужские (*a, o, u*), женские (*e, o, u*) и средний (*i*), данные в «Огторгуйн маани», мы предполагаем, что громкий мужской (*i*) потерял самостоятельную функцию фонемы.

3. По месту происхождения губные и смычные звуки образованы при смыкании губ, звуки переднего ряда языка — при смыкании кончика языка, зуб и нёба. Иными словами, смычка или фрикация речевых органов являются ярким примером того, как подробно толковались место и способ образования согласных в традиционной грамматике. Точно также были определены способы произношения вибро-фрикативного звука *r* и билатерально-фрикативного звука *l*.

Взаимопорождение и взаимопреодоление пяти элементов заключается в следующем: дерево, порождая огонь, побеждает землю; огонь, порождая землю, побеждает металл; земля, порождая металл, побеждает воду; металл, порождая воду, побеждает дерево; вода, порождая дерево, побеждает огонь.

Мы предполагаем, что детальное изучение этого взаимопорождения в тесной связи с признаками звуков речи, поможет нам раскрыть и другие стороны таких языковых явлений, как чередование и изменение звуков.

Таблица 3. *Связи пяти элементов*

Взаимопорождение/ Взаимопреодоление	Дерево	Огонь	Земля	Металл	Вода
Мать	Вода	Дерево	Огонь	Земля	Металл
Сын	Огонь	Земля	Металл	Вода	Дерево
Союзник	Земля	Металл	Вода	Дерево	Огонь
Враг	Металл	Вода	Дерево	Огонь	Земля

Источники

Danzandagba 2015 — *Danĵandaγba. Jirūken-ü toltu-yin biĉig nigen debter orusibai. Mongγol kelen-ü sudulul-un durasqaltu biĉig-üd. Öbür mongγol-un keblel-ün бүлүглел. Öbür mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, Mongγol tulgar biĉig-un ĉubural.* 2015.

Sources

Danĵandaγba. *Jirūken-ü toltu-yin biĉig nigen debter orusibai* [The Mirror of the Heart]. *Mongγol kelen-ü sudulul-un durasqaltu biĉig-üd* [Monuments of Mongol linguistics]. Hohhot: Inner Mongolia Culture Press, 2015. *Mongγol tulgar biĉig-un ĉubural* [Series ‘Collected (Ancient) Mongolian Sources’]. (In Mong.)

ЛИТЕРАТУРА

- Ганболд 2006 — *Ганболд Д.* Монгол сан тахилгын судар үгийн урлагийн туурвил болох нь. Улаанбаатар: Соёмбо пресс, 2006. 165 х.
- Герасимович 2006 — *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII – начала XX вв. Материалы к лекциям. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 362 с.
- Дарьхүү, Эрдэнэбаяр 2014 — *Дарьхүү Р., Эрдэнэбаяр Г.* Философийн түүх (История философии). Улаанбаатар: Бит сервис, 2004. 142 х.
- Мөөмөө 1979 — *Мөөмөө С.* Орчин цагийн монгол хэлний авиан зүй / Ред. С. Галсан. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1979. 198 х.
- Орловская 2010 — *Орловская М. Н.* Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. М.: Вост. лит., 2010. 303 с.

- Отгонбаатар, Цендина 2014 — *Отгонбаатар Р., Цендина А. Д.* Образцы письменной традиции Северной Монголии: алфавиты, транскрипции, языки (конец XVI — начало XX в.). М.: Наука – Вост. лит., 2014. 240 с.
- Пагба 1959 — *Пагба Т.* «Зүрхний тольтын тайлбар»-ыг судалсан тухай тэмдэглэл / ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1959. 64 х.
- Поппе 1941 — *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 166 с.
- Санжаа, Надмид 2008 — *Санжаа Ж., Надмид Ж.* Монгол хэлний авиазүй ба авиалбарзүй / Ред. С. Мөөмөө. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 2008. 296 х.
- Санжаа 2011 — *Санжаа Ж.* Монгол хэлний их авиалбар, авиалбар, авианы тогтолцоо. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 2011. 518 х.
- Төмөртогоо 2002 — *Төмөртогоо Д.* Монгол хэл шинжлэлийн онол түүхийн асуудлууд. Улаанбаатар: Бэмби сан, 2002. 549 х.
- Чулуунбат 1987 — *Чулуунбат Л.* Үсгийг махбодоор ялгах ёсны тухай // Хэл зохиол судлал. 19-р боть, Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1987. 191 х.

REFERENCES

- Ganbold D. *Mongol san takhilygn sudar ügiyn urlagiyn tuurvil bolokh n'* [Preliminary notes on the oral tradition related to Mongolian incense offering sutras (texts)]. Ulaanbaatar: Soembo Press, 2006. 165 p. (In Mong.)
- Gerasimovich L. K. *Mongol'skaya literatura XIII – nachala XX vv. Materialy k lektsiyam* [Mongol literature of the 13th – early 20th cc. Lecture materials]. Elista: Dzhangar, 2006. 362 p. (In Rus.)
- Darkhüü R., Erdenebayar G. *Filosofiyin түүх* [History of philosophy]. Ulaanbaatar: Bit Servis, 2004, 142 p. (In Mong.)
- Möömöö S. *Orchin tsagiyn mongol khelniy avian züy* [Phonetics of Modern Mongolian]. S. Galsan (ed.). Ulaanbaatar: State Publ. House, 1979, 198 p. (In Mong.)
- Orlovskaya M. N. *Ocherki po grammatike yazyka drevnikh mongol'skikh tekstov* [Essays on the grammar of the language of ancient Mongolian texts]. Moscow: Vost. Lit., 2010. 303 p. (In Rus.)
- Otgonbaatar R., Tsendina A. D. *Obraztsy pis'mennoi traditsii Severnoi Mongolii: alfavit, transkripsii, yazyki (konets XVI — nachalo XX v.)* [Samples of the written tradition of Northern Mongolia: alphabets, transcriptions, languages (late 16th – early 20th cc.)]. Moscow: Nauka – Vost. Lit., 2014. 240 p. (In Rus.)

- Phagpa T. «Zürkhniy tol'tyn taylbar»-yg sudalsan tukhay temdeglel [Notes to studies of The Mirror of the Heart]. Ts. Damdinsüren (ed.). Ulaanbaatar: State Publ. House, 1959, 64 p. (In Mong.)
- Poppe N. N. Kvadratnaya pis'mennost' [The Square Script]. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1941. 166 p. (In Rus.)
- Sanzhaa Zh., Nadmid Zh. Mongol khelniy aviazüy ba avialbarzüy [Mongolian phonetics and phonology]. S. Möömöö (ed.). Ulaanbaatar: State Publ. House, 2008, 296 p. (In Mong.)
- Sanzhaa Zh. Mongol khelniy ikh avialbar, avialbar, aviany togtoltsoo [The system of Mongolian phonemes and sounds]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 2011. 518 p. (In Mong.)
- Tömörtogoo D. Mongol khel shinzhleliyn onol tүүкhiyn asuudluud [Mongol linguistics: problems of history and theory]. Ulaanbaatar: Bembi San, 2002. 549 p. (In Mong.)
- Chuluunbat L. Üsgiyg makhbodoor yalgakh esny tukhay [Separation of letters in accord with macroelements]. Khel zokhiol sudlal [Linguistics]. Vol. 19. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1987, 191 p. (In Mong.).

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Выпуск 1

2019

Главный редактор *В. В. Куканова*

Компьютерная верстка
и подготовка оригинал-макета *А. Ю. Кюкеев*

Дата выхода: 07.05.2019. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 9,35. Тираж 100 экз. Заказ 04-19
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр РАН»
д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 г. Элиста,
Республика Калмыкия, Российская Федерация.
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved@kigiran.com